

$\frac{3}{K.63.}$

ЮНЫЙ КОММУНИСТ

11—12

И Ю Н Ъ

1 9 2 7

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ар.р. 1253(2)

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕДОВАЯ—Перед угрозой войны	3
Я. РУБИНШТЕЙН—Капитальное строительство	8
Ю. КОНЕЦКИЙ—Комсомол Польши в борьбе против фашизма	22
Н. ЧАПЛИН—Задачи комсомольцев западных наменьшинств	28
ГУМЕДИН—По стенам Троцкого	36
Ал. БАРЫШЕВ—О внутрисоюзной демократии	42
Г. КОРАБЕЛЬНИКОВ—Открытое письмо читателя-друга комсомольскому журналисту	50
Арк. ВЯТИЧ—Важнейший инструмент работы в массах	62
Мих. МАСУНИН—Режим времени активиста	70

Дискуссионный отдел

Н. ВИГИЛЯНСКИЙ—О студенческом быте	74
--	----

Критика и библиография

ИШПОЛИТ—Актив ВЛКСМ в цифрах	81
КЛИМОВ—Литература об Англии и англо-советских отношениях	84
Н. ОРУЖЕЙНИКОВ—«Комсомольская библиотечка»	87
С. БУНИН—Производственные застрельщики	88
Л. РОВИНСКИЙ—«Империализм нефти»	90

Письла в редакцию

5-6-15235

Выходит с 1918 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЮНЫЙ КОММУНИСТ

ТЕОРЕТИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
Ц К В Л К С М

И Ю Н Ъ

№ 11—12

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1927

Ac. p. 1253(2)

Тип. «Эмес»,
Москва, Покровка 9.
Тир. 4200 экз.
Главлит № 90497

Перед угрозой войны

События развиваются с неслыханной быстротой. Колесо истории вертится бешеным темпом. Если от первой войны, охватившей всю Европу, войны Наполеоновской, до мировой войны прошло более 100 лет, если от франко-прусской войны до военного реванша Франции против Германии прошло почти столетие, то сейчас еще не зажили раны последней бойни, а уж консервативное правительство Англии готовится обрушить на головы трудящихся масс всего мира новую кровавую войну. Только этот смысл имеет разрыв дипломатических и торговых сношений между Англией и СССР. Разрыв—это еще не война, но это шаг к войне, и этот шаг сделан правительством английских твердолобов.

Почему английское правительство решилось на этот шаг, который даже хитрая лиса буржуазии—Ллойд-Джордж—считает безответственным и безрассудным? Ведь этим шагом буржуазное правительство явно вскрывает свое лицемерие, ведь твердили же они во время мировой войны, что это—последняя война, что после нее наступит братство народов, олицетворением которого должна была стать Лига Наций? Ведь нельзя же предположить, этому не поверит даже ребенок, что разрыв был следствием пропавши из недр английских архивов таинственного документа, так и не найденного в сейфах советского торгпредства.

Разрыв последовал, во-первых, потому, что положение Англии толкает ее на путь рискованных военных авантур. Англии труднее, чем какой-либо другой стране, дается процесс послевоенного восстановления хозяйства. Такие отрасли промышленности, как угольная, не могут, вследствие своего устарелого оборудования, конкурировать с этими отраслями промышленности в других странах. Героическая стачка горняков, несмотря на ее поражение, нанесла сильный удар английскому капитализму. Рост хозяйственной независимости колоний от основной империи является также немаловажным фактором ослабления английского капитализма. И этот гниющий, теряющий почву под ногами, теряющий былой блеск, могущество и влияние капитализм в поисках выхода пускается на путь авантур, на рискованный и опасный путь войны.

Разрыв последовал, во-вторых, потому, что на пути этих авантур важнейшим препятствием английского правительства является Советский Союз, правительство которого, единственное во всем мире, искренне, нелицемерно борется за мир, вскрывая перед всеми опасность и гибельность кровавого пути войны.

Разрыв последовал, в-третьих, потому, что правительство Советского Союза является сторонником национально-революционного правительства в Китае, против которого воюет Англия. Война против освобождающегося Китая—уже несомненный факт. О нем недвусмысленно твердят пушки английских дредноутов, уже стрелявшие

в Нанкине и готовые в любой момент обрушить на Китай стальной град. Эта война продиктована кровными интересами Англии не только в Китае, но и в Индии и других колониях Великобританской империи. Само собой понятно, что наше сочувствие целиком на стороне китайской революции, против ее душителя — английского империализма. И это обстоятельство грозит тем, что война Англии против революционного Китая может перерасти в войну против СССР, конечно, только в том случае, если война не будет приостановлена в самом ее зародыше.

Разрыв последовал, в-четвертых, потому, что в то время как английское правительство стало во главе мировой реакции, готовой все силы свои употребить для того, чтобы повернуть вспять колесо истории, Советский Союз является маяком угнетенных всего мира, примеру которого стремятся следовать подлинны революционеры любой страны. Это коренное противоречие английские консерваторы хотят разрешить кровью и железом.

И, наконец, разрыв последовал потому, что в рядах самой консервативной партии Англии вопрос об отношении к СССР стал одним из главных козырей внутрипартийной игры. В партии усилилось влияние ограниченного, тупого и узкого крыла, по справедливости названного твердолобым. И под дудку твердолобых английское правительство далеко не грациозно сплясало танец разрыва сношений с СССР.

Война уже давно разразилась бы, если бы не терпеливая, мирная политика нашего правительства. На такие неслыханные акты, как налет на посольство в Пекине, проведенный по английскому приказу, как налет на торгпредство, сопровождавшийся захватом дипломатических бумаг, избиениями и оскорблениями наших сотрудников, любое другое правительство ответило бы тяжелыми репрессиями, в результате которых могла разразиться война. Ведь не случайно Ходжсон, английский поверенный в делах в СССР, два дня жег в здании английского посольства тайственные бумаги. Он, очевидно, также ждал налета и обыска. Советское правительство не пошло на такие шаги. Оно проявило максимум терпеливости, не потеряв в то же время своего достоинства. И английским консерваторам не удалось спровоцировать нас на войну, хотя они этого усиленно добивались.

Но они не прекращают своих попыток. И они усиленно готовятся к войне, всеми путями и средствами подготавливая к этому армию и тыл.

Правительство Англии строит единый антисоветский блок. Оно хочет окружить СССР тесным кольцом враждебных ему государств, от Финляндии до Румынии пытается оно протянуть цепь направленных против нас штыков. В этих целях проводятся фашистские перевороты в одних странах, подкупаются правительства других, угрозами втягиваются в блок третьи. С помощью Венгрии и Италии в антисоветский блок втягиваются Балканы, которые должны стать одним из участков нападения на южные границы СССР.

Английское правительство душит рабочее движение внутри Англии, опасаясь, что оно выступит против войны с СССР. Билль о профсоюзах отнимает у английских рабочих элементарные права, отнимает у них фактически свободу стачек: правительство готовится в начале войны задушить рабочее движение, в первую очередь компартию, и, вероятно, оно не остановится перед попытками физического истребления ее вождей. Буржуазия создает свои осо-

бые отряды, исключительно верные и преданные ей, которые будут гнать трудящихся на фронт и душить их движение в тылу.

Английское правительство подготавливает такое же надувательство масс, какое было проведено во время войны 1914—18 годов. В этих целях оно подкупает так называемых рабочих вождей, правых и левых, которые охотно кричат о мировом большевизме, якобы, являющемся наибольшей угрозой делу мира, о «Красном империализме», о необходимости покончить с большевизмом для того, чтобы вести борьбу с фашизмом. Тем самым эти искушенные в предательстве социал-демократические Иуды, готовые за 30 серебрянников продать не только тело, но и душу рабочего класса, подготавливают новое предательство интересов рабочего класса во время войны против СССР. Уже сейчас своим пассивным отношением к войне империализма против революционного Китая вожди социал-демократии доказали, что они готовы в любой момент повторить тот предательский акт, который они совершили в 14 году.

Английское правительство, наконец, лихорадочно вооружает себя и своих вассалов и приспешников к будущей войне. Военная промышленность развилась до необычайной степени. Техника ведения войны улучшается гораздо быстрее, чем техника хотя бы горной промышленности Англии. В будущей войне народы услышат гром невиданных по своей дальнобойности орудий; над полями сражений будут реять колоссальной мощности и грузоподъемности самолеты; германские «чемоданы» покажутся детской игрушкой по сравнению с разрушительной силой новых бомб; в действие будут введены газы, о влиянии которых мы можем только приблизительно догадываться; снаряды, разрываясь, будут сеять бактерии, распространяющие заразные болезни среди войск противника.

Так готовится новая война. Так на головы трудящихся английское правительство готовится обрушить новые, неслыханные кровавые бедствия, в десятки раз более тяжкие, чем бедствия последней войны.

Но напрасно английское правительство считает, что мировая политика Советского правительства продиктована его слабостью, что оно встретит нас не подготовленными к войне, и что рабочий класс всего мира охотно пойдет воевать за интересы английского империализма против Советского Союза. Если английские консерваторы так думают, то они глубоко заблуждаются. На подготовку кровавой бойни пролетариат подготавливает ответ, который вряд ли придется по вкусу английским твердолобым.

Штабы рабочего движения к моменту начала войны 14 года почти повсюду оказались заполненными социал-демократическими вождями-предателями. Сейчас революционный пролетариат организован в коммунистические партии, объединенные в Коминтерн, и эти партии будут верными руководителями рабочего класса в его движении против войны. Сейчас у рабочих масс и у коммунистических партий имеется тяжелый опыт войны 14 года. Они знают, какими путями и средствами буржуазия толкает массы в бой. Сейчас буржуазия не может обманывать трудящихся лозунгом защиты отечества, ибо никто не поверит, чтобы СССР, а тем более Китай, могли бы угрожать нашествием на Великобританию. Сейчас империалисты должны будут призывать массы идти в бой не с великодержавной нацией, а для усмирения рабочих и крестьян. Все эти обстоятельства значительно затруднят английскому правительству вести войну против СССР, и этими обстоятельства-

ми должны воспользоваться коммунистические партии в своей борьбе против войны.

Тезисы пленума ИККИ о войне и военной опасности блестяще намечают тактику коммунистических партий во время войны. Следующие четыре пункта тезисов обрисовывают программу деятельности коммунистических партий в их борьбе против военных замыслов империализма:

«1) Центр тяжести большевизм переносит в борьбе против войны на массовое движение и массовую борьбу. Работа в массах, на заводе, в профсоюзах, в деревне, в армии — вот что должны делать коммунисты до войны и во время ее, чтобы превратить ее в гражданскую войну.

2) Те архитрудные условия, в которые ставит война рабочие организации (Ленин, «Инструкция делегации в Гааге»), обязывают компартии быть наготове к ней в любую минуту. Коммунисты обязаны не тогда только начинать борьбу с войной, когда она разразится, когда правительственный террор временно задавит массы, а прежде всего в подготовительный ее период.

3) Строя упорно нелегальный аппарат работы против войны, как до войны, так и во время ее, компартии обязаны не замыкаться только в конспирации, а при первой возможности «революционно-захватным» путем осуществлять свободу своей агитации, выводить массы на улицы для борьбы за превращение войны империалистической в войну гражданскую для захвата власти пролетариатом, свержения буржуазии и установления пролетарской диктатуры.

4) Большевики не могут сводить всей проблемы борьбы с войной только по вопросу о «всеобщей стачке». Всеобщая стачка, не перерастающая в вооруженное восстание, одна только не в состоянии сорвать империалистическую войну. Для своего успешного проведения стачка-восстание, т.е. гражданская война, требует наличия революционной ситуации, способности революционных классов на массовые действия, крепкого руководящего штаба в лице компартии, систематической упорной работой до конца подготовляющей успех восстания против правящих классов. Поэтому пустой фразой либо сознательным обманом являются обещания жалких «героев» II Интернационала «ответить» на войну всеобщей забастовкой. Борьба с войной не есть единичный акт, она требует громадных жертв от рабочего класса, ряда массовых действий (демонстрация, стачки на военных заводах и т. д.), завершающихся победоносным восстанием пролетариата. Коммунистические партии должны приложить все усилия к тому, чтобы все шире развертывать эти массовые выступления и все решительнее держать курс на всеобщую стачку. Коминтерн сознает, что в случае войны между двумя империалистическими державами осуществить всеобщую забастовку, когда вспыхивает война, весьма трудно, но тем не менее безусловно необходимо, чтобы коммунистические партии во всех капиталистических странах постоянно вели пропаганду и агитацию в пользу всеобщей забастовки как до, так и во время войны. Однако, при этом нельзя упускать из виду, что от революционного развития ситуации зависит, когда может быть выкинут лозунг всеобщей стачки, как лозунг действия, т.е. когда имеется возможность практического осуществления всеобщей забастовки. Во время всеобщей стачки коммунисты должны твердо держать курс на ее превращение в вооруженное восстание».

В этих тезисах весь опыт международного рабочего движения в борьбе с войной. Эти тезисы есть сгусток ленинизма и по этим

тезисам любой рабочий может изучить, разницу между действительной революционной коммунистической партией и продажными, гнилыми вождями социал-демократии, с их лживой лицемерной фразеологией.

Само собой понятно, что опасность войны ставит боевые задачи не только перед рабочим классом Запада, но и перед трудящимися СССР. Передышка, которую мы получили в результате окончания гражданской войны, очевидно подходит к концу. Наша задача заключается сейчас в том, чтобы в возможно большей степени использовать конец передышки для укрепления хозяйственной мощи Республики, для укрепления союза рабочих и крестьян, для укрепления обороноспособности страны.

Настало время великих испытаний. На угрозу войны каждый комсомолец, каждый молодой рабочий и крестьянин должен ответить тем, что он с удесятеренной энергией будет продолжать порученное ему дело.

Кто докажет свою работоспособность, свою энергию на маленьком деле, тот оправдает себя в большом. У станка, в совете, в профсоюзе, в кооперации, комсомольцы должны сейчас доказать, что они понимают сложность международной обстановки и чувствуют, что на их плечи легла еще большая ответственность.

Чем крепче мы будем хозяйственно, чем сильнее будет союз рабочих и крестьян, чем быстрее мы будем двигать вперед производство и подымать сельское хозяйство, тем труднее будет буржуазии воевать с нами, тем более сильный отпор мы сможем дать ее попыткам военной силой удушить нашу страну.

И одновременно мы ответим десятками и сотнями мероприятий по усилению обороноспособности страны, по распространению военных знаний среди масс молодежи. Надо широко организовать движение за изучение стрелкового дела и военного строя молодежью, надо чтобы вся молодежь нашей страны знала основные правила химической обороны, надо чтобы все комсомолки изучали дело военной санитарии, надо значительно больше помощи и содействия оказывать работе ячеек Осоавиахима.

Мы не хотим войны. Мы приложим все усилия, чтобы избежать ее. Но если она разразится, она не встретит нас не подготовленными. Ибо мы готовы в любой момент с оружием в руках защищать Советскую Страну от военных нападков империализма.

Я. РУВИНШТЕЙН

Капитальное строительство

В 1924/25 году вчерне был закончен период *восстановления* народного хозяйства Советского Союза.

В основном мы подошли к границам 1913 года, в некоторых отраслях хозяйства не достигая всех 100% довоенного состояния, а в некоторых даже эти нормы перешагнув.

Понятно, что поскольку приходилось начинать почти с нуля, пройденный за годы восстановления путь не может быть характеризован, как легкий. Были весьма тяжелые моменты, кризисы, напряженнейшая работа протекала в чрезвычайно сложной политико-экономической обстановке. Только в результате правильного политического руководства, с одной стороны, и умелого, соответствующего общей политике, направления развития всех сторон народно-хозяйственной жизни — с другой, — страна смогла совершить такие огромные успехи на пути своего хозяйственного восстановления.

Ведь, действительно, кто мог думать 5 лет тому назад, в самом начале нэпа, что к 1927 г. промышленность будет восстановлена, при чем многие крупнейшие предприятия будут намного лучше оборудованы, чем до войны, что транспорт будет совершать перевозки, превосходящие по размерам довоенные, что Волховстрой будет снабжать энергией ленинградскую промышленность, что заработная плата будет достигать довоенных размеров. Кто мог думать и надеяться, что мы будем к 1927 году оперировать такими огромными средствами, какими сейчас располагаем, что мы в 1927 году не только будем составлять планы Днепростроя, Сибирско-Туркестанской жел. дор., Волго-Донского канала, Свирской электростанции, уже не говоря о десятках крупнейших новых промышленных предприятий, но и будем проекты этих гигантов советской индустрии реально осуществлять, строить. Можно утверждать, что даже для самых смелых мечтателей такой огромный, быстрый рост нашего хозяйства был далеко не вполне ожидаемым.

Все мы помним, как товарищ Ленин говорил о необходимости соблюдения строжайшей экономии, сохранения и сбережения копеек и рублей для восстановления тяжелой индустрии. Ныне же народное хозяйство получает для своей реконструкции и развития свыше 1 миллиарда рублей.

Перед нами открываются необозримые перспективы в области развития народного хозяйства.

Новые, широкие задачи требуют особо осторожного подхода к их разрешению. Именно теперь, когда масштабы работ измеряются огромнейшими, многомиллионными суммами, соблюдение строгой плановости, четкости в работе и строжайшей экономии являются совершенно необходимыми условиями успешного ведения работ по капитальному строительству.

Между тем у нас в этом отношении не все обстоит вполне благополучно. Опыт прошлого года показал, что на местах, да и в центре, производились иногда капитальные затраты на такие предприятия, где это с точки зрения обще-государственных интересов не вызывалось непосредственными потребностями; с этими работами можно было еще подождать, а затраченные средства было лучше направить на удовлетворение более важных и срочных задач.

Затем, работы производились недостаточно экономно; что значительно удорожало новое строительство. Понятным является поэтому указание последнего пленума ЦК ВКП (февраль 1927 г.) специально по этому поводу в резолюции по вопросу о капитальном строительстве в 1926/27 г. п. 3.

«Предложить ЦО наблюдать за тем, чтобы при выполнении плана капитальных работ на 1926/27 г. были избегнуты недостатки, имевшие место в прошлом году, при чем особое внимание должно быть обращено на удешевление строительства, его эффективность, техническую проработку проектов, соблюдение плановой дисциплины, а также своевременный отпуск намеченных планом средств».

Общая наметка, общая линия, по которой должно идти развитие народного хозяйства и, в частности, промышленности, даны решениями конференций и пленумов ЦК партии. Это — линия на индустриализацию страны, на всемерное развитие металлопромышленности, на расширение машиностроения.

Приведенная директива пленума ЦК должна быть усвоена и осознана всеми работниками, имеющими то или иное отношение к делу капитального строительства. Мы очень бедны еще капиталами. Мы должны использовать все средства, назначаемые на новое строительство, с максимальной пользой.

Но, понятно, что такой всеобщий учет потребностей в новом строительстве может быть наилучшим образом произведен центральными руководящими органами. Точнее, планы капитального строительства должны разрабатываться во всесоюзном масштабе с учетом всех соображений и планов местных организаций. Система советского построения государства в достаточной мере обеспечивает интересы хозяйственного и культурного развития охранных республик и районов. Вместе с тем интересы экономного и рационального строительства требуют централизации планового руководства этими работами. И усиливая плановое руководство, одновременно представляется большая самостоятельность в производстве работ хозяйственным предприятиям и местным организациям в пределах утвержденных планов.

Новый этап хозяйственного строительства, в которой мы входим, будет значительно отличаться от пройденного. До последнего времени нам приходилось главным образом залечивать старое, приводить в порядок разрушенное войной и революцией хозяйство, восстанавливать его.

Теперь картина резко меняется. Если раньше мерилom наших успехов являлось восстановление какого-нибудь разрушенного завода, загрузка его на 100% и т. д., то теперь мы судим о нашем развитии на основании вновь строящихся заводов, фабрик, организации новых шахт, переоборудования предприятий новейшими машинами и т. п.

Заканчивая эту краткую вступительную часть статьи и переходя к рассмотрению крупнейших проектов нового строительства, отметим только еще следующее: было бы неправильным говорить,

что до 1926/27 года мы только «восстанавливали». Одновременно с чисто механическим восстановлением разрушенных предприятий происходило качественное улучшение в постановке работы предприятий и, в частности, их переоборудование. Кроме того, самая система новых хозяйственных форм, плановая организация хозяйства является фактором не восстановительного порядка, а реконструктивного. И, наконец, за эти годы были организованы также и новые совершенно предприятия, лучшим и грандиознейшим представителем коих является Волховстрой.

Капитальное строительство промышленности. План капитального строительства промышленности на 1926/27 год построен с таким расчетом, чтобы обеспечить укрепление, обновление и расширение технической базы промышленности. Расширяя техническую базу, — другими словами, увеличивая количество заводов, машин, заменяя старые машины новыми, более усовершенствованными и т. д., — мы тем самым открываем возможности дальнейшего расширения промышленного производства. И действительно, мы знаем, что в текущем 1926/27 г. рост продукции промышленности составит свыше 20 проц. против прошлого года.

Далее, во главу угла плана были положены следующие основания: необходимость всемерного усиления отраслей промышленности, вырабатывающих орудия и средства производства и, в частности, металлической, машиностроительной и электротехнической промышленности; необходимость усиления снабжения крестьянства сельскохозяйственными машинами и, в частности, тракторами, а также разного рода химическими удобрениями, вследствие чего должно быть обращено особое внимание на развитие сельскохозяйственного машиностроения и отдельных отраслей химической промышленности.

При общей сумме средств в 1 миллиард руб., предназначенных на производство в текущем году капитальных работ, на долю тяжелой индустрии лишь в металлической и топливной промышленности падает свыше 500 млн. руб. Если учесть, что и по другим отраслям промышленности также весьма значительная часть средств будет направлена на нужды тяжелой индустрии (например, в электротехнической, химической промышленности), то станет ясно, что план капитального строительства в текущем году строго отвечает требованиям взятого курса на индустриализацию страны. В общем, весь миллиард рублей, предназначенный на капитальное строительство в 1926/27 году, распределяется между двумя основными группами промышленности так, что около 700 млн. руб. приходится на так-называемую группу «А» (сюда относятся отрасли промышленности, вырабатывающие преимущественно орудия и средства производства) и около 300 млн. руб. падает на группу «Б» (отрасли, производящие преимущественно предметы потребления). Вот это соотношение ассигнований на «А» и «Б» является чрезвычайно характерным для той полосы социалистического строительства, в которую мы теперь вошли. До настоящего года это соотношение было существенно иным. Тогда основную массу средств поглощали отрасли легкой и средней индустрии — текстильная промышленность, пищевая, кожевенная. Теперь максимум средств направляется на производство машин, паровозов, тракторов, вагонов, на добычу угля, нефти.

Переходя к рассмотрению капитальных работ по отдельным статьям расходов, наблюдаем интересные изменения в строении

этих работ по сравнению с прошлым годом. Нижеприводимая таблица является в этом отношении весьма показательной:

Строение капитальных работ	Фактнч. выполн. за 1925/26 г.	В % к итогу	По плану на 1926/27г.	В % к итогу
	1	2	3	4
1. Капитальный ремонт	133,7	12,1	122,5	13,3
2. Переоборудование и расширение	458,9	58,7	517,7	56,4
3. Жилстройт. на существ. фабриках	85,0	10,9	89,9	9,8
4. Новые з-ды, ф-ки, шахты и проч. сооружения:				
а) Строительство и оборудов.	93,6	12,1	179,8	19,6
б) Жилстроительство	9,5	1,2	7,9	0,9
Итого по новым заводам	103,1	13,3	187,7 ¹	20,5
Всего	780,7	100,0	917,8	100,0

Из приведенных в таблице цифр видно, что в 1926/27 году значительно возрастают расходы на постройку новых заводов. Если в прошлом году расход по этой статье составил 103 млн. руб., то в тек. году он достигнет 188 млн. руб. Точно так же довольно заметно увеличатся расходы по переоборудованию и расширению старых предприятий за счет приобретения и установки новых машин, расширения самих помещений предприятий, за счет транспортных сооружений и обновления теплосилового оборудования.

Характерно, что расходы на капитальный ремонт уменьшаются. Центр тяжести капитальных затрат переносится на новое строительство, на реконструктивные работы. Вместе с тем увеличиваются несколько расходы на жилищное строительство.

Особое место занимает во всей нашей деятельности по реконструкции народного хозяйства рационализаторская работа. Постройка новых заводов, переоборудование старых помимо того значения, какое эти факты сами по себе имеют в смысле развития промышленности, являются также факторами большого значения в смысле рационализации всего хозяйства, поскольку строятся и переоборудываются предприятия по последнему слову техники. Однако, рационализация производства проводится не только в новых предприятиях; мы имеем огромные возможности и кое-что уже в этом отношении делается и на старых предприятиях. Насколько много может быть здесь достигнуто, видно хотя бы из следующих примеров. На фабриках Камвольного треста длительность процесса прохождения сырья через прядильное производство составляла в 1924/25 г. 9,12 дня, а в 1925/26 г., благодаря применению некоторых рационализаторских мероприятий, этот процесс занимает лишь 7,1 дня. Прохождение пряжи через ткацкое производство

¹ Сверх того, по плану предусмотрен резерв, который не может быть распределен по видам работ.

в том же тресте длилось раньше 16 дней, а теперь 11. Далее, на обувной фабрике «Парижская Коммуна», благодаря применению системы конвейера (организация работ методом непрерывного потока), производственный цикл сократился с 21 до 10 дней; отметим еще, что на заводе «Профинтерн» по тем же причинам стоимость товарного паровоза снизилась за год со 109 т. руб., до 97 т. руб., а «Трехгорная Мануфактура», понизив себестоимость одного метра ситца с 43,5 коп. до 39,4 к., вместе с тем путем реорганизации контроля (с привлечением к контролю наиболее квалифицированных рабочих) снизила брак с 10 проц. до 4.

Приведенные примеры весьма наглядно показывают, как неправы те, которые говорят, что снижение себестоимости производства возможно лишь только в результате нового строительства, полного переоборудования предприятий и т. п. Разумеется, никто и не думает отрицать необходимости нового строительства и переоборудования промышленности. Вышеприведенные данные это красноречиво подтверждают. Днепрострой, Волховстрой, десятки строящихся электростанций говорят об огромных новых строительных работах. Но было бы величайшей ошибкой махнуть рукой на старые предприятия, не приложив все усилия к тому, чтобы заставить их дать все то, что они дать еще не могут. А они могут дать еще очень и очень много. На этих предприятиях рационализаторская работа должна вестись исключительно активно. Построить новый завод не фокус — нужно и старый суметь качественно поднять, удешевить его продукцию, улучшить ее.

Чем больше мы достигнем в деле рационализации старых предприятий, тем больше мы сможем строить новых предприятий. Этого ни в коем случае не следует забывать. И это задача, которая перед нами будет стоять еще в течение целого ряда лет.

Миллиард рублей, ассигнуемый в текущем году на капитальное строительство в промышленности, требует к себе самого бережного, экономного и разумного подхода и проведения строгой плановости в его израсходовании. Миллиард рублей должен усилить всю нашу промышленность, а особенно ее тяжелые отрасли, должен продвинуть нас вглубь по пути индустриализации страны, должен привести к удешевлению продукции промышленности. И вместе с тем, увеличивая из года в год размеры средств, направляемые в капитальное строительство, необходимо усиливать и развивать рационализаторскую работу во всех участках и уголках нашего огромного хозяйства и не забывать, что только в условиях жесткого и разумно проводимого режима экономии будет происходить все ускоряющееся и увеличивающееся расходование средств на строительство социалистического хозяйства.

Днепрострой. Предпринятое в этом году строительство Днепровской гидроэлектрической станции сыграет огромную роль в развитии народного хозяйства Украины и всего СССР.

Проектируемое задание Днепростроя предусматривает на первых порах сооружение гидростанции, шлюзование Днепровских порогов и постройку жел. дороги Александровск — Марганец — Никополь — Кривой-Рог. Таким образом, Днепрострой разрешит 3 крупнейшие проблемы Южного Горно-Промышленного района: даст дешевую электроэнергию промышленности и сельскому хозяйству, сделает возможным беспрепятственное судоходство по всему Днепру и постройкой железной дороги приблизит донецкий уголь к железной руде Кривого Рога.

Как видим, разрешение огромной задачи по сооружению Днепростроя затрагивает одновременно три отрасли хозяйства — промышленность, транспорт и сельское хозяйство. Нетрудно себе представить, какую бездну препятствий пришлось бы преодолеть в условиях частно-капиталистических при организации подобного предприятия. Ясно, что железнодорожные кампании того района из всех сил (т. е. путем взяток всяким сановным и несановным персонам) старались бы воспрепятствовать осуществлению подобного проекта, так как они бы испугались возможности уменьшения железнодорожных перевозок; в других районах промышленники естественно из опасения, что новые предприятия, благодаря дешевой электроэнергии, будут производить при пониженной себестоимости, также подняли бы вой против Днепростроя. Вот по таким именно причинам не было приступлено к постройке Волховстроя, так как это было невыгодно частной Бельгийской электрической компании. Причины того же порядка оставили Нижний-Новгород без железнодорожного моста («отцам» города — членам Городской думы Н.-Новгорода, купечеству, было невыгодно пропускать железную дорогу через город). Таким примерам несть числа.

Несмотря на все эти обстоятельства, новые предприятия все же строились, конечно. Не предугадывая, чем бы кончилось дело, если бы в царской России возник проект, подобный Днепрострою, можно тем не менее смело утверждать, что противоречие интересов различных капиталистических группировок вызвало бы значительное удорожание сооружения, буде такое решились бы строить.

Миллионные взятки, отсутствие единой организации, руководящей всей постройкой, весьма слабая заинтересованность в значительном удешевлении продукции, все это вместе взятое не позволило бы достичь тех результатов, какие возможны в условиях советского планового хозяйства. А результаты эти, согласно плановым расчетам, представляются чрезвычайно серьезными.

Уже давно подымался вопрос о возможности сделать весь Днепр судоходной рекой, для чего необходимо организовать механический подъем воды у его порогов. Вместе с тем ставилась проблема об использовании той огромной энергии, которая будет собрана в результате шлюзования Днепровских порогов. Теперь по проекту проф. И. Г. Александрова найден способ осуществления этой задачи.

Днепр является наиболее выгодной рекой для устройства гидростанции. Благодаря своей многоводности, хорошему дну и высоте падения воды, гидростанция на Днепре может дать чрезвычайно дешевую энергию, наиболее дешевой не только во всей Европе, но и в Америке.

Получение дешевой энергии весьма заметно отражается на удешевлении производства. Дешевая энергия Днепровской гидростанции, на ряду с другими благоприятными условиями производства в этом районе, будет содействовать организации новых заводов и постановке целого ряда новых химических производств, которые (как, например, цветная металлургия — алюминий, марганец, медь и др.) поглощают огромное количество энергии.

Произведенные в этой плоскости исследования и вычисления указывают на высокую экономическую целесообразность проектируемого строительства (к которому, кстати, сказать, в настоящее время уже приступили). Так, установлено, что в этом районе Днепра может быть с большей выгодой организовано производство алюминия в количестве от 6 до 10 тыс. тонн (до 600 тыс. пуд.) по

цене около 15 руб. за пуд или на 50 проц. дешевле той цены, какую мы платим за границей. Помимо того, что мы будем иметь алюминий вдвое дешевле, чем сейчас, у нас еще освободится иностранная валюта, ибо при предположенном размере добычи наш внутренний спрос на этот металл будет полностью удовлетворен. Очень крупным потребителем Днепровской электроэнергии явится также производство фосфорно-кислого аммония, которое даст возможность снабжать крестьянское хозяйство в целом ряде районов дешевле и весьма ценным искусственным удобрением. Проф. Александров приводит еще несколько подобных примеров, рисующих широкие возможности для расширения старых и организации новых производств; предполагается, что в этом районе можно будет производить посевы хлопка и собирать его до 3 мил. пуд. (весь Туркестан дает около 10 м. п.).

Интересно привести несколько цифр, характеризующих масштабы нового сооружения, его стоимость и доходность. Для того, чтобы судить о мощности Днепровской электростанции, достаточно сказать, что мощность нашей крупнейшей действующей электростанции — Волховстрой — равна, примерно, 80 тыс. лошадиных сил (что заменяет около миллиона рабочих), а средняя работоспособность Днепровской станции составит около 300 тыс. лошадиных сил (что может быть приравнено, примерно, к 3-миллионной трудовой армии). В момент пуска Днепровской электростанции при соответствующей ее нагрузке гигантских размеров новая механическая сила, подчиненная сознательной воле пролетариата, ускорит процессы индустриализации страны, процессы социалистического строительства.

Стоимость Днепростроя, в его основных частях, т.е. учитывая постройку плотины, электростанции, шлюзов, железной дороги и прочих связанных с этими работами расходов, составит около 150 млн. рублей. Вся постройка должна быть осуществлена в течение 54 мес., т.е. Днепрострой должен уже работать в 1932 году.

Для характеристики доходности этого предприятия отметим, что Волховстрой обошелся в 100 млн. руб., при чем стоимость волховской электро-энергии определяется в 2,2—2,4 коп., за кВт.час, тогда как днепровская энергия будет стоить от 0,4—0,6 коп., а вся постройка обойдется в 150 млн. руб.

Высокая стоимость Волховстрой главным образом объясняется большим сроком постройки. Однако, в те годы нельзя было быстрее строить. Бывали моменты, когда, казалось, придется совершенно прекратить работу по Волховстрою. Нынешние условия, разумеется, несравненно благоприятнее для такого рода строительных работ. Кроме того, самый район (Южно-Горно-Промышленный) является весьма благоприятным для предпринимаемой постройки. Достаточно сказать, что в этом районе в довоенное время выплавка чугуна составляла 185 млн. пуд. из обще-росейского размера выплавки в 250 млн. пуд., и что добыча угля составляла 1.700 млн. пуд. из общего размера добычи в 2.000 млн. пуд.

Естественно, что при таких условиях новая электростанция получит огромную нагрузку (что, конечно, заметно отразится на стоимости энергии).

Благодаря комбинированному характеру строительства — электростанция, жел. дорога, промышленность, водный транспорт — предприятие будет высокодоходным. Проф. Александров исчисляет размер годовой выгоды, приносимой Днепростроем государству,

в 45—50 млн. руб. Таким образом, в течение 3-х лет будут, в сущности, покрыты все затраты по Днепрострою.

Вот, вкратце, те основы, на которых построен проект организации этого могучего индустриального узла. Когда мы приступали к сооружению Волховстроя, сроки завершения этой постройки вырисовывались в весьма туманной отдаленности. И все же в условиях жесточайшей разрухи, холода, голода, гражданской войны, в условиях невероятного нищенства, мы сумели собственными силами без единого иностранного гроша соорудить сильнейшую и совершеннейшую Волховскую электростанцию. Эта электростанция, над сооружением которой работало 20.000 человек, теперь дает силу одного миллиона человек и требует она для своего обслуживания всего... 200 человек.

Днепрострой сооружается в условиях, несравненно, более благоприятных. Когда сооружался Волховстрой, внимание всего СССР было приковано к нему. Теперь, одновременно с Днепростроем, строится Семиреченская жел. дор., Волго-Донской канал, Свирская электростанция, при чем стоимость каждого из этих предприятий исчисляется в сто и более миллионов рублей. Помимо того, на капитальное строительство промышленности в одном лишь текущем году должно уйти свыше миллиарда рублей. Поэтому можно с уверенностью смотреть на развитие работ по сооружению Днепростроя. Мы перешли в ту эпоху строительства, для которой создание крупнейших и мощнейших индустриальных гигантов является наиболее характерным.

Семиреченская жел. дорога. За этим скромным названием кроется проект сооружения крупнейшей политической и экономической важности. Семиреченская железная дорога, к постройке которой, на основании постановления Совнаркома, уже приступают, явится одной из важнейших железных дорог СССР. Эта дорога призвана соединить два богатейших и отдаленнейших края — Сибирь и Туркестан.

На первый взгляд может показаться странным, непонятным, что еще до войны эти богатейшие, по своим природным данным, окраины России не были соединены железной дорогой. Но в действительности такое положение вполне соответствовало той политике, которую царское правительство вело по отношению к окраинам, стремясь эти последние сохранять возможно больше в состоянии девственной неприкосновенности. Царское правительство боялось развития промышленности на окраинах, опасаясь создания новых промышленно-рабочих центров.

Потому-то такие районы, как Сибирь, Туркестан, Дальний Восток, имеющие совершенно неограниченные возможности развития, в дореволюционной России хищнически эксплуатировались и давали своему населению ничтожную долю того, что могли бы дать при надлежащей разумной постановке дела. Национальные меньшинства и окраины царским правительством были зажаты в тиски; не только в отношении их культурного развития, но также и в отношении развития производительных сил ставились непреодолимые препятствия.

Февральская революция робко начала, а Октябрьская смело довершила дело культурного освобождения всех национальностей СССР. Октябрьская революция широко распахнула двери перед всеми трудящимися вне зависимости от их национального происхождения, и открыла путь для быстрого культурного и экономического

роста всех народностей, населяющих СССР. Октябрьская революция сама прокладывает важнейший железнодорожный путь, который соединит сибирский хлеб с туркестанским хлопком.

Процессы развития народного хозяйства Сибири и Туркестана в большой степени зависят один от другого. Наши две Средне-Азиатские республики — Узбекистан и Туркменистан, — являющиеся единственным (за исключением Закавказья) внутренним поставщиком хлопка для текстильной промышленности, нуждаются в дешевом хлебе и лесе.

В настоящее время Туркестан получает хлеб и лес из Европейской части СССР (Волга, Сев.-Кавказ), что значительно эти продукты на месте удорожает.

Вместе с тем, отвлекается значительное количество хлеба и леса как раз из тех районов, которые поставляют эти товары для вывоза за границу. Таким образом, Туркестан получает относительно дорогой лес и хлеб, а наш экспорт по этим продуктам уменьшается.

Между тем южные районы Сибири очень богаты хлебом, который нельзя вывозить на внутренние рынки СССР из-за дальности расстояния и дороговизны перевозки. Поэтому в этом районе далеко не используются все посевные возможности.

В то же время и в Туркестане часть земли используется для посевов пшеницы, так как местное население не уверено в удовлетворении его хлебных потребностей.

Постройкой Семиреченской жел. дор. разрешаются два крупнейших вопроса: во-первых, вопрос о хлопке. Туркестанские крестьяне (декхане), получая дешевый хлеб из Сибири, перестанут сами засеивать пшеницу и увеличат посевы хлопка, что, по произведенным подсчетам, позволит почти вовсе отказаться от ввоза хлопка из-за границы. Во-вторых, вопрос о сибирском хлебе, как раз о хлебе тех районов, которые являются недосягаемыми для внутреннего рынка. Эти районы получат возможность вывозить свой хлеб в Среднюю Азию, где он явится весьма радостным и постоянным гостем. Вывоз хлеба в Среднюю Азию повысит чрезмерно низкие цены на хлеб в этой части Сибири, что будет стимулировать развитие хлебопашества.

Помимо того, Туркестан будет получать сибирский лес лучшего качества, чем теперь, и более дешевый, что значительно облегчит и удешевит строительные работы и, в частности, оросительные.

Весьма важное значение будет иметь также вывоз в Сибирь фруктов, вина и некоторых других товаров.

Уже перечисленные здесь выгоды от постройки Семиреченской жел. дор. являются в достаточной мере убедительными с точки зрения обоснованности организации такого гигантского предприятия, каковым явится эта железная дорога.

Однако, далеко не только этими положительными сторонами исчерпывается все значение вновь строящейся дороги. Нужно сказать, что эта железнодорожная линия, протяжением в 1.400 км проходит по исключительно богато одаренным природою местам. Между городами Фрунзе (Ср.-Азия) и Семипалатинском (Сибирь), крайними точками нового пути, мы находим самые разнообразные климатические условия, а, следовательно, и совершенно разнообразный растительный покров и находим богатейшие и различнейшие ископаемые, начиная от каменного угля и кончая редчайшими драгоценными камнями. Вместе с тем все эти богатства почти

не используются. Так, посевная площадь в этом районе не занимает и одной сотой доли общей площади; на один квадратный километр приходится, примерно, $1\frac{1}{2}$ лошади и почти столько же рогатого скота. Полезные ископаемые совершенно не эксплуатируются, да и край в этом отношении почти не изучен.

Совершенно ясно, что стальные рельсы, которые прорежут эти края, быстро их оживят и позволят развить те огромные возможности, которые пока-что еще скрыты и отгорожены от нас непроходимостью тысяч километров.

Семиреченская дорога, помимо своего внутреннего значения (мы видели уже, правда, что она косвенно повлияет также и на наши внешние торговые операции), будет иметь также большое значение в области развития наших экономических и культурных связей с Китаем.

Интересно заметить, что величайший китайский революционер Сун-Ят-Сен проектировал организацию железных дорог в Западном Китае, непосредственно упирающихся в границы СССР, в целях сближения с последним.

Новая дорога сыграет не малую роль в деле укрепления экономической связи западной провинции Китая, Син-Цзяна, с Союзом Советских Социалистических Республик. Син-Цзян — богатейший край, с мощной скотоводческой и сырьевой базами, а также с огромным рынком потребления изделий нашей обрабатывающей промышленности. Уже теперь, при наличии лишь грунтовых путей, рост торговых оборотов непрерывно растет. Новая дорога, сокращая на две трети расстояние торговых центров Син-Цзяна от СССР, заметно удешевит перевозки. Снижение же накладных расходов в свою очередь будет содействовать развитию товарооборота.

На недалеком, сравнительно, от предполагаемой линии расстоянии находятся три важнейших экономических центра Син-Цзяна (Зайсан, Чугучак и Кульджа), и, таким образом, наша торговая связь получит еще более прочную базу и в то же время явится фактором содействия подъему народного хозяйства и производительных сил Китая. Тем самым также будет значительно затруднен доступ английским империалистам, уже стремящимся проникнуть и в эту часть Китая.

Товарооборот Син-Цзяна с СССР в 1925/26 г. выразился в цифре 16 млн. руб., каковая значительно возрастает в дальнейшем в связи с проведением жел. дороги.

Весь грузооборот Туркестано-Сибирской линии предполагается приблизительно в размере 57 млн. пудов.

Валовая выручка от грузового движения при существующих тарифах составит 15 млн. руб. Валовой доход от пассажирского движения и перевозки багажа исчисляется в сумме 3-х с лишним млн. руб.

Всего, значит, от эксплуатации новой линии можно ожидать валового дохода около 18 млн. руб.

Расходы по эксплуатации составят, примерно, 14 млн. руб.

Таким образом, в результате эксплуатации новой линии можно ожидать чистой прибыли около 4 млн. руб.

Полная стоимость Туркестано-Сибирской линии выразится в сумме 162 млн. руб., а чистый доход от эксплуатации линии дает на затраченный капитал 2,3 проц. Низкая рентабельность (доходность) линии оправдывается теми многими выгодами, которые дорога даст различным отраслям народного хозяйства.

Что касается самого выполнения постройки Семиреченской магистрали, то в виду ее значительного протяжения работы будут производиться с двух концов — от гор. Семипалатинска и от гор. Фрунзе.

При постройке будут применены все новейшие достижения строительной техники, которые дадут возможность закончить сооружение этой линии в кратчайший срок (около 5 лет).

Волго-Донской канал. Еще одним прекрасным примером, характеризующим условия хозяйственного строительства в капиталистическом строе, может служить история с Волго-Донским каналом. Проблема соединения Волги с Доном зародилась еще несколько сот лет тому назад, во времена нашествия крымских ханов и турецких султанов на Московскую Русь. Так широко, как теперь, эта проблема тогда, правда, не ставилась. Однако, уже в то время необходимость соединения этих двух рек стала осознаваться, и чем дальше, тем яснее вырисовывалась экономическая целесообразность и выгодность разрешения этой трудной, но благодарной задачи.

В позднейшее довоенное время вокруг Волго-Донской проблемы разгорелись страсти. Вопрос обсуждался в различных «кружках», министерствах, служил предметом споров между общественными группировками, между казачеством и купечеством и т. д. Каждая группа проводила и защищала свои интересы, но мало было совершенно, вероятно, капитальных затрат, не столько на строительство, сколько на взятки, но давно назревший вопрос оставался неразрешенным.

Важнейшая хозяйственная проблема водного соединения крупнейших двух рек страны была передана революции для четкого и ясного разрешения в руки пролетариата.

Понятно, что нашим наркоматам по этому вопросу было легче договориться, чем царским министерствам, конечно, нашим центральным руководящим органам легче было найти совместно с местными органами власти наиболее рациональный и экономный путь разрешения вопроса. Совершенно ясно также, что и с красным «купечеством» — нашими трестами, синдикатами, кооперацией — можно было найти общий язык, ибо здесь не могло быть иных разногласий, кроме как по вопросу о том, что является наиболее выгодным, не для отдельного предприятия, а для всего государства в целом, для дела индустриализации страны.

В основном проект Волго-Донского канала сводится к следующему:

Во-первых, проект предусматривает переоборудование и переустройство Ростовского порта. Ростов будет превращен в глубоководный порт, в который смогут заходить океанские суда. Порт будет построен по последнему слову техники и приспособлен к пропуску грузов до 400 млн. пудов.

Во-вторых, будет проведен к порту морской канал из Азовского моря длиной в 120 верст и шириною около 50 саж.

В-третьих, будет произведено шлюзование Дона на протяжении 500 верст с целью повышения судоходности этой реки. И, наконец, в-четвертых, будет построен соединительный канал между Волгой и Доном на протяжении в 97 верст, между хутором Кумовским и гор. Красноармейском (б. Сарепта). Можно было бы провести канал в другом месте, где реки протекают в более близком соседстве (58 верст), но здесь пришлось бы произвести большие землечерпательные работы, что значительно удорожило бы постройку.

Суда, проходя с Волги в Дон, будут пропускаться через 8 шлюзов, а с Дона в Волгу через 3 шлюза, вследствие различных уровней расположения рек. Вследствие безводия, в канал будет накачиваться насосами со специально выстроенной станции (по мощности в роде нашей подмосковной Рублевской) вода в количестве до 55 млн. ведер ежедневно. Примерно, такое же количество воды требуется для снабжения большого столичного города.

Глубина соединительного канала составит 3 сажени, а ширина—30 сажений.

Стоимость всего предприятия исчисляется в 140 млн. рубл. Из них 70 млн. рублей падает на соединительный канал, 40 млн. руб. на оборудование порта и морской канал и 30 млн. руб. на шлюзование Дона. Все эти работы должны быть выполнены в течение 5 лет.

Необходимо отметить выгодные условия постройки. Во-первых, строительные работы могут быть разделены на отдельные части и самостоятельно выполняемы. Так, оборудование Ростовского порта и проведение морского канала не связано с другими частями проекта и может самостоятельно производиться. То же относится и к шлюзованию Дона. Кроме того, каждая из этих частей проекта, будучи осуществлена, может коммерчески себя оправдать. Во-вторых, в отношении финансово представляются те выгоды, что большая часть затрат будет произведена в червонцах, внутри страны; на заграничное оборудование потребуется небольшое количество средств.

Какое огромное экономическое значение будет иметь Волго-Донской канал, не трудно видеть из следующего. До войны через Ростов экспортировалось свыше 100 млн. пуд. хлеба, а теперь всего лишь 10 млн. пуд. Благодаря отсутствию водного пути Юго-Восточный край всегда много терял в своей экономике, переключивая лишние гривенники на пуде при подвозе хлеба. То же относится и к лесным перевозкам. По плану предполагается, что хлебные перевозки после сооружения канала достигнут 200 млн. пуд. Канал должен сыграть громадную роль в деле индустриализации края и развития сельского хозяйства. В частности, будет использована водная энергия для целей орошения, электрификации, получит значительное развитие рыболовство.

Два проекта, Волго-Донской канал и Днепрострой, на первый взгляд кажутся совершенно обособленными и независимыми друг от друга. А между тем, это не так.

В конечных своих результатах оба эти грандиозные предприятия ведут к значительному облегчению и удешевлению перевозок сырья к экспортным портам Черного моря, снабжению Донбасса строевым лесом, транспорта углем, а по Волге к удешевлению перевозки нефти во внутренние районы запада и востока.

Осуществлением этих двух проектов глубоко всахиваются огромные просторы юго-западных и юго-восточных районов СССР, на которых одновременно будет развиваться индустриальная мощь нашего Союза.

Постановлением Президиума ВЦИК от 19 ноября 1927 г. признано необходимым отнести постройку Волго-Донского канала (или магистрали) к числу очередных строителств, закончить в текущем бюджетном году изыскательные работы и поставить перед союзным правительством вопрос о приступе в текущем же году к работам по переустройству Ростовского порта и проведению Азовского морского канала.

Заключение. Из содержания изложенного мы видели, как намечается дальнейший ход развития нашей промышленности в ближайшем будущем, в текущем году и в последующие. Настоящий период нашего развития, когда мы вкладываем в новые и старые предприятия огромнейшие средства, отличается между прочим тем, что производство тех или иных затрат в нынешнем году, в значительной мере определит характер новых капитальных вложений и на ряд последующих лет. Понятно, ведь, что, начав строить в этом году сталинградский тракторный завод, постройка коего должна быть осуществлена, скажем в течение 3-х лет, мы должны будем обязательно и в 1927/28 и 1928/29 годах вкладывать на сооружение этого завода средства; то же в равной мере относится и к таким предприятиям, как Днепрострой, Волго-Донской канал и др.

Отсюда необходимость точнейшей проработки плана, тщательнейшего финансового расчета. Ибо ничто так не дезорганизует, не удорожает строительство, как приостановка работ.

Утвержденный план капитального строительства на 1926/27 г. предусматривает вполне достаточную нагрузку на те средства, которые могут быть направлены на нужды капитального строительства. Построение государственного бюджета, направление кредитной политики наших банков, использование иностранных (германских) кредитов, на ряду с внутренним финансовым планом самой промышленности, обеспечивает максимальный рост промышленности, какой только возможен в настоящих условиях.

Пятилетние предположения в области развития народного хозяйства указывают, что на протяжении ближайших лет поступательное движение промышленности по пути своего развития будет продолжаться в достаточно быстром темпе, опережающем развитие сельского хозяйства. Вместе с тем размеры затрат на капитальное строительство будут неизменно увеличиваться, обеспечивая ускоренные процессы индустриализации и уменьшение нашей зависимости от иностранной продукции.

В целом же такое направление развития народного хозяйства будет вести к сглаживанию диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством, экономически повышая материальный и культурный уровень трудящихся масс, политически укрепляя союз пролетариата с крестьянством.

Капитальное строительство, расширяя производственные возможности промышленности, содействуя скорейшему изжитию товарного голода, полнее загружая государственную и кооперативную торговую сеть, в то же самое время усиливает социалистический сектор народного хозяйства. И поскольку частно-капиталистические элементы нашего хозяйства не в состоянии в таком же темпе развивать свое производство и торговлю, удельный вес общественных форм хозяйства будет систематически в стране повышаться.

Значительное влияние окажет капитальное строительство на снижение стоимости производства и понижение общего уровня.

Удешевляя хлеб и лес в Туркестане, мы тем самым снизим стоимость хлопка, что в свою очередь удешевит производство текстильной промышленности.

Сооружая (в этом году будут вестись работы по постройке 391 предприятия) фабрики и заводы по последнему слову техники, где сотни рабочих будут производить то же количество продукции, что в старых условиях производили тысячи, мы значительно уде-

шевым стоимостью этой продукции и т. д.

В то же время и старые предприятия будут вынуждаться к удешевлению своей продукции за счет рационализации, за счет переоборудования, за счет максимального упрощения своих управленческих и производственных аппаратов.

Промышленное строительство, допуская уменьшение количества занятых на отдельных предприятиях рабочих, одновременно будет вовлекать в рабочий класс для обслуживания новых предприятий новые сотни и сотни тысяч пролетариев и позволит производить повышение заработной платы.

По предварительной пятилетней наметке предполагается, что общее количество лиц наемного труда вырастет в течение пяти лет на 3 млн. человек. В этом заключается, между прочим, одно из коренных различий между нашей рационализацией и капиталистической, поскольку в странах капитализма рационализация ведет не только к уменьшению количества рабочих на рационализируемых предприятиях, но приводит к уменьшению общего количества рабочих, занятых в производстве, к усилению эксплуатации остающихся на работе, к увеличению нормы прибавочной стоимости.

Средства, необходимые для выполнения капитальных работ текущего года, черпаются из средств самой промышленности, которая выделяет для этой цели свыше 500 млн. руб., бюджетных ассигнований—тоже около 500 млн. руб., и банковского кредитования—100 млн. рублей.

Принимая во внимание, что промышленность отчисляет от своих прибылей в пользу государства значительные суммы, можно считать, что в общем, после зачета этих сумм, промышленность получает за счет бюджета несколько меньше 200 млн. руб. Таким образом, весьма важно заметить, что развитие промышленности происходит не за счет государственных субсидий (как то пытались доказывать белогвардейские «экономические» умники), а за счет средств самой промышленности.

Тот темп развития, которым определяется быстрота нашего развития, является более сильным, чем темп развития Америки и дореволюционной России в годы ее промышленного расцвета. И если в настоящее время мы, по сравнению с Европой и Америкой, являемся еще технически и экономически (в смысле ресурсов) отсталой страной, то это есть результат исключительно тяжелого наследия, оставленного нам царской Россией.

В условиях планового хозяйства, и только в этих условиях, наша страна сможет не только догнать наиболее передовые капиталистические страны, но и значительно опередить их.

Комсомол Польши в борьбе против фашизма

I

Со времени переворота, совершенного Пилсудским в мае прошлого года, Польша находится в тисках фашистского режима. И до переворота революционное движение было загнано в глубокое подполье. Рабочая молодежь теряла тысячи своих лучших представителей на долгие годы. Все легальные организации — просветительные клубы, спортивные организации, библиотеки, читальни, пресса — неизменно после короткого существования находили свое завершение в окружных судах, где по статьям действующих до сих пор царских, кайзеровских и королевских кодексов организаторы присуждались к каторжному заключению. Польша была одним сплошным полицейским участком, жандармским отделением, где во имя «демократии, свободы и равенства» производились неопишьюемые бесчинства над рабочими и крестьянами.

Фашистский переворот Пилсудского ко всем вышеизложенным прелестям буржуазного порядка прибавил очень серьезную и значительную толику демагогии. Вместо циничного, неприкрытого насилия фашизм приводит не менее циничное, но зачастую искусственно прикрытое насилие над пролетариатом. Иллюстрацией этого может служить пресловутая система правительственного фашистского арбитража. Когда социальная атмосфера начинает накаляться, когда рабочие начинают энергично нажимать на бюрократическое руководство профсоюзов, когда становится неизбежным стачечный взрыв — фашистская печать начинает играть невиданную по своей демагогичности комедию. Десятки правительственных органов расписываются в угнетении рабочих фабрикантами, о низкой заработной плате, о колоссальных доходах предпринимателей. Со страниц наемной прессы — открыто фашистской или социалфашистской — раздаются требования к правительству обуздать зарвавшихся, не помнящих «общенационального» дела капиталистов. «Работа» ведется чрезвычайно искусно. Капиталисты отнекиваются, вопят о коммунизме правительства Пилсудского, высчитывают, складывают, умножают и, наконец, под непосредственным давлением «большевистского» правительства идут на уступку: прибавляют пятаки, а одновременно проводят жестокую «рационализацию» производства. Так было, например, с недавно окончившейся стачкой текстильщиков. Если же комедия не дает желанных результатов, то бесцеременно вызывают солдат и беспощадно расстреливают бастующих (Калиш, Дзвиняч, Варшава, Лодзь, Коссов, Петраков и т. д.).

Фашистская демагогия потребовала от комсомола Польши уточнения методов своей работы, усиления активности, резкого и ясного разоблачения классовой сущности фашистского режима.

Неоценимую услугу оказала польскому комсомолу его организационная структура. КСМ Польши упорно проводит оргполитику Коминтерна молодежи и перестроил уже свою организацию на основе фабрично-заводских ячеек. Благодаря этому КСМ Польши тесно связан с гущей пролетарской молодежи, и никакие репрессии не могут разбить его.

Выбывших в тюрьмы товарищей немедленно заменяют новые, свежие ребята из той же фабричной среды, и таким образом связь между комсомолом и рабочей молодежью не прерывается.

Кроме того, оргструктура комсомола значительно облегчила разоблачительную работу. На основе мелких, будничных фактов фабрично-заводской жизни комсомолу легко удается разъяснить широким массам рабочей молодежи весь переплет фашистской демагогии о надклассовых, аполитических принципах «майского» государства. Факты — упрямая вещь, а факты из жизни своей, хорошо знакомой фабрике тем более упрямая вещь.

В этом отношении очень интересен метод пропаганды польского комсомола. Если раньше, до перехода на фабрично-заводскую систему, КСМ Польши вел пропаганду против капитализма вообще, против голода и бесправия вообще, то теперь дело обстоит совершенно иначе. Возьмите любую из нелегальных фабрично-заводских газеток польского комсомола, издаваемых зачастую при участии даже беспартийной рабочей молодежи, и вы убедитесь, как реально и конкретно расшифровывается общеполитическая установка комсомола в умах рядовых комсомольцев и широких масс трудящейся молодежи. Результаты фашистского переворота оценивает комсомольский актив не на основании «разгрома парламентской системы» или «перехода хозяйственной политики Польши на аграризационные рельсы Дауэсовского плайла», а на основании бьющих в глаза, вопиющих фактов. В одной газетке вы встретите описание организационного собрания фашистского фабричного клуба, где с восхвалением Пилсудского выступил ненавистный всем рабочим фабрики инженер, в другой — вы найдете описание ночной работы молодых девушек или заметку об обмороках от истощения и едкое замечание рабкора: «Обещали вы, господа пилсудчики, золотые горы, а стало еще хуже, еще тяжелее».

Конечно, комсомол Польши не довольствуется такой лоскутной критикой фашизма. Для борьбы с фашизмом нужно было ухватиться за звено, открывающее всей рабочей молодежи его хищнический капиталистический характер в данное время. Прежде чем перейти к этому, я хотел бы остановиться на характеристике общего положения рабочей молодежи в Польше, так как этот вопрос не был с достаточной полнотой освещен в русской прессе.

II

Общее число рабочей молодежи, занятой в городской промышленности Польши, составляет по официальным данным около 100.000. Интересно отметить, что до 1926 года число рабочей молодежи по отношению к взрослым рабочим постоянно возрастало. Рабочая молодежь составляла:

в 1922 г.	5,2%	общего числа рабочих
„ 1923 г.	5,9%	„ „ „
„ 1924 г.	6,4%	„ „ „

Но уже в 1926 году окркомитеты КСМП доносят, что число безработных комсомольцев неустанно растет (исключение здесь составлял Домбровский район и Верхняя Силезия, где не было почти совсем безработных комсомольцев. Это объясняется английской стачкой горняков). В последнее время мы имеем сведения, что в некоторых районах безработные комсомольцы составляют 60—70% общего числа.

По главнейшим отраслям процент занятой рабочей молодежи в 1924 году, без Верхней Силезии, представлялся следующим образом:

Металлообрабатывающая промышленность . . .	10,2%
Текстильная	5,5%
Горнопромышленность	2,1%

Эти данные наверно меньше действительных. В текстильных и горняцких районах есть ряд крупнейших предприятий (особенно текстильных), где молодежь составляет часто и 50% общего числа работающих. В средней и мелкой промышленности такое явление еще чаще. Вот почему польские рабочие частенько вздыхают по «броне» для *взрослых* рабочих.

Если взять абсолютные цифры, то из областей крупной промышленности самое большое количество молодежи занято в текстильной.

Однако, в таком крупном текстильном центре, как Лодзь, где имеется очень значительное количество молодежи, комсомол сравнительно слабее, чем в металлургических и горняцких районах. Это объясняется огромной деклассированностью лодзинского пролетариата, движение которого пережило целые годы *полнейшего* застоя (во время империалистической войны). Поэтому в Лодзи так часто удается охранке вербовка провокаторов, так часты массовые провалы и так велика текучесть комсомола (особенно активна).

Если принять 100 за прожиточный минимум рабочего, то по официальным данным взрослые зарабатывают:

Металлист	59
Горняк	72
Текстильщик	60

Зарплата рабочей молодежи составляет в Польше в среднем всего $\frac{1}{3}$ *среднего заработка взрослого*. Уже эти общие данные рисуют крайне печальную картину положения рабочей молодежи. Рассмотрим высоту заработной платы молодежи по отдельным отраслям.

В крупной текстильной промышленности рабочая молодежь получает в течение первых трех месяцев 25% зарплаты взрослого рабочего. Через каждые следующие 3 месяца зарплата увеличивается на 5%. — следовательно, только через 4 года рабочая молодежь получает полную ставку, хотя необходимую квалификацию она получает уже в первые 3 месяца.

В металлургической промышленности средний заработок практиканта и молодого неквалифицированного рабочего составляет в день:

Варшава	46—48 коп.
Домбровский бассейн	33—35 "
Верхняя Силезия	23—24 " и 38—40 к.
Кельце-Радам	26—28 "

В среднем, в этих крупных металлургических округах Польши практикант получает 30—32 коп. в день, и это при 10-часовом рабочем дне.

Это по официальным данным. Существуют же заводы, например, металлургический завод Кульчинского в Домбровском бассейне, где практикант за все время практики (4 года) зарабатывает 16—18 коп. в день. В мелких заводах положение значительно хуже. В Познанском районе нередки случаи, когда ученики получают по одной (!) копейке в час при 10-часовом рабочем дне.

В Донцком бассейне молодежь под землей получает 31 коп. в неделю, на поверхности — 23 коп.

2 июля 1924 года сеймом был принят закон об охране труда женщин и молодежи. По отношению к молодежи закон ввел 7-часовой рабочий день, запрещение найма для детей до 15 лет, запрещение ночной работы и работы в отраслях, вредных для здоровья (некоторых химических, под землей и т. п.). Однако, в виду того, что инспекция труда находится всецело в руках капиталистов, закон нигде не применялся. Достаточно указать на то, что за весь 1924 год привлечено к «ответственности» только 12 фабрикантов, в то время как в маленькой Австрии за 1925 год составлено 13.000 протоколов.

Но даже такое бумажное законодательство мutilo спокойное довольство господ капиталистов, и под их давлением в апреле 1926 г. закон об охране труда женщин и молодежи в очень существенных частях был отсрочен исполнением на два года. Таким образом, в Польше до настоящего времени действительны старые заплешневелье законы, годные для музея социальных наук, например, закон о терминаторах и учениках с 1816 года!

Какое же положение господствует для рабочей молодежи в области социального законодательства?

На стекольных заводах, в которых работа вызывает расширение легких, работают 10—12-летние дети. На металлургическом заводе Старке в Кельцах работает в жестяном цехе 300—11 и 12-летних детей, преимущественно девочек, получая за работу 1 рубль в неделю. По сообщениям из угольного района ежедневно выносят из шахт в обморочном состоянии десятки молодых и взрослых рабочих, истощенных 16-часовым рабочим днем.

По официальным, лживым, уменьшенным, неверным, данным в Польше каждый седьмой молодой рабочий болен чахоткой. В домашней кустарной промышленности эксплуатация напоминает непревзойденный китайский образец. Так в Пабянице (под Лодзью) сапожные и портняжские подмастерья часто работают по 18 и 20 (!) часов.

В таких условиях понятно, что комсомол Польши, как только встал на ноги, обратил самое серьезное внимание на борьбу за улучшение экономического и социального положения рабочей молодежи, на создание юнсекций при профсоюзах, которые бы под руководством комсомола вели эту борьбу.

Борьба за юнсекции при профсоюзах необычайно характерна для КСМ Польши.

В 1923—24 г.г. были созданы следующие юнсекции:

Варшава:

металлисты	500 чел.
пекари	70 чел.

Домбровский бассейн:

металлисты (2 отд.)	260 чл.
текстильщики	100 „
шахта Сатурн, Миловице, Казимир	90 „

*Островец:**

металлисты 70 чл.

Верхняя Силезия:

Шахта Силезия	500 чл.
„ Шверия	250 „
„ Матильда	200 „
„ Фердинанд	500 „
„ Никши	400 „
„ Геше	300 „
„ Немец	100 „

В общем в крупной промышленности удалось организовать 17 юнсекций. Борьба за юнсекции велась в крайне неблагоприятных условиях. Следует принять во внимание, что основная часть промышленной Польши—бывшая русская, что Польша никогда, до падения Российской империи, не имела легального профдвижения, что традиция профдвижения была чужда польскому рабочему классу. Что же говорить о рабочей молодежи? Но железная настойчивость комсомола сделала свое дело. В конце 1924 года рабочая молодежь уже имела свои профорганизации и успешно вела борьбу за улучшение своего положения. Но в 1925 году от этих юнсекций не осталось ни следа, члены правлений пошли в тюрьмы за антигосударственную деятельность, юнсекции же были ликвидированы реформистским руководством профдвижения Польши за коммунистические симпатии.

После разгрома юнсекций, комсомол снова приступил к их организации. Не буду передавать их дальнейшую историю. Она проста и очень однообразна: юнсекция с трудом создается, начинает разворачивать свою работу... и приходит неизбежный эпилепс — тюрьма и рагон.

Несмотря на сизифовый характер этой работы, КСМ не отказывается от профессиональной деятельности. С настойчивостью и упорством он организует юнсекции, понимая, что, когда движение охватит десятки тысяч рабочей молодежи, расправляться с ним будет тяжелее. Результаты комсомольской работы уже налицо. Идея юнсекций при профсоюзах так крепко проникла в массы рабочей молодежи, что непезовская, соглашательская организация молодежи, всегда с испугом открещивавшаяся от нее, как от расадника коммунизма, должна была выдвинуть лозунг юнсекций на своем последнем съезде.

III

Фашистский режим уже после шести месяцев своего господства открыл перед рабочей молодежью свою отвратительную буржуазную физиономию. В декабре прошлого года министр промышленности и торговли Квятковский предложил юридическому совету при совете министров проект декрета об организации промышленности. По последним сведениям, введение этого декрета ожидается в ближайшее время. Комсомол Польши сделал все от него зависящее, чтобы мобилизовать на борьбу с этим проектом всю рабочую молодежь. И несомненно, что огромный рост влияния КСМ на массы молодежи связан с большой, неустанно продолжающейся кампанией КСМ Польши против этого фашистского проекта. Я приведу из него некоторые положения, касающиеся молодежи и учеников. Проект разделен на две части, касающиеся молодежи в промышленности и ремесле.

В промышленности проект отдаёт учеников в почти ничем не ограниченный производ «принципала», т.е. предпринимателя. Прежде всего, предприниматель не обязан учить чему-нибудь учеников; он должен только «стремиться, чтобы ученик имел возможность получить практическое образование в промышленности».

«Корпорациям» *предпринимателей* поручается:

«Попечительство над делами промышленной молодежи, находящейся в науке у членов корпорации».

Далее *им* поручается «выработать регламент, касающийся детального урегулирования науки в промышленности», и «контроль над применением правил о работе учеников и правил, регулирующих их (учеников) дела».

«Корпорации» же «разрешают споры, возникающие между учениками и предпринимателями».

«В течение испытательного периода, т.е. в течение 3 месяцев, ученика можно в любой момент удалить с работы». Но ученик по истечении 4 недель не может оставить своего предпринимателя ни в коем случае, ибо «в течение года нельзя принять ученика в учение в той же самой отрасли промышленности, в которой этот ученик был и ушел, *если первый его предприниматель не даст на это своего согласия*».

Неповинующийся «принципал» облагается штрафом в 1000 злотых. «Ученики, не повинующиеся постановлениям, касающимся их, наказываются *штрафом в 100 злотых или арестом на 14 суток*».

До чего доходит низость обнаглевших буржуев, свидетельствует положение, что наказание определяет не суд, а «административно-промышленные власти», т.е. сами же фабриканты.

Фашисты не забыли, конечно, и о елейной, подленькой морали:

«Ученик должен слушаться своего хозяина или то лицо, которое в замещительстве хозяина руководит образованием ученика; он должен вести себя прилично, работать усердно».

Все вышеприведенные пункты относятся также и к ремеслу и домашней промышленности.

Особо же вводится положение об ограничении доступа молодежи к ремеслу необходимостью оплачивать так наз. «экзаменационные таксы», величина которых будет определена «ремесленной палатой», состоящей из предпринимателей. Лишь уплатив эту таксу, ученик может быть допущен к испытанию перед «аттестационной комиссией».

Приговоры «корпораций промышленников» и «ремесленных палат» не подлежат обжалованию.

Вот вкратце этот замечательный анахронизм, этот воскресший в XX веке призрак средневековой закостенелости. Кажется, лишним будет доказывать, что он отдаёт рабочую молодежь в крепостную зависимость современным рабовладельцам.

Фашистский закон о рабочей молодежи является наглядной, осязаемой иллюстрацией рутины, этой новейшей формы классового угнетения, созданной эпохой гниющего капитализма. Он является тем звеном, за которое под руководством комсомола Польши ухватится рабочая молодежь, чтобы сорвать проклятые цепи капиталистического гнета и повести решительный бой совместно со всем пролетариатом за социалистическую Польшу.

Н. ЧАПЛИН

Задачи комсомольцев западных нацменьшинств¹

Поскольку вся работа нашего союза в настоящий период исходным своим пунктом берет ряд моментов, одинаково важных и основных как для организаций центральных и окраинных областей, губерний и республик СССР, так и для комсомольцев западных нацменьшинств, — является необходимым остановиться вначале на этих моментах.

Прошло свыше года со времени последних съездов партии и комсомола, являвшихся переломными в жизни союза. Новые задачи, вставшие перед партией и всей Советской страной в деле социалистического строительства, не могли не найти своего отражения в работе ВЛКСМ. Важнейшие решения съездов по вопросу о молодежи заключались в том, чтобы, учитывая все своеобразие современной полосы развития, когда на дрожжах хозяйственного подъема выросли и запросы молодежи, перестроить всю работу союза по-новому, дав ей другие формы. Полоса эта получила в нашей литературе права гражданства под названием «культурничества».

Еще долгое время после того, как отзвучали все речи и доклады о «новом курсе», несмотря на то, что общая линия была достаточно выяснена, многие организации бродили в потемках, не зная, с какого конца приступить к перестройке работы. Лишь небольшой промежуток отделяет нас от момента, когда стало возможным вписать в наш «актив» первые крупные достижения. Их немного еще в общем масштабе нашей работы, но вполне достаточно для того, чтобы заявить, что перелом уже наступил, союз находится в полосе большого подъема и что все пророчества о перерождении или развале союза (из какого бы лагеря они ни исходили) не оправдались. Отдельные имеющиеся трудности, как бы велики они ни были, являются обычными болезнями роста, вполне законными в наших условиях.

Было бы, однако, непростительной глупостью, если бы мы на основе этих первых достижений решили, что мы уже окончательно перестроили свои ряды, приспособились к запросам молодежи, изжили все противоречия и можем спокойно почить на лаврах. Прделана только черновая работа, разведены пары, но — «лиха беда — начало!», и то, что сделано, показывает, что мы на верных путях.

¹ Статья представляет собой переработанную стенограмму выступления на совещании по работе среди комсомольцев западных нацменьшинств, происходившем при ЦК ВЛКСМ.

Под западными нацменьшинствами понимаются немцы, поляки, финны, эстонцы, латыши и др., живущие в СССР и являющиеся советскими гражданами.

В чем же, однако, выражаются те особенности, которые отличают текущий период работы союза от всех прошлых?

Вкратце их можно сформулировать так: союз вплотную подошел к вопросам хозяйственного строительства. Если раньше в центре его внимания были, главным образом, политические и (отчасти) культурные вопросы, а хозяйственными он занимался побочно, то теперь плоскости несколько переместились: на первый план выдвинулись задачи социалистического строительства. Союз вошел в гущу производственной и сельскохозяйственной жизни, при чем, однако, культурная работа не уменьшилась, а приобрела еще более широкий размах и углубленный характер.

Чем полон сегодняшний день комсомола? Просмотрим объявления комсомольской газеты, хотя бы в одном №: здесь совещание комсомольцев-домохозяев, там конкурс на лучшего молодого текстильщика, в таком-то районе вечер гармонистов, в другом — собрание ячеек по вопросу о бюрократизме, совещание о рационализации производства и т. п. Союз дышит полной грудью, ни на минуту не отрываясь от жизни, от осуществляемого партией социалистического строительства.

С этой же точки зрения надо рассматривать сейчас наше участие в общественной работе. И раньше союз вел ее, имея своих представителей в советах, профсоюзах, добровольных обществах, различных комитетах. Зачастую, однако, следы этой работы оставались только на бумаге, а представительство превращалось только в простую формальность. Только связав нашу общественную работу с практическими задачами культурной и хозяйственной жизни, можно было сдвинуть ее с места.

При проведении в жизнь нового курса встал вопрос: а не грозит ли постановка в центре внимания союза культурно-хозяйственных вопросов недооценкой чисто политических задач и отрывом от политики? Нашлись печальники, которые возопили, что союз катится по наклонной плоскости, что утеряны классовые и международные перспективы, что союз перерождается, — словом, союз повинен во всех семи смертных грехах. Нам приходилось уже в других местах¹ отвечать этим поборникам чистоты союзной линии и подробно останавливаться на этом вопросе. Отметим здесь, что такая опасность действительно была бы, если бы мы не обращали внимания на увязку интересов каждого молодого рабочего и крестьянина с интересами всего пролетариата и культурно-хозяйственную работу нашего союза не подчиняли бы задачам политическим, задачам социалистического строительства и мировой революции. Умелое сочетание этих моментов, налечь на которые должны мы всей грудью, послужит гарантией для указанной выше опасности.

Как следует сочетать культурничество с политикой? Здесь, прежде всего, нужно предостеречь от механического подхода к этому вопросу. Дело, ведь, не в простом арифметическом сложении культурничества с политикой. Чемберлена с гармошкой. Вся суть задачи заключается в том, чтобы все формы досуга молодежи пропитать насквозь нашей идеологией, нашим комсомольским содержанием. Не в том соль, чтобы старый дом подремонтировать да покрасить сверху свежей краской, а в том, чтобы построить новый из другого, более, доброкачественного материала.

¹ См. брошюру Н. Чаплин и И. Вобрышев «В полосе культурничества» и сборник «Комсомол на переломе». Изд. «Молодая Гвардия», 1927 г.

Ясно, что это задача, не осуществимая в один день по приказу, а требующая бдительной и внимательной работы.

Другая гарантия от опасности сбиться целиком на рельсы культурничества заключается в усилении пролетарского руководства Союзом, в обеспечении в нем пролетарского влияния, достигающегося как путем роста союза за счет рабочей молодежи, так и путем роста в нем самом партийного ядра. Вопрос этот снова встает перед нами с остротой, еще большей, чем в прошлые годы. Только разрешая его, можно будет без риска заниматься культурничеством.

Задача эта особенно важна для деревни, где дело выдвижения актива из батрацко-бедняцких элементов и вовлечение этих последних в союз должно встретить необходимое внимание.

Подчиненное общеполитическим задачам союза и партии культурничество является сейчас вернейшим орудием нашим в той борьбе, которую комсомол вел во все периоды революции и ведет сейчас — в борьбе за молодежь. Борьба за молодежь — есть центральная проблема комсомола, его главный фронт. Было бы наивно думать, что сейчас этого фронта нет, поскольку разбиты политические противники нашей партии — меньшевики и эсеры. Существует улица, существует кулак, церковь, сектантство, простирающие свои цепкие руки к трудящейся молодежи; кое-где оживают меньшевистствующие и националистические группировки, также пытающиеся прикоснуться своими грязными лапами к молодежи. Союз должен крепко ударить по этим рукам, раз и навсегда отбив у них охоту притянуть на свою сторону молодежь.

Это, конечно, не легко. Много трудностей стоит на нашем пути. Хитрых и увертливых противников наших, часто даже мало-замысленных для простого глаза, — тяжело будет преодолеть. И в десятки раз увеличиваются эти трудности в наших национальных окраинах и среди населяющих нашу страну национальных меньшинств.

Здесь есть свои большие трудности, и основная из них заключается в том, что нам приходится иметь дело с чрезвычайно многообразным национальным переплетом в нашем союзе. Двухмиллионный Ленинский Комсомол включает в себя 70 национальностей. Разбросанные на огромнейшей территории, составляющей шестую часть суши, национальности эти живут в самых разных экономических и культурных условиях, имея каждая свои традиции, отдавая дань многим пережиткам прошлого. Такие условия требуют величайшей гибкости и величайшего умения маневрировать со стороны наших организаций. И прежде всего — знания основ национальной политики коммунистической партии.

Здесь часто сталкиваешься с непониманием многими товарищами азбучных истин нацполитики. — Ведь вести борьбу за новое поколение, — справедливо замечают они, — значит вести борьбу за поколение, воспитанное в интернациональном духе, поколение международных пролетариев-революционеров, людей, совершенно свободных от всяких националистических предрассудков. А между тем, — продолжают они и тут же впадают в большую ошибку, — вы воспитываете шовинистов, заставляете изучать украинский язык даже тех, кто не желает этого делать, ведете к разединению людей, а не к объединению.

Было бы с пол-горя, если бы подобные рассуждения слышались только со стороны обывателей, стоящих в стороне. Но уж совсем

плохо, когда в наших рядах находятся люди, занимающиеся такими рассуждениями.

Они совершенно забывают, что национальная ограниченность и национальные пережитки держат в своих крепких объятиях не только старшие поколения, но и новые. *Для того*, чтобы их перевоспитать, *для того*, чтобы всю молодежь различных национальностей привести к одной, общей коммунистической культуре, выковать из нее настоящих интернационалистов, мы применяем методы самого широкого поощрения национальной культуры. Мы будем учить молодежь ленинизму на ее родном языке, более ей понятном и доступном. Мы ведем на Украине политику украинизации, заставляя людей, не знающих украинский язык, изучать его, главным образом, в интересах союза пролетариата (на Украине большинство рабочих — великороссы) с крестьянством (украинским).

Вот по этому непониманию наших задач в национальной политике, по той косности и горе-интернационализму нужно со всей силой ударить. Самым усиленным образом должны мы разъяснить этот вопрос в союзе молодежи, особенно в тех организациях — а их у нас не мало, — которые свою работу или ведут на национальном языке или соприкасаются в ней с национальными меньшинствами.

Некоторые специфические особенности западных нацменьшинств (поляков, эстонцев, латышей, финнов) еще более затрудняют работу среди них. Народы эти, угнетавшиеся прежде царизмом, имеют сейчас в лице Польши, Эстонии, Латвии и Финляндии свои государственные объединения, носящие вывеску «независимых». Являясь частью общего империалистического фронта против СССР, эти буржуазные государства, разумеется, пытаются влиять на молодежь наших меньшинств, сея в ней вражду к той стране, в которой она живет.

«Раньше все угнетались царизмом, а теперь Советской властью. Никакой нет разницы в вашем положении. А между тем у вас есть свое свободное государство, которому вы должны активно помогать и на стороне которого вы должны выступить в случае войны», — так нашептывают агенты этих государств неграмотному батраку или бедняку, не осознавшему еще своих классовых интересов. В роли же агента выступает нередко кулак, шляхтич,¹ ксендз, влияние которых на значительную часть западных нацменьшинств еще довольно велико. Приводимые же ими аргументы порой способны убедить кой-кого, ибо государства-то эти, ведь, действительно существуют, а вот как живут в них трудящиеся — этого не читающий газет батрак и бедяк не знают.

Вполне оценить значение такой пропаганды мы сможем, если вспомним, что в большинстве своем, западные нацменьшинства расположены в пограничной полосе, в районах, где в первую очередь должны будут развертываться военные действия в случае нападения на нас капиталистического мира.

Разумеется, влиянию враждебных нам сил мы противопоставляем наше влияние, нашу большую культурно-просветительную работу. Успехи этой работы, несомненно, налицо, но поражает все-таки незначительность их, ибо если мы таким слабым влиянием будем пользоваться на живущую у нас польскую молодежь, то можно себе представить, в чью пользу будут ее настроения, когда цепной пес Черберлена — Польша, руководимая заклятым врагом

¹ Мелкий польский дворянин.

СССР — Пилсудским, — сорвется с цепи. А эту перспективу мы должны всегда иметь перед собой, и потому нельзя ограничиваться достигнутыми успехами, а все более развертывать нашу работу, не жалея сил и энергии.

По четырем основным линиям должна протекать наша работа среди западных нацменьшинств.

Прежде всего, мы должны обеспечить нацменьшинствам СССР те права, которые дала им Октябрьская революция. Нужно повести решительную и беспощадную борьбу со всеми извращениями и искажениями национальной политики Советской власти. Не следует забывать, что малейшее головотяпство, грубость, нетактичность, самое незначительное, с виду, оскорбление национального чувства будет только отталкивать от комсомола молодежь, а не привлекать ее. При такой политике мы были бы сектой, а не массовой организацией трудящейся молодежи западных нацменьшинств. Мало чем отличались бы мы тогда в ее глазах от прежней власти «великодержавной» России.

Поэтому, самая внимательная, подлинная защита прав национальных меньшинств, успешная агитационно-пропагандистская работа на их родном языке, вовлечение населения в общественную работу, помощь советским органам в деле установления правильного отношения к населению — первая из ряда важнейших задач, стоящих перед комсомольцами западных нацменьшинств и соприкасающихся с ними русских комсомольцев.

Но и эту и последующие задачи мы не сможем выполнить с успехом, не имея кадров актива из комсомольцев нацменьшинств. Нам надо воспитать хорошо грамотный, понимающий политику партии и союза, вышедший из трудящейся молодежи именно этих национальностей актив, который бы сдвинул с места всю работу. Частично такой актив у нас уже есть, но не в достаточном количестве. Воспитание актива, особенно в деревне — вторая задача.

Затем, во всю ширь разворачивается перед нами задача борьбы с анти-коммунистическими организациями. Здесь непочатый край работы. Не впадая в ошибку, можно сказать, что деятельность всех анти-коммунистических организаций среди западных нацменьшинств идет по линии религиозного воздействия на молодежь. Сектанство глубоко вросло в немецкое село, базируясь, главным образом, на наиболее закиточных, кулацких его слоях. В польской деревне еще велико влияние ксендзов. Религиозные кружки молодежи — вещь обыденная среди западных нацменьшинств. Вот это влияние и является главным нашим врагом и помехой.

О размерах, характере и приемах их работы можно судить по следующим данным:

«Мы имеем сведения, что бапсомол (баптистские кружки) в некоторых местах охватывает от 10 до 90% немецкой молодежи». (Из отчета Мелитопольского окружка, Украина).

«Католическое духовенство развивает усиленную агитацию против комсомольской и пионерской организаций. Наиболее резко эта агитация оказывается при создании новых польских ячеек. При возникновении новой ячейки в селе Дзимунки (Морхлевский район, Украина), ксендз соседней, Чернецкой, деревни прочитал проповедь на тему «о воспитании молодежи», которая была направлена исключительно против комсомольской ячейки. Такие выступления ксендзов встречаются часто. В настоящее время ксендзы приурочивают свои праздники к революционным с целью оттянуть молодежь от клуба и изб-читален».

«В Ленинградской губернии религиозными сектами ведется агитация за отказ от военной службы, что имеет сильное влияние на малосознательную молодежь, в частности на финнов и эстонцев. Молодежь подчас, чтобы избежать призыва в Красную армию, вступает в секты и тогда: «ты меня не тронь, я по религиозным убеждениям в армии быть не могу».

«В Новгородской губернии, в Люболядской общине (дер. Ноши 2-я, Троицкой волости), в Татарской и Старо-Русской общинах имеются духовые и струнные оркестры, преимущественно из молодежи. Эти кружки охватывают собой всю сектантскую латышскую молодежь. Сектанты устраивают различные вечеринки, иногда с бесплатным угощением, где играют оркестры, выступает хор, одесные девушки и юноши декламируют, поют, танцуют под рояль, рассказывают. Понятно — все на религиозные темы. Эти вечера наблюдаются почти во всех общинах и играют пожалуй доминирующую роль при вовлечении молодежи в ряды сектантов. Широкая реклама, возможность провести время не в пьяной компании, музыки и т. п., все это завлекает молодежь, особенно девушек, на вечеринки, чем пользуются матерые сектанты.

Необходимо отметить и другой способ привлечения молодежи. Это — так наз. «книжные столы юношеских кружков», попросту маленькие библиотечки, где на ряду с сектантской литературой имеется сельскохозяйственная беллетристика и т. д. Молодежь интересуется этими библиотечками, заходит туда, а опытный зав подсовывает им сектантские книги.

В тех же общинах имеется периодический рукописный баптистский журнал на латышском языке. Пишет в него, главным образом, молодежь, при чем перед помещением материал тщательно обсуждается всеми авторами на общем собрании.

«Если бапсомол и другие анти-коммунистические организации в других местах так сильно развиты, как в нашем Молочанском районе, то положение весьма опасно, так как это может грозить (это уже чувствуется) коммунистическому юношескому движению в немецких колониях» — пишет тов. Эфа, немецкий инструктор Мелитопольского окружкома ЛКСМУ. «Бапсомол все шире и глубже разворачивает свою работу среди немецкой молодежи, следствием чего является падение интереса беспартийной молодежи к общественно-политической работе, с одной стороны, а с другой — усиление ее участия в национально-религиозном движении, рост анти-семитизма и украинophobia и интерес к вопросам эмиграции в Америку».

Тов. Клейфер, член Мелитопольского окружкома ЛКСМУ, сообщает о таком случае: «Когда Лясковская ячейка втянула в свои ряды одного немца-батрака Петкера, на него сейчас же надели проповедники, увещая его выйти из комсомола и, обеспечив его материально предоставлением работы, добились выхода Петкера из союза и комнезама. Те же проповедники, сообщая по воскресениям молодежи сухие библейские сказки, чередуют их с игрой в крокет и кегли.

Славгородский Окружком ЛКСМУ также сообщает о случае выхода одной комсомолки-немки из организации под влиянием проповедников.

Вот письмо председателя одного сельсовета на Украине: «Тов. Добровольский, обращаемся к вам и просим помощи. В нашей деревне, населенной поляками, существует кружок, состоящий из взрослых и молодежи. Кроме молитв, они проводят аги-

такую против Советской власти и всех мероприятий нашего сельсовета. Так, например, мы хотели организовать машинное товарищество, но не можем это сделать, ибо все, кто записался в эти кружки, под влиянием агитации кружка выписались обратно. Кружок распространяет слухи, что скоро будет война, придут поляки, что Соввласть проектирует декрет о свободной продаже земли, или же скоро всю землю, взятую у помещиков и поделенную между беднотой, заберут обратно и отдадут помещикам»...

Освободить из-под влияния анти-коммунистических организаций трудящуюся молодежь западных нацменьшинств, рассеять окутывающий ее религиозный дурман и подчинить ее нашему влиянию можно только шаг за шагом, со всей энергией и настойчивостью ведя борьбу с этими организациями.

Мы видели уже, как привлекают они на свою сторону молодежь. Не потому идет туда молодежь, что она религиозна. В числе тех сетей, которые расставляют перед ней духовенство и сектанты, главную роль играют различного рода развлечения — вечера, хоровые и музыкальные кружки, — умело используемые этими темными силами. Таким же и еще более острым оружием должны вооружиться и мы.

Характерно, что там, где комсомольские ячейки вплотную подошли к вопросам хозяйственного строительства и культурной работы, влияние религиозных организаций стало заметно падать. Заинформацией ЦК ЛКСМУ пишет: «В прошлом году редко в нашей ячейке был десяток беспартийной молодежи, регулярно посещавшей комсомольские собрания; теперь же некоторые собрания посещают 100 и свыше человек. Это объясняется улучшением повесток дня в сторону интересующих молодежь вопросов: по сельскому хозяйству, политике партии на селе, здравоохранению и др. Так, в Гросслибентальской ячейке на докладе о сельском хозяйстве было свыше 100 чел., на докладе о пьянстве и борьбе с ним около 300. В Зельской ячейке на собрании ячейки, где стоял вопрос об интенсивных культурах, присутствовало свыше 50 чел. беспартийной молодежи. В Пришибском районе в организованной комсомолом и педтехникумом на улице массовой инсценировке в честь Октябрьской годовщины участвовала почти вся молодежь.

Примерно такая же картина в поселке Александровском, Славгородского уезда: «Там, — пишет тов. Келлер, неминистратор окружкома, — имеется около 50 чел. молодежи, 16 из них состояло в религиозном хоровом кружке. При организации же в поселке красного уголка в хоркружке осталось 11 чел., остальные вовлеклись в работу красного уголка. В поселке Гришевка, где год тому назад существовал кружок по изучению библии, сейчас молодежь втянута в культурную жизнь, выписывает газеты и т. д. Все это — после организации избы-читальни».

Приведенные нами примеры указывают пути борьбы: широкая культурная работа яркими и красочными формами; организация быта молодежи по-новому, большая, чем прежде, агитационно-пропагандистская работа, но не сухими и скучными; как пасторские проповеди, докладами; интересная и завлекательная газета (ведь у нас выходит периодическая пресса для молодежи на всех почти языках западных нацменьшинств — нужно ее улучшать и углублять). Вот орудия победы! Как следует отточенные, они сыграют решающую роль в нашей борьбе с анти-коммунистическими организациями.

Но орудия эти будут притушены, если мы допустим мало-мальское оскорбление религиозного чувства населения. Ни на одну минуту не нужно забывать, что в условиях повышенной чуткости и чувствительности его ко всему, идущему в разрез с установившимися традициями и предрассудками, каждый неосторожный шаг в антирелигиозной работе будет рассматриваться как покушение на национальные права. Это неизбежно там, где каждая национальность исповедует свою особую религию¹. Такая особенность делает антирелигиозную работу в нацменовской деревне делом еще более трудным и сложным, чем в русской.

Только проявив максимум такта и гибкости, умения разбираться во всем этом многообразном переплете, сочетав новые формы работы с правильно проведенной национальной политикой, разрешим мы третью задачу.

Наконец, встает вопрос перед нами об обеспечении четкой классовой линии во всей той работе, которую союз ведет среди молодежи западных нацменьшинств. Если принять во внимание, что подавляющее большинство этой молодежи — крестьянское, если не забыть при этом, что нередко кулацкие элементы пытаются использовать национальную политику в своих интересах — станет ясной важность этого вопроса.

А уклоны при проведении нацполитики нередки. Мы говорили уже о том влиянии, которым пользуется кулачество и духовенство на национальную деревню. Ловко спекулируя на политической, а часто и азбучной неграмотности беднейших слоев, кулаки неоднократно сводили на-нет нашу работу.

Вот почему, учитывая все своеобразие каждой национальности и умея максимально маневрировать, мы должны ясно и отчетливо помнить, что национальная политика у нас подчинена всей нашей классовой политике, что она отнюдь не является самоцелью. Классовая линия должна красной нитью проходить через нацполитику, ни в коем случае не затушевываясь ею.

Отсюда вытекает вопрос о социальном составе комсомольских организаций и их актива. В этом свете задача постоянного (но отнюдь не механического) регулирования социального состава приобретает колоссальное значение. Недооценка этой, четвертой, задачи комсомольцами западных нацменьшинств, утеря ими четкой классовой линии поставили бы нас в такое положение, когда, вместо молодежи, воспитанной в коммунистическом, интернациональном духе, мы встретили бы глухую, враждебную стену.

Правильное и настойчивое проведение национальной политики партии, воспитание грамотного и многочисленного актива из собственных рядов, борьба с анти-коммунистическими организациями молодежи и обеспечение четкой классовой линии — таковы четыре важнейших момента в работе среди трудящейся молодежи западных нацменьшинств, над разрешением которых надо крепко задуматься всей комсомольской массе этих национальностей.

Перед лицом нависшей перед нами опасности нападения со стороны чемберленовских вассалов, в обстановке лихорадочно ведущейся подготовки к этому нападению необходимость полного и успешного выполнения задачи завоевания молодежи западных нацменьшинств встает во весь свой огромный рост.

¹ Так например, поляки исповедуют римско-католическую религию, немцы — почти все лютеране, в то время как основная масса населения — русские и украинцы — православные.

По стопам Троцкого¹

Троцкизм вел борьбу против организационных принципов нашей партии не только в до-октябрьский период, но и позже, после захвата власти пролетариатом. Особенно эта борьба ярко выразилась в его выступлениях 1923—26 годов. Троцкизм в организационных вопросах строительства нашей партии особенно ярко и полно представлен т. Троцким в его книге «Новый курс». Здесь вопрос разработан им до конца вполне отчетливо.

Не кто иной, как т. Троцкий, в книге «Новый курс» характеризовал положение внутри партии следующим образом:

«Партия живет на два этажа. В верхнем решают, в нижнем принимают. («Новый курс», стр. 50).

Исходя из этого он предлагал:

«Коротко,—говорил он,—задачу нового курса можно формулировать так: партия должна подчинить себе свой аппарат («Новый курс», стр. 78).

На партийный аппарат направлял и направляет свои стрелы троцкизм, зная, что партия подбирает для руководства людей, облеченных доверием партии, которых партия достаточно знает. Без такого бережного отношения к старшему поколению революционеров намного затруднилось бы правильное руководство ленинской партией.

Не «бережное отношение», не преемственность, а борьбу с ним рекомендует т. Троцкий, чтобы их подчинить партии. Такая постановка вопроса «об аппаратчиках» в партии и об остальной партийной массе несовместима с орг-принципом большевизма и целиком чужда ему.

«Необходимо, чтобы вся партия систематически, исподволь и неуклонно воспитывала себе подходящих людей в центре, чтобы она видела перед собой, как на ладони, всю деятельность каждого кандидата на этот высокий пост, чтобы она ознакомилась даже с их индивидуальными особенностями, с их сильными и слабыми сторонами, с их победами и поражениями».

(Ленин, т. IV, стр. 317, 1903 г. 25/XI. Письмо в редакцию «Искры»).

Не шельмование партийного аппарата, как у Троцкого, а неуклонное воспитание «подходящих людей» «на этот высокий пост», как руководство партией,—вот чему нужно учить партийный молодежь.

Обвинение партаппарата в бюрократизме у Троцкого преследует цель не критики и исправления тех или иных, могущих быть оши-

¹ Огрызок из подготовляемой автором к печати брошюры, разбирающей платформу так называемого троцкистского союза молодежи Армении и группы ортодоксальных марксистов.

бок, а* ослабления аппарата партии, ибо все свои поражения, все трудности нашего роста троцкизм ищет в аппарате, в его бюрократичности, абсолютно не замечая партийной массы.

На практике борьба против бюрократизма в партаппарате, против «режима» в партии, для оппозиции означает возможность ведения фракционной, разлагающей партию, борьбы.

Под флагом внутривпартийной демократии оппозиция протаскивает ослабление железной дисциплины в рядах партии, в то время как партия исходит из того, что «кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину в партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата» (Ленин, т. XVII, стр. 136).

Весь ход внутривпартийной борьбы со всей очевидностью показал правоту данного положения.

И здесь троцкизм стал тем каналом, по которому влияние мелкобуржуазной стихии впитывается в некоторые круги нашей партии. Ибо психология мелкого буржуа несовместима с строем, внутренней жизнью нашей партии.

Противные нашей партии группы прекрасно знают эту мощь большевизма и потому, не щадя сил, ведут борьбу против «режима» в партии, прекрасно понимая, что от этого «режима» зависит мощь диктатуры пролетариата.

История нашей партии знает и вся партия хорошо помнит, до чего доходила оппозиция в своей борьбе против партии.

Известные нелегальные лесные собрания, организованные фракции, конспиративная работа — явились логичным следствием борьбы против партаппарата.

И здесь со всей очевидностью оправдалась «диалектика внутривпартийных группировок», как говорил сам Троцкий, — когда «эпизодические разногласия и временные группировки мнений могут при известных условиях превратиться в устойчивые группировки, эти последние могут, в свою очередь, раньше или позднее развернуться в организованные фракции, наконец, сложившаяся фракция, противопоставляя себя другим частям партии, тем самым более поддается давлению, идущему извне партии».

С такой же последовательностью развивала свою работу и оппозиция внутри комсомола Армении — «Троцкистский Союз Молодежи».

Не случайно, что Ачоян¹ одним из лозунгов своей борьбы против союза выдвинул борьбу против аппарата союза. Еще в 1923 г., во время первого выступления т. Троцкого со знаменитым «Новым курсом», троцкистская оппозиция в Комсомоле Армении так же, как и вся партоппозиция повсеместно, выдвинула задачу борьбы с союзным аппаратом. Эта борьба также велась под флагом внутрисоюзной демократии, против «режима» в союзе. Точь-в-точь, как партоппозиция. В этом деле партоппозиция служила направляющим центром.

Комсомольская организация Армении, и в особенности ее актив, при этом оппозиционном наскоке на руководство в союзе попала в горячую дискуссионную лихорадку. Первый период замешательства, неясности вопроса при дальнейшем изучении вопроса сменился вторым периодом дискуссии, когда и вся организация и

¹ Ачоян, ныне исключенный из комсомола, руководил в Армении нелегальной группкой в рядах союза, именовавшей себя «Троцкистским Союзом Молодежи».

актив, разобравшись в сущности выставляемых оппозицией требований, дали надлежащий отпор их выступлениям и взглядам. Мы повторяем, что борьбу оппозиции против комсомольского аппарата необходимо в первую очередь рассматривать, как борьбу против партийного руководства, борьбу против тех кадров союза, которые проводят партийную линию в союзе. Лозунг борьбы против аппарата союза выдвигался не раз людьми, желавшими под этим соусом ослабить партийное руководство.

Всякое проявление мелкобуржуазной стихии в союзе в первую очередь было направлено против партии, по линии или равноправия, или по линии борьбы против партийного «режима» в союзе. Троцкистская оппозиция в Армении, как отражение в союзе мелкобуржуазной стихии, выдвигала потому в процессе своей борьбы эти два момента.

Вот характерные выступления представителей оппозиции в 1923 году:

«Проводя рабочую демократию (?) в союзе, мы не должны учитывать ни партийность, ни стаж» (С. Оганян).

или:

«В союзе царит казенщина, формализм, чиновничество и т. п., особенно в его руководящих органах».

«Дайте демократию, а остальное само собой пойдет».

Пойдет-то пойдет. Но по какому пути? Эти выступления как нельзя полно иллюстрируют тенденции отрыва от партии, разрыва между всей массой союза и его партийным ядром—активом.

О значении руководящих кадров для коммунистической юношеской организации до и после захвата власти пролетариатом долго говорить не приходится. Эти кадры, выросшие из самой организации, являются тем партийным костяком, который призван руководить организацией, проводить партийную линию.

Без этого слоя союза, партии рабочего класса было бы трудно в условиях нашей страны организовать дело коммунистического воспитания масс рабочей и крестьянской молодежи. Этот кадр не посажен сверху, как иным кажется, не приставлен к союзу, а он из недр организации выдвигается на руководящую работу.

Но Ачояну руководящие кадры союза и вся остальная масса являются чем-то раздельным, двумя полюсами в комсомоле, без какой-либо внутренней, живой, органической смычки, связи.

Для него союз, как громадный коллектив, решающий судьбы юношеского движения, отсутствует. Он замечает только «аппарат» союза, который ведает, творит все, и подчас «тащит союз назад». Эта поверхностная чисто административная точка зрения на сущность организационного строения комсомола, может быть присуща только оторванным от живой организации интеллигентам.

Вслед за заявлениями оппозиционного блока о «существоющем» бюрократизме в «верхушке Союза Молодежи» Ачоян, развивая эту мысль, говорит:

«Власть находится не в руках союза, а в руках некоторых руководящих личностей, в лучшем случае в руках президиума. Союзная масса уже научилась и механизировалась в процессе этой работы»...

«В рядах союза создан определенный бюрократический кадр, перемена коего зависит не от низов, а от верхов»... и т. д.

Как все это напоминает следующее заявление: тяжелее всего бюрократический режим отзывается на жизни рабоче-крестьянской молодежи...

«В верхах Союза Молодежи бюрократизм получил за последний период чрезвычайное развитие, выдвинув не мало чиновников из молодых, да ранних».

Внутренняя связь по одному и тому же вопросу, таким образом, между оппозиционным блоком и «Троц. Союз. Молодежи» очевидна.

Линией партии недовольна оппозиция—шельмой ее как линии бюрократического аппарата.

Линией союза недовольны Ачоян и К-о—тоже шельмой ее как результат бюрократизма аппарата.

Еще в 1904 году в своей замечательной книге «Шаг вперед два шага назад», том V, стр. 438—39 Ленин писал:

«Крики о презловутом бюрократизме есть простое прикрытие недовольство личным составом центров, есть фиговый листок, скрашивающий нарушение слова, торжественно данного на с'езде. Ты—бюрократ, потому что ты назначен с'ездом не согласно моей воле, а вопреки ей; ты—формалист, потому что ты опираешься на формальные решения с'езда, а не на мое согласие, ты действуешь грубо механически, ибо ссылаешься на «механическое» большинство партийного с'езда, ты не считаешься с моим желанием быть кооптированным; ты—самодержец, потому что не хочешь отдать власть в руки старой тейлой компании, которая тем энергичнее свою кружковщинскую «преемственность», чем неприятнее ей прямое одобрение союзом этой кружковщины.

Никакого *реального* содержания, кроме указанного, не было и нет в этих криках о бюрократизме. Именно такой способ борьбы доказывает только лишний раз интеллигентство, неустойчивость меньшевизма» (Ленин, т. V, стр. 438—39).

Это правильное положение Ленина при споре с Мартовым в 1904 г. как нельзя лучше раскрывает причины такой бешеной атаки партийной и комсомольской оппозиции на «бюрократизм».

Ачоян абсолютно не понимает большевистской постановки вопроса о дисциплине.

Как и Троцкому, Ачояну партийные организации кажутся «чудовищной фабрикой», подчинение части целому и меньшинства большинству представляется ему «закрепощением», разделение труда под руководством центра вызывает с его стороны трагикомические воли против превращения людей в колесики и винтики. Ленин квалифицировал это как отражение барского олигархизма русского интеллигента. Постановка вопроса Ачояном о том, что союзная масса «механизировалась» и т. д. смахивает на «чудовищную фабрику», «на неодушевленные «колесики» и «винтики» и является отражением психологии мелкого буржуа и интеллигента, не могущего примириться с железной дисциплиной в союзе и партии.

Теперь перейдем к тому, как смотрит Ачоян и К-о на внутреннюю жизнь комсомола, на самостоятельность союзных масс.

Из его слов, приведенных выше, видно, что никакой самостоятельности в союзе нет и быть не может, ибо «власть находится в руках некоторых руководящих личностей». Союзная масса «механизировалась», настроена против бюрократического аппарата, и только вопросы личного, материального характера удерживают ее от активного выступления против аппаратного режима.

Вся внутренняя, живая работа комсомола, по Ачояну, основана на формализме, казенщине и прочих смертных грехах. Комсо-

мольцы, по Ачояну, не живые существа, а «трупы», которые то и делают, что «формально помогают», формально голосуют и т. д. Действительности для него нет. В союзе беспросветная тьма. В союзе «формальные съезды, формальные комитеты, формальные выборы и критика, формальное право. Вот сущность комсомольской демократии в данный период».

Всему виной, по Ачояну, являются комитеты союза. Это они «заражают» весь союз «формализмом» и т. п. грехами. «Дайте рабочую демократию, остальное само собой пойдет». Если в 1923 году говорили так, то уже в 1927 г. вопрос ставится более практически и конкретно.

«Демократию в союзе надо понимать, как ликвидацию монопольного права наших комитетов. Сегодня союз стал машиной, которой суждено только слушать и слушать, и будто бы он не имеет никакого права высказывать свое право».

Дальше, прекрасно зная генеральную линию союза на всемерное оживление союзной работы, зная решения партийного и комсомольского съездов о приспособлении форм и содержания работы союза к запросам молодежи, зная, что в этой области союз за последний период добился несомненных результатов, Ачоян со свойственной ему демагогичностью продолжает:

«Ячейки союза несвободны в разрешении вопросов даже в своих маленьких рамках, под напором комсомольских комитетов они настолько ослабели, что при их присутствии навряд ли сумеют притти к какому-нибудь практическому результату».

Здесь уже Ачоян и К-о выдали себя целиком.

«Демократия для того, чтобы ликвидировать монопольное право комитетов», «демократия», ибо «в их (комитетов) присутствии навряд ли сумеют ячейки притти к практическому результату», т. е. организовать работу—воспитание молодежи.

Ачоян и К-о здесь в скрытой форме развивают мысль о том, какую тормозящую роль играют комитеты в деле воспитания молодежи. (Аппарат революционного торможения). Исходя из этого, они и требуют такой демократии, которая развенчала бы руководство в союзе, содействовала бы разложению союза.

Основным остовом работы любой коммунистической юношеской организации является самостоятельность молодежи. Вся практическая работа организовывается таким образом, чтобы как можно шире и правильнее развернуть самостоятельность масс союза. Всякому известно, что лишь при условии выявления самостоятельности масс комсомольцев, правильном направлении этой самостоятельности, можно в переживаемую полосу правильно организовать дело масс рабочей и крестьянской молодежи в социалистическом строительстве. Самостоятельность масс — основа воспитания в комсомоле. К сожалению, приходится вновь эту истину повторять, ибо, как видно, Ачоян, шесть с лишним лет пробыв в рядах союза, и этой элементарной истины в работе комсомола не усвоил как следует быть.

Эти свои лозунги «Троцкистский Союз Молодежи Армении» выдвинул не для того, чтобы укрепить, исправить могущие быть в руководстве недочеты, а чтобы разложить союз. Борьба против союзного аппарата под лозунгом борьбы с бюрократизмом в союзе преследует цель разложения союза путем атаки на руководящие кадры союза.

Мы исходили и исходим из того положения, что руководящие кадры союза и вся масса являются не раздельными друг от друга, а единым, цельным коллективом. В союзных комитетах сидят не люди, назначенные «бюрократически» «сверху», а выдвинутые самой работой организации из масс союза, которых нужно критиковать, «освежать», выдвигать новые слои актива, но не разлагать союз».

Троцкистский Союз Молодежи устами Ачояна наоборот, рассматривая руководящие кадры и массы союза, как две противоположности, противопоставляет союзные массы комитетам союза, пропагандирует умаление руководящего значения комитетов союза, натравливает союзную массу на комитеты союза, тем самым дискредитируя их, ослабляя их руководство работой союза.

Мы исходили и исходим из того, что правильное развертывание внутрисоюзной демократии, самостоятельности масс союза помогают и укрепляют партийные настроения и партийное руководство в союзе, организуют участие комсомола в общественной жизни страны, укрепляют связь и доверие между массой союза и руководящими кадрами союза, способствуют укреплению дисциплины, сплачивают союз как можно лучше.

Троцкистский же Союз Молодежи устами Ачояна говорит, что надо развертывать такую демократию, которая «ликвидировала» бы руководящее «право» комитетов, такую демократию, которая «подорвала бы аппарат союзу», чтобы «власть перешла в руки союза», подорвала бы доверие тысячи и миллионов комсомольцев к комитетам, руководящим кадрам союза. Он требует такую демократию, которая бы развенчала партийное руководство, ослабила дисциплину, создала все возможности «свободных» нелегальных собраний, различных группировок и т. д. Эта демократия направлена не к исправлению ошибок, а к ослаблению дисциплины, подрыву руководства, разложению союза, а потому целиком направлена против компартии и ее руководства юношеским движением.

О внутрисоюзной демократии

„Под рабочей внутривнутрипартийной демократией разумеется такая организационная форма при проведении партийной коммунистической политики, которая обеспечивает всем членам партии, вплоть до наиболее отсталых, активное участие в жизни партии, в обсуждении всех вопросов, выдвигаемых в ней, в решении этих вопросов, а равно и активное участие в партийном строительстве“.

(Из резолюции X съезда ВКП(б).

Учение нашей партии говорит, что не может существовать таких организационных форм и методов, которые были бы «годны и абсолютно правильны для всех ступеней революционного процесса». Партия всегда на всех этапах своего развития руководствовалась именно тем, что те или иные организационные формы ее работы намечались в соответствии с конкретной обстановкой и задачами, вытекающими из данной обстановки. Эти принципы революционного марксизма должны быть глубоко усвоены нашим союзом. Если развитие союза идет таким путем, что те или иные формы сыграли свою положительную роль и не удовлетворяют союз в дальнейшем, надо, не задумываясь, заменять их другими, созданными самим ходом развития, целиком отвечающими задачам союза в данной полосе его развития.

Последний период развития комсомола характерен ростом политической активности, сознательности и культурности его членов и масс молодежи. Это потребовало новых методов работы, рассчитанных в первую очередь на широкую самостоятельность, инициативу и сознательность масс. Метод принуждения уступал постепенно место методу убеждения. Отсюда курс союза на развертывание внутрикомсомольской демократии. О достижениях и недостатках в проведении этого курса сейчас пора уже поговорить.

Критика и обсуждение вопросов работы

Степень критики работы бюро ячеек и низовых комитетов союза со стороны рядовых комсомольцев еще год тому назад стояла на довольно низком уровне. Обычно в критике участвовал сам же актив, а рядовые члены в нее были втянуты слабо, а если и критиковали, то в лице небольшой группы комсомольцев. Характер критики и обсуждения вопросов был зачастую недостаточно удовлетворителен и имел два отклонения, а именно: или обсуждение вопроса в свете казенного благополучия или наоборот—в свете пессимистических пейзажей комсомольского «несоответствия» (всегда у нас в союзе плохо).

Что же сейчас имеется в этом направлении? Не исключены, конечно, и сейчас случаи отдельных выступлений по линии, указанной выше, но в подавляющей массе характер критики и обсуждения вопросов во время проведения отчетной кампании комитетов союза перед комсомольскими массами был исключительно деловой.

С другой стороны, в обсуждение вопросов работы союза втянулись широкие слои членов комсомола, даже те, которые были наиболее пассивны. Об этом говорят следующие факты: по Московско-Нарвскому району в Ленинграде высказалось 8% всех участвующих по отчетным докладам комитетов, а на более мелких предприятиях количество выступающих достигало: 15%. На цеховых собраниях активность была куда выше: она достигала до 35—47% выступлений участвующих. Последний факт лишний раз подтверждает огромнейшую важность системы цех'ячеек, как формы работы, организующей активность комсомольцев непосредственно в цеху. По Сев. Кавказу и ряду других крестьянских организаций количество выступавших комсомольцев также повысилось и в среднем достигало 4,8% всех присутствующих, но размеры этой активности, несмотря на ее рост, по сравнению с промышленными организациями еще незначительны. Это объясняется тем, что рядовая масса деревенских комсомольцев по сравнению с городскими ячейками стоит на более низком уровне в политическом и культурном отношении. Это в свою очередь лишний раз подчеркивает необходимость большего оживления руководства деревенскими ячейками, внедрения в их работу методов внутрисоюзной демократии.

Комитеты союза и бюро фабричных коллективов сталкивались с жесткой и вполне справедливой и здоровой критикой со стороны рядовой комсомольской массы. Критика рядовых комсомольцев показала величайшие, еще не виданные в истории союза, деловитость и серьезность масс. Но было бы, конечно, ошибочным сказать, что не было в критике отдельных вывихов и болезненных явлений. Они, конечно, имели место и шли главным образом по линии понимания демократии, как «самоцели», а не как средства и метода работы союза. Непонимание демократии выявилось и в выступлениях отдельных групп актива, главным образом в попытках свести демократию исключительно только к выборам.

Тамбовская организация по поводу содержания обсуждения вопросов в период отчетной кампании сообщает, что «конференции и волсобраны носили характер деловой и глубокой проработки вопросов, стоявших в повестке дня, делегаты вскрывали ряд недостатков в работе организации, указывали на необходимость более лучшего и четкого руководства работы ячеек, на более правильную линию роста организации и, в первую очередь, укрепления ее батрачко-бедняцкого ядра».

Повсеместно организации решительно выступали против взглядов оппозиции, несмотря на выступление отдельных оппозиционных элементов, пытавшихся обвинять союз в отсутствии демократии. Основное обсуждение вопросов охватывало животрепещущие темы работы союза и жизни молодежи, а именно—борьба с болезненными явлениями в быту молодежи (пьянство, хулиганство), участие в строительстве промышленности и лучшей организации труда молодежи, организация культурного быта и разумного досуга молодежи и пр...

Эта чуткость масс к основным проблемам союза, сочетавшаяся с деловыми и серьезными предложениями по докладам комитетов и идейной стойкостью в оценке оппозиции, показывает, что рядовая масса растет и в политическом отношении становится более зрелой, а это говорит за то, что растущую активность надо направлять по творческому руслу и в большей мере, чем когда бы то ни было, стремиться ее развивать.

Самодетельность и инициатива масс

Наблюдаем ли мы сейчас рост самодетельности комсомольцев?

На этот вопрос надо ответить положительно. Ленинградская и Московская организации создали на основе широкой самодетельности и инициативы комсомольцев движение за культурно-здоровый быт, за грамотность и квалификацию рабочей молодежи, за поднятие производственной дисциплины. Все это выразилось в большой волне производственных и сельскохозяйственных конкурсов, в возникновении различных добровольных кружков по изучению техники производства, радио и т. п., в возникновении ядер быта. На бытовых ядрах ленинградских комсомольцев необходимо остановиться, чтобы в лице их изучить рост самодетельности в нашем союзе.

История создания этих ядер поучительна не только потому, что она целиком подтверждает восходящую линию самодетельности в комсомоле, но и потому, что она показывает, как надо организовывать всякое самодетельное дело и руководить им. Мы знаем не мало различных кружков быта, но большинство их страдало худосочием, хирело, а затем безвозвратно погибало. Не то мы видим в Ленинграде. Дело там начали с того, что поставили на широкое обсуждение коллективов бытовые вопросы, интересные для молодежи.

Эти вопросы вызвали колоссальный интерес, расшевелили живую мысль и энергию у комсомольцев. Сама масса выдвинула и форму, в которую вылилась эта энергия и активность. Начали создаваться бытовые ядра не по «инструкции», а на основе добровольности, вокруг конкретного, интересного для всех дела. И сейчас мы являемся уже свидетелями, как эти бытовые ядра сумели отвлечь рабочую молодежь «от пьяных драк к разумному отдыху, через организацию вечеров к моменту получки» (фабрика Петра Анисимова). Вот несколько слов о работе одной группы (бытового ядра).

«На фабрике «Красный Швейник» в Ленинграде началось с того, что группа ребят стала вместе читать газету, главным образом фельетон. Этим настолько заинтересовались, что возникла мысль организовать группу быта. Для того, чтобы сплотить рабочих, устроили вечер самодетельности. Дальше внимание группы привлекли кражи на заводе. Группа изучила этот вопрос, через беседы по цехам создала общественное мнение против этих явлений. Кражи прекратились. Сейчас группа работает в составе 7-ми человек: они вместе обедают, вместе проводят свое свободное время, вместе посещают кино и театр». (Из материалов обследования).

Такие ядра с успехом работают на многих других заводах Ленинграда. Это одна из форм комсомольской самодетельности.

Возьмем другой участок самодетельности комсомольцев. Почему Московская организация сумела продвинуться вперед в деле

пропагандирования корнеплодов? Ведь было бы совершенно недостаточно ограничиться планом «с установкой на корнеплоды в работе ячеек по сельскому хозяйству». Движение корнеплодников разрослось потому, что сама масса деревенских комсомольцев втянулась в это дело, потому, что это дело двинули снизу, привлекли к нему интересующихся комсомольцев, а когда эти комсомольцы сделали живое дело, их опыт стал достоянием всей организации.

В рядах нашего союза таится колоссальная активность и зарядка творческой энергии. Эта энергия на основе самостоятельности самих масс постепенно направляется союзом в русло полезной строительной работы. Но наряду с этим мы одновременно видим, что в массе рядовых комсомольцев имеются сотни чрезвычайно талантливых и способных товарищей, которых мы зачастую, благодаря несовершенству нашего руководства, не можем еще выявить и отметить и дать каждому ту отрасль работы, к которой он имеет желание, стремление и любознательность. Мы еще не умеем создать для работы каждого комсомольца соответствующую обстановку. Уж больно часто у нас в той или иной ячейке, тот или иной ретивый активист препятствует развитию самостоятельности, подгоняя все и вся «под инструкцию».

Иначе говоря, сейчас стоит задача раскатать эту творческую активность комсомольцев по всем нашим организациям, всемерно поощрять всякое самостоятельное начинание комсомольцев во всех отраслях нашей работы, на всех участках строительства, вливая в эти начинания содержание основных задач социалистического строительства.

Почему, например, сейчас не начать всемерно и больше, чем это мы сделали до сих пор, поощрять изобретательство среди молодежи, зачинщиков которого уже насчитывается много.

Можно с уверенностью сказать, что не один еще десяток таких изобретателей имеется среди нашей рабочей молодежи на наших фабриках и заводах.

Возьмем нашу экономическую работу ячеек. Она больше, чем какая-либо другая отрасль, страдает немасовостью и только потому, что наши экономработники заняты чересчур законами и мало еще вовлекли в работу рядовых комсомольцев, недостаточно живо реагируют на такие немаловажные вопросы, как правильная организация бюджета молодого рабочего и подростка, содействие организации улучшенного питания на заводе, проведение постоянного лечения и диспансеризации больных рабочих-подростков.

Почему бы нам не вынести на широкое обсуждение комсомольцев вопросы организации на основе самостоятельности и инициативы самих же комсомольцев, отдыха рабочей молодежи, ее оздоровления, приурочивая это к летним сезонам, привлекая к этому делу наш медицинский персонал? А ведь здоровье рабочей молодежи требует большого внимания, и покамест сама рабочая молодежь под руководством союза решительно не возьмется за это дело, мы в этом направлении многого не сделаем.

Об одной опасности

На наших глазах выросло движение среди молодежи за практическое живое дело, за подачу личного примера и почина в деле переустройства быта, за повышение квалификации, увеличение производительности наших заводов и прочее. Все это прекрасно, но мы ни в коем случае не должны упустить из виду создающуюся

вследствие этого опасность, которая заключается в возможном скате отдельных ячеек и групп актива в сторону безыдейного «делячества». Ряд товарищей, сталкивающихся с практической работой в данный момент, сигнализируют эту опасность.

Грош цена будет той самостоятельности, в основе которой будет лежать только личная заинтересованность, только стремление к временной цели за счет основной задачи коммунистического воспитания молодежи. Такая самостоятельность будет воспитывать из комсомольцев не международных революционеров, а ограниченных мещан и обывателей. Стоит эта опасность непосредственно перед всем союзом? Нет, не стоит, но она возможна среди отдельных наших ячеек и комсомольцев по одной той причине, что теоретический уровень нашего низового актива еще низок. Он далеко отстает от темпа общего развития, и наша задача — как никогда взяться сейчас за поднятие теоретического уровня актива. Это будет гарантией против «делячества». Надо объявить борьбу безыдейности среди отдельных наших активистов, надо растить новый актив, связанный с массами молодежи, знающий настроения и запросы ее и умеющий увязывать каждое практическое, мелочное дело в жизни своей ячейки, завода с общими задачами партии. Такой тип активиста нужен сейчас союзу; сюда надо обратить особенное внимание, а по типу безыдейного делеяги надо открыть бешеный огонь.

О доподлинной выборности, нарушениях и извращениях демократии

Проведение доподлинной выборности является основной частью внутрикомсомольской демократии. VI съезд указал на необходимость решительного осуществления выборности, прибегая к назначению только в исключительных случаях. Последняя перевыборная кампания руководящих органов проходила именно под углом соблюдения этого принципа внутрисоюзной демократии, что привело к значительному обновлению нашего руководящего актива, к приходу к руководству союзом рабочих и крестьян. Это мы можем заключить из следующих цифр.

По Сибири «состав работников бюро окркомов и обкомов с I/I по I/X 1926 года обновился на 84%» (из общего количества членов комитетов в 109 чел. вновь выдвинуто 92).

По Средней Азии «выдвиженцев, работающих менее года, в обкомах 11,7%, в окружках — 39,4%, райкомах — 31,3%. По окружным комитетам вновь выдвинутых 74,9%».

По Карелии «из 168 членов нового состава укомов 81,9% избранных впервые».

По Киргизии «из общего состава актива обкома и городских комитетов — 26,1% являются выдвиженцами».

По Украине «в состав сельрайкомов из 6.070 чел. избрано впервые 3.767, т.е. 62,1%. В прошлом году состав сельрайкомов обновился на 57%».

Значительное обновление произошло и в составе бюро ячеек. По Центрально-Промышленному району, Сибири, Уралу, Украине, в Сев.-Зап. области последние перевыборы бюро ячеек дали 37% избранных в первый раз.

В деле выдвижения актива встречаются две ошибки: с одной стороны — неверное толкование выборности отдельными комсомольцами, а с другой — случаи нарушения ее со стороны руководящего актива.

Неправильное толкование выборности имеет двойкий характер. Первое: это такое положение, когда при выборах бюро отдельные комсомольцы пытаются противопоставить ячейку высшему руководящему органу союза. Второе — противопоставление выборности партийному руководству. Вот две записки, поданные на собрании актива в московских районах, отражающие эти два нездоровых настроения и толкования выборности.

«Почему на ряду с развитием демократии по перевыборам ячеек, необходимо согласовать с райкомом, разве сами ячейки не могут выбирать своих руководящих органов?»

«Ты говоришь, нужно проводить внутрисоюзную демократию, а почему же состав бюро ячейки КСМ надо согласовывать с бюро партии?»

Эти вопросы отражают настроения против демократического централизма и партийного руководства. Помимо сознательного внесения этих настроений в союз со стороны мелко-буржуазных слоев, эти случаи мы наблюдаем, как следствие еще слабого разъяснения сущности демократического централизма.

Нарушение выборности иногда скрывается под формой «осторожного подхода» к выборам со стороны отдельных активистов, хотя не исключены и грубые нарушения принципа выборности. Как то, так и другое идет целиком в разрез со взятым курсом союза на оживление руководства.

«Осторожничество» имело место в последнюю отчетную кампанию ячеек союза. В основе его лежит неверие отдельных работников в сознательность масс, неумение активиста руководить этой массой, уже не говоря о том, что здесь активистом проглядывается идейно-политический рост комсомольской массы. Вот что сообщает рабочий комсомолец, активист завода имени Петровского:

«При проведении перевыборов бюро ячеек на демократических началах предполагалась опасность: ребята будут выдвигать «корешков». Но во время перевыборов ее не оказалось, если и были персонально выдвинуты кандидатуры, как «корешков», то вся масса это ступевала деловым подходом к перевыборам».

Или, второй пример из жизни Алма-Атинской городской организации. Горком пишет:

«В некоторых ячейках старое бюро намечало список «авторитетных и выдержанных» товарищей в новое бюро. Голосование проходило по спискам, но были случаи, что половина «авторитетных» не понадала в новое бюро».

Эти примерышний раз подчеркивают недостаточную чуткость у отдельных бюро ячеек к настроениям членов союза, что несомненно является следствием отрыва этих бюро ячеек от масс.

С практикой зажима, грубого приказа и окрика, имеющейся в отдельных местах и до сих пор, организации должны повести решительную борьбу. И сама ячейковая масса достаточно упорно дает зажим инициативы комсомольцев. Активист, пытающийся командовать, сейчас уже обрезает себе на этом крылья. Газета «Красный Пахарь» сообщает один характерный случай по этому вопросу:

«Во время выборов делегатов на райконференцию ВЛКСМ на общем собрании ячейки ст. Мохачевский секретарь ячейки весьма ревностно проявил свою демократию: «не смейте выбирать тех, кого вы наметили» и, конечно, выдвинул своих кандидатов. Собрание все же избрало тех, кого оно хотело.

Перечисленные факты есть теневые стороны нашего союзного руководства. Следует ли сейчас говорить о них? Не только следует, но и необходимо вскрывать эти факты. Их мы еще в практике работы наших низовых организаций имеем в достаточном количестве. Правда, мы их меньше наблюдаем в наших передовых организациях, идущих более быстрым темпом по пути оживления союзного руководства, но в сравнительно отсталых крестьянских и национальных организациях случаев нарушения принципов внутрисоюзной демократии еще много. В руководстве там нередко преобладает метод принуждения, а не убеждения. Ни в коем случае нельзя пропускать мимо внимания всего союза факты (правда, единичные, но зато ни в коем случае недопустимые в практике работы комсомола), когда секретарь губкома, олицетворяет собой не организатора, опирающегося на исключительный авторитет и доверие организации, руководителем которой он состоит, а является бюрократом, не уясняющим себе новый курс в работе союза. Такому руководителю союз должен объявить решительную борьбу, потому что тот, кто становится на путь приказа, зажима и казенного благоподучия, как это бывает с некоторыми товарищами, тот по существу идет против решений VII съезда о комсомольской демократии.

О бюрократизме и демократии

Правы ли те товарищи, которые говорят, ссылаясь на Ленина, что бюрократизм, лежащий корнями в распыленности мелкособственнического производства, явление длительного порядка, а потому и не *стоит заострять вопрос на жестокой борьбе с бюрократизмом*, издавать вопли и воинственно потрясать мечом против бюрократизма.

В такой постановке вопроса интересы дела принесены в жертву схеме. Всем понятно, что бюрократизм явление длительного порядка, успешной борьбе с ним мешает имеющийся хозяйственный уклад, некультурность масс, мелкособственнические отношения. Но Ленин всегда заострял внимание партии, ее отдельных работников — на задачах решительной повседневной борьбы с бюрократизмом. Не надо забывать того, что мы живем в полосе ожесточенной борьбы социалистических элементов с капиталистическими, а отсюда явствует, что бюрократизм, стоящий во враждебном нам лагере, являющийся пережитком в высшей степени враждебной нам системы, находится с нами на положении постоянной, повседневной войны. А каждая война требует отвоевания даже самого наименьшего кусочка территории противника.

Вот почему нельзя притуплять внимание комсомольцев и молодежи к повседневной борьбе с бюрократизмом, ссылаясь на «длительность». Вот почему борьба эта должна успешно наладиться внутри нашего союза и аппарата его. Демократия в союзе есть тот инструмент, который способствует, а в дальнейшем еще в большей мере должен способствовать росту самостоятельности масс комсомольцев, широкой инициативы и самокритики в комсомоле, при сохранении идейной гегемонии пролетарской его части, при сохранении демократического централизма, и эта демократия в общей сложности есть один из способов борьбы с нашим противником — с бюрократизмом.

З а к л ю ч е н и е

Какие выводы напрашиваются из всего сказанного?

Союз развивается в полосу роста огромной активности его членов, в полосу, усложняющейся и разнообразием и многосторонностью его задач в эпоху строительства социализма. Когда после временного топтания на месте, выразившегося в несоответствии форм и методов в руководстве с запросами молодежи, союз совершил перелом в положительную сторону, в первую очередь в лице своих передовых организаций, встала во всей широте задача дальнейшего улучшения союзного руководства, которая в первую очередь должна сочетать умение учесть своевременно настроения рабоче-крестьянской молодежи и обеспечить максимальное участие рядовых членов союза не только в намечении практических путей работы, но и участие комсомольцев в проведении этих решений. Это возможно только при оживлении наших низовых организационных форм работы на предприятии: звено и цехорги, различного рода самодеятельные кружки, комиссии и совещания, подходя к этим формам самодеятельности более чутко, а не казенно, направляя и втягивая каждого комсомольца в то дело, которое его интересует, на котором он может расти и в политическом и в хозяйственно-культурном отношении.

Нужно более решительно бороться с бюрократическими элементами в руководстве союза. Развивая широкую критику всех мероприятий комитетов союзов и бюро ячеек, воспитывать на этой деловой критике идейно подкованный, ответственный перед массой, низовой актив. Это будет обеспечивать еще больший рост новых кадров актива, сумеющих заменить старый актив призыва военного и восстановительного периода. Деловая критика для новых кадров нужна еще потому, что новый актив вырос в полосу более (относительно) мирного периода строительства, он не прошел гражданской войны и периода тех неслыханных хозяйственных и экономических трудностей, через которые партия провела нашу страну.

Повседневно внедрять в сознание рядовой массы сущность внутрисоюзной демократии, не как самоцели, а как средства для достижения определенных результатов в работе союза. Нужно предполагать, что на определенных участках союз столкнется с фактами неправильного понимания демократии. Эти настроения имели место в истории союза и, вероятно, будут еще проявляться со стороны отдельных групп комсомола, вышедших из мелкобуржуазной среды. Эти тенденции возможны по двум путям: или по линии попыток расшатать демократический централизм и дискредитировать пролетарское руководство в целях внесения разногласий между пролетарской и крестьянской частью союза, или же в целях осуществления зажима в отдельных пунктах нашего, главным образом низового руководства. Отсюда вся важность и сохранения в силе задачи, поставленной перед комсомолом тов. Сталиным, задачи «укрепления узловых пунктов в руководстве союза рабочим активом и в первую очередь в крестьянских организациях».

Открытое письмо читателя-друга комсомольскому журналисту

I

Дорогой товарищ, пишу я издалека, хотя живу вовсе не за тридевять земель, не за горами, которые трудно перейти, и не за лесами, за которыми меня не видно.

Может быть, это покажется странным и мало вероятным, — признаюсь, я живу рядом с вами, по соседству, встречаемся ежедневно везде и всюду. Я нередко вас вижу: на комсомольских собраниях, на съездах и конференциях, где вы торжественно выступаете с обстоятельными речами и докладами; на молодежных диспутах, где вы, как трибун, горячо громите упадочников и мещан, зажигая всех нас творческим огнем пафоса социалистических буден. Наконец, правда — изредка, но все же я вас встречаю на городских окраинах, где сквозь дым и копоть прорастают мощные и величественные гиганты социалистической индустрии.

Заломнилась встреча с вами на процессе чубаровцев, — мы тогда заодно требовали сурового приговора насильникам и в своем выступлении вы мужественно вскрыли, как оператор острым ланцетом, уродливости нашего быта.

... Может быть, не уплыло из вашей памяти наше совместное празднование «дня печати», когда по справедливости вы могли себя чувствовать именинником. Читатели (в том числе и я) приветствовали в вашем лице рабочую печать, а вы держались более, чем скромно и застенчиво, стараясь показать, что здесь не столько вы «при чем», сколько «при чем ты и я». От этого дня осталось хорошее и теплое чувство.

Всего не упомянешь, но и эти встречи говорят за то, насколько мы близки.

Близки и в то же время так далеки!

Говорят, когда в отношениях теряется прелесть новизны, отношения притупляются. Но на смену всегда приходит или безразличие или...

Не будем говорить о любви, ведь ваш брат журналист еще сейчас этот вопрос рьяно дискусирует, и повелось уж так, что в таких дискуссиях к читателю редко прислушиваются, очевидно, считая, что его «хата с краю», и поэтому любовь, как чувство «дискуссионное», оставим в стороне, подождем итогов дискуссии, когда я, может быть, приобрету право на любовь.

А пока я напомню о другом чувстве, — простите мою невежественность, если я ошибаюсь, но мне кажется это чувство еще нигде не дискуссировалось, не взято под знак вопроса, — *чувство уважения*.

И вот, как я думаю, при уважении не может быть безразличия. Одно должно неминуемо вытеснить другое.

Может быть, то, что я хочу сказать, вас ошеломит, покажется на первый взгляд неправдоподобным, диким, обидной и глупой путкой (и я ясно представляю ваш рассерженный вид, когда прочтете эти строки), но, несмотря на это, а может быть — именно поэтому, так как, я надеюсь, что такая встряска послужит вам на пользу и заставит вас все же кое-что проверить, кое-что переоценить и посмотреть на себя и вокруг по-новому, а прямо и резко, без обиняков обвиняю вас в том, что вы перестали меня уважать — читателя-друга. И не по моей вине. Да, да. Если, несмотря на кажущуюся близость мы неизмеримо далеки друг от друга, этому причина не в том, что я невнимателен и не желаю с вами иметь ничего общего, а наоборот. Я вам настолько надоел, приглядываясь, просто на меня перестали обращать внимание, как на обиходную вещь, без которой нельзя обойтись в общежитии, которой механически пользуются, но и не замечают.

И когда товарищ Бухарин в «Злых заметках» писал: «Каждый из них есть и личность, а не статистическое среднее на двух ногах, не индекс, не параграф и не абзац резолюции по текущему моменту» — мне кажется, он это напоминал обо мне и, конечно, куда лучше, чем я смогу, обрисовал ваше отношение ко мне.

В том-то и дело, что для вас читатель-друг — безличная, серая, бесформенная масса. Вы не замечаете меня и скользите мимо, для вас я безразличен. А там, где безразличие, не может быть уважения.

И если я решился написать это письмо, то поверьте, не только для того, чтобы напомнить о своем существовании, но мне кажется, что меж нами имеются некоторые обязательства, которые должны быть выполнены во что бы то ни стало, а еще и потому (признаюсь, это главное) — вы, несмотря на все, мне *дороги*. И это по-простому понятно. Вы товарищ мне и водитель на трудном нашем пути, мы сыны общего, родного нам класса, коллектива, сподвижники по революционной борьбе, а с чуждыми моему классу я не хожу и не буду заводить дружбы.

Поэтому не будет удивительным, если я поведаю о том, что чем больше вы меня не замечали, я «замечал» вас. И многое незаметное для вас, я явственно увидел. Я следил за вами очень внимательно и вынужден признаться: факты и явления, подмеченные мной, вызывают большую тревогу. И не только тревогу — я боюсь потерять уважение к вам и, главное, уважение к печатному слову.

Считаю себя обязанным обо всем неллицеприятно поведать, и, может быть, хорошенько поразмыслив и взяв себя в руки, мы эти недоразумения (я хочу думать, что это все же только недоразумения), с нашего пути сумеем устранить. И чем скорее, тем лучше, так как факты, о которых я буду дальше говорить, могут стать и становятся не только угрозой нашему приятельскому сожительству, но — для вас определенная опасность перерождения, усвоения привычек писателя буржуазного класса, а потому наши пути могут разойтись.

Выложу все на чистоту, ничего не утаивая, ничего не приукрашивая, постараюсь быть объективным, и меньше всего хочу подковырнуть вас, тем более, что вы лично во всем этом виноваты не столь прямо, сколь косвенно, и прошу только — не обижайтесь, а прочтите мое письмо внимательно.

Помните, что это пишет читатель-друг, которому тоже больно.

II

На третьем съезде комсомола мне не довелось быть, но ваши же статьи натолкнули меня на «комсомольские скрижали», как вы назвали речь Ильича, произнесенную на том съезде. Одно место из этой речи подняло меня самого особенно высоко в моих глазах и в то же время придавило тяжелым грузом навалившейся большой ответственности.

Ильич тогда сказал: «Именно молодежи предстоит задача создания коммунистического общества».

Но отрывка старого в нас, в нынешней молодежи, еще очень сильна, иногда бьет и очень здорово бьет по строительству нового коммунистического общества. И весь смысл пролетарской, культурной революции в том, что в ее процессе формируется человек нового склада, обогащенный культурным наследием прошлого, но критически переваривший это наследство, и этот человек совсем не похож на прежнего — хотя бы самого лучшего; это человек другой эпохи — коммунистический человек.

Комсомольская журналистика должна быть по-настоящему коммунистична во всех ее проявлениях, иначе коммунистически не воспитаешь и тем паче не перевоспитаешь всю массу молодежи.

А чего бы проще!.. Комсомольская журналистика поднялась на октябрьских дрожжах, и казалось бы, отвратительным правам и подлым традициям буржуазной, царской, дореволюционной журналистики, еще в свое время так едко высмеянной и обнаженной генеральным сатириком Щедриным, неоткуда было бы взяться.

Дорогой товарищ, вы не раз восставали против казенного благополучия, но как странно, что многое близкое вам, вы не замечаете, а было бы верхом казенного благополучия и недопустимым верхоглядством проглатывать некоторые отрицательные проявления дореволюционного буржуазного наследия.

Жив курилка! Увы, если бы жил писатель Щедрин, даже в среде комсомольских журналистов без особого труда отыскал бы он своих старых знакомых, врагов по перу: самодовольно мурлыкающих каллунов — современных сверх-оптимистов, проживающих по новому паспорту «не помнящих родства», «легковесных», не отягощенных научным багажом и вполне довольствующихся единственно усвоенным правилом дважды два четыре; встретил бы и не мало прекраснородушных в своей наивной непосредственности «ценкоснимателей» — сегодняшних «халтурщиков».

А нам, читателям, от них «не стало мочи, не стало и житья».

Их еще не так много, но отсутствие мысли и идей заменяет им нахальство, и, эластично извиваясь, пытаются они пролезть и пролезают во всякую щель. В каждой литературной драке подначивают они дерущихся, а сами, оставаясь в стороне, поднимают оголтелый крик так, чтоб громче всего звучала их визгливая и фальшивая нотка. Всякое начинание они непременно изгадят и испохабят — в бочку меда вольют вонючую ложку дегтя. Они не стесняются ничем. На нашу радость и на нашу печаль им равно наплевать. Для них это одинаково хлебное дело, около которого можно поживиться.

На них чаще всего натывается читатель, доверчиво распростерший объятия, а ему нагло хохочут в лицо, едко подтрунивая: «Лопай, что дают. Читатель не свинья — все съест».

Неужели их много? Не думаю, и взять их за жабры было бы не так уж трудно, если бы они не прятались за вашей спиной, спиной честного комсомольского журналиста.

То, что я пишу, вас возмутит и звучит, может быть, как оскорбление, — ведь у вас нет ничего общего с этими «типами»... Правильно, но вы не принимаете в расчет некоторых «мелочей» журналистского бытия. Мне на этот раз со стороны виднее, а вы к этим мелочам невнимательны и не замечаете, как эти мелочи плодят и питают «пенкоснимателей», как эти мелочи окрашивают пенкоснимательство в защитный цвет; эти мелочи обволакивают и вас самого, и вы можете не заметить, как и сами постепенно перестаете быть самим собой и скатываетесь к этим типам.

Какие же это мелочи? Действительно, их трудно заметить. Может ли быть мелочнее такой «мелочи» в наше время, как пропущенный или не поставленный на месте знак препинания в статьях, рассчитанных на «мировые масштабы»? Нет. Но как это ни смешно на первый взгляд, я постараюсь доказать вам рядом фактов, что *путь к плагиату идет от пропущенного знака препинания или пустяковой грамматической ошибки.*

И тогда многое станет понятно. И станет видна опасность, грозящая порвать наши дружеские отношения и обернуть нас друг к другу спиной.

III

Не перевелись на свете еще чудаки. Каюсь, над некоторыми я сам подшучивал и зло подшучивал — это старые корректора московских типографий. Для этих «машаков» вопрос чести не оставит запятую там, где должна стоять точка с запятой.

Корректора считают это «бисерной» работой.

Но давно сказано — «не мечите бисера перед свиньями».

Я принимал за чудачество то, что на самом деле являлось высшей мерой добросовестного, любовного отношения к своему делу, — уважения к печатному слову.

Я не придавал должного значения форме письма. Не было важно, как написано, а важно лишь, что написано, — хоть коряво, но зато здорово, по-нашенски. И в этом была моя ошибка. Потребовалось немало времени, чтобы усвоить, что от того, «как написано», зависит смысл того, «что написано».

Бывает, хочешь выразить одно, а от неправильного изложения получается совсем другое. Какая-нибудь несчастная запятая, глядишь, может до того фразу исказить, что получается чушь.

После этого стал я корректоров уважать.

А им сейчас приходится очень туго. Не точки с запятой, не двоеточий, а целых фраз, периодов — нехватает в статьях (и не только в статьях, нередко художественных произведениях); вместо них — зияющий провал, которого никакими знаками препинания не заполнишь. Бывает и наоборот: наворочено, прямо не разбери поймешь; недоумеваешь, какими правилами грамматики руководствовался автор и на русском ли языке он пишет.

Бисерная работа у многих комсомольских журналистов не в почете.

Недавно с одним журналистом поспорил. Говорю ему:

— Вот Анатолий Франс — на что большой писатель был, а правил не менее шести корректур своих произведений, прежде чем сдать их в печать.

Журналист в ответ разругался:

— Анатолий Франс — буржуй, у него времени было много, да и не жил в нашу эпоху. Попробовал бы он побыть в моей шкуре, когда у меня тысяча дел... Нет, комсомольский журналист живет американским темпом и не может позволить себе роскошь править свою статью.

— Мне некогда даже писать, всегда *диктую машинистке*. А грам.м.м.матика, это — предрассудки. К тому же на грамматику есть типографский корректор, он уж сам как-нибудь расставит знаки препинания по местам.

Мне не удалось убедить его в обратном. И можно ли убедить, когда повседневно в любой редакции этот журналист встречает не противодействие своим пренебрежительным замашкам, а потворство, и не только потворство, но даже поощрение.

В редакции одного из лучших комсомольских журналов мне случайно пришлось быть свидетелем разговора редактора с одним видным критиком. Критику заказывалась юбилейная критико-исследовательская статья, с тем, чтобы ее представить в редакцию не позже, как через три дня. На это предложение критик робко возразил:

— Для такой статьи сроку будто маловато.

Редактор был очень рассмешен этой «шуткой» и безапелляционно ответил:

— Чепуха, мы вам пришлем стенографистку, и статья не в три дня, а в три часа будет готова.

Поистине, как далеко вперед двинулась техника и участился «темп» литературного совершенствования!

Писатель Щедрин в свое время вопрошал:

«В чем заключается истинная цель пенкоснимательства?» — и находит ответ: «Она заключается в облегчении литератора от некоторых стеснительных уз. А в чем облегчение более действительное, как не в свободе от грамматики, этого старого, изжившего свой век пугала, которого в наш просвещенный век не страшатся даже вороны и воробьи».

Пенкосниматели времен Щедрина были скромны и дальше «облегчения» от уз грамматики не шли, считая, очевидно, это пределом достигаемого.

Теперь не те времена: если «облегчаться», так уж облегчаются до конца.

Граматику блюдут лишь корректора по долгу службы, пишут машинистки и стенографистки, а журналисты от этого «облегчились». Остается лишь немного — облегчиться от необходимости думать, облегчиться от мыслей и понятий.

IV

Остается ли? От этого вопроса становится жутко.

Несколько книжек, брошюр комсомольских журналистов лежат передо мной и наводят на грустные размышления.

В книжке К. Мальцева «Что должен знать комсомолец-агитатор»¹ такое наизидание:

— Употребляй только такое *значение* (??), которое ты сам знаешь с обязательным *из* (!!) переводом.²

«Значение» этой фразы, очевидно, в том, что встает вопрос, кто же из нас не знает русского языка — автор или читатель?

¹ Из-во «Новая Москва», 1926 г.

² Курсив везде мой.

А может (мелькает надежда), корректор, которому надлежит «следить» за грамматикой, попутал.

Но другая книжка комсомольского журналиста безжалостно сводит на-нет эту последнюю надежду.

Корректор здесь не при чем. И лавры изобретательного словотворчества несомненно увенчают Руднева-Разина, автора небезызвестной книжки «Комсомол в изображении белогвардейцев»¹, столь расхваленную некоторыми органами комсомольской печати.

Действительно, есть за что похвалить. Чего стоит лишь фраза: «Подлеповатые глазенки заграничных меньшевиков собственноразлично зрят». (Стр. 20).

Автору нельзя отказать в юморе. Сказать, да еще про меньшевиков — «собственнолазно», ведь если на то пошло, любой пионер «укоризненно» заметит: — «не собственнолазно, а глазами капитала меньшевики зрят!».

Манера письма Руднева-Разина расшифровывается фразой: «Физкультурничающие крепкой веревкой по своим медным позвонкам» (стр. 23) — вот откровенный намек на «лавры», которыми следует наградить автора.

Дорогой товарищ, это, конечно, я понял теперь, но когда я трудился над расшифровкой произведения Руднева-Разина, меня взяло сомнение: — «Может быть, я ни бельмеса не понимаю и винить следует лишь себя, и хотя активист, но до популярной комсомольской литературы не дорос», — и, скрепя сердце, я перешел на чтение книг, предназначенных для пионеров. Пионеры — еще невинные детишки, не искушенные в извращениях русского языка. И автор у них, должно быть, сдобольный, чувствительный, говорит он этак ласкательно и умильно:

— Серпочек, молоточек.

Но как комсомольцу, все же захотелось прочесть о комсомоле. Вот уж, наверно, написано просто, без выкрутасов, и какая ясность мысли (заранее предвкушал я эти прелести)...

Нашел я такого «папашу», беседующего «у костра» с пионерами. Популярный «папаша» — Л. Колесников, и добрый, не оставил пионеров без внимания: о «VII съезде»² пионерам в беседе рассказал.

А замечательный рассказчик, с пафосом говорит, «возвышенно и чудно»:

«В его (т.е. комсомола — прозаическое примечание Г. К.) огромной домне должна плавиться богатая превосходным металлом руда молодежи в большевистскую, ленинскую, закаленную сталь».

Стиль-то каков — Леонардо Грозовый со своим нашумевшим «Железным гигантством» в сравнении с Колесниковым просто сморчок.

Но каюсь, от высот «штиля» сначала захватывает дух, а потом (болезнь у человека) мутит сознание и начинает поташнивать.

Довлет над нами житейская проза. Ведь до чего красиво написано. А тебе непременно лезут в голову глупые мысли: что домна плавит чугун, а не сталь; что плавка и закалка вовсе не одно и то же; что сталь закаляется вовсе не в домне, а в «бессемеровской» печи или в «мартене».

Видно, не доросли мы до «образов». Вечно эта житейская проза журналистики свинью подкладывает. По сердечной простоте своей, жаль мне журналистов, не со зла, они «красоту поддущают». Вот

¹ Из-во «Молодая Гвардия», 1926 г.

² «Беседы у костра» Из-во «Молодая Гвардия», 1926 г.

захотели ребята Л. Тубельский и П. Рыжей узбекской девушке трудовой комплимент сказать. Мимоходом в книжке «Десять дней комсомольского съезда»¹ черкнули: «И днем и ночью (узбекская девушка. Г. К.) за сучением войлока»... А подняли на смех: все войлок валяют из шерсти, а «узбекская девушка Тубельского и Рыжего его сучит».

Ох, уж этот читатель — придиричив, слова вольного не скажи... Захотел некто Тур утвердить «рабоче-крестьянское» происхождение всесоюзного старосты Михаила Ивановича Калининна и заявил для сведения «Готского альманаха», что в пору «золотого детства» Михаил Иванович «спал с телятами в обнимку на палатках», и оказался сам же Тур в положении... телячьем. И так во всем. Большой скептик этот читатель, красоты образа не понимает.

Но, дорогой товарищ, поверьте мне, неправда это: читатель вовсе не чужд восприятия красоты слога, изящества стиля или мощных взмахов богатой фантазии. Но какая же красота, спрошу я вас, в образах Колесникова или Руднева-Разина, в стиле Мальцева или в убогом фантазерстве Тура. Это просто словоблудие, заумная краснота — «бряцальны словенты», прикрывающие собой опустошенность, никчемность и безграмотность содержания. У нас в ячейке попросту это зовется «трепатней».

Не красота, а «красивость» претит читателю, — трепатня на бумаге. А многие ли, скажите откровенно, этой красивостью не грешат?

V

Бумага все терпит. Терпит, хотя этого уже ни в коем случае терпеть нельзя, и явную политическую неграмотность некоторых авторов. А ведь всякая политическая книжка должна учить наше молодое поколение, как мне кажется, не игре в бирюльки, а политической борьбе. Но скажите на милость, как же, как не игрой в бирюльки, можно назвать «труд» А. Иркутова «Ильич и пионеры»².

Оставим на совести автора попытку подвести Ленина под пять законов и обычаев пионеров. С такой же легкостью Иркутов расправляется с любым политическим вопросом. Для Иркутова все «очень просто и ясно». Говорит ли он о 2-м съезде партии, о расколе большевиков и меньшевиков, — он не затруднит читателя сложным объяснением: потому раскол и произошел, что «*меньшевики предлагали считать членом партии всякого (!), кто себя называет социал-демократом*».

Говорит ли о крестьянстве, по Иркутову выходит, что «теперь крестьянство России, а за ним и *крестьянство всего мира*, знает, куда идти».

Бывает простота, которая хуже воровства. Вот как раз такая «простота» в сверх упрощенческих и сверх оптимистических изречениях Иркутова. Такой метод разъяснения политических вопросов для пионеров кроется или в политической безграмотности, или (хотя одно другого не исключает, скорее наоборот) в нарочитом упрощенчестве, смахивающем на ханжеский и мещанский метод воспитания детей и юношества, известный под именем метода «анста».

Бывало, любопытный ребенок спросит: «Откуда взялся братец?»

¹ Госиздат.

² Из-во «Прибой».

А добродетельный буржуа-папаша, только что возвратившийся из публичного дома, обычно отвечал: — «Его аист принес».

Мне кажется, этот «аист» вновь свивает себе гнездо в политической популярной литературе.¹

«Аист», скромно скрывшись за псевдонимом того или иного журналиста-популяризатора, приносит пионерам (и не только пионерам) книжки в роде «Ильич и пионеры» Иркутова.

Любознательный пионер хочет узнать, например, о жизни Ленина, и «аист-всезнайка» рассказывает:

— Ильич аккуратно выполнял пять законов и обычаев пионеров.

— А кто такие меньшевики?

— Всякий, кто себя называет социал-демократом.

— А как с крестьянством?

— О, «крестьянство всего мира знает куда идти», — аист дает исчерпывающее представление о политической борьбе и политической обстановке.

Дорогой товарищ, я к вам обращаюсь с призывом выбросить лозунг: «Долой аиста из популярной политической литературы». Ведь нам надо воспитывать политических борцов, трезво осознающих политическую обстановку во всей ее сложности и многообразии, а не... Иркутовых — советизированных аистов.

Аистам нужно ощипать перья.

Но не только им, есть и другие птицы, которых следует тоже поклевать.

Крайности сходятся. В той же пионерской литературе блаженствуют литераторы из совсем другой породы птиц — это «каплуны»² мысли; они усвоили все качества этой глубокомысленной птицы. Взгляды их на пионердвижение глубоки и сложны — «овсяной тайной полны».

Их паспорт «опубликован» в книжке Н. Миронова «Из истории детского движения»³.

Там приведена следующая «формулировочка»: «*Детское движение, как явление, вскрывает детские группировки, возникающие на фоне социально-экономических отношений общества, отражая моменты, а последнее таким образом и обуславливает детское движение*» (!!!?!).

В известной поэме Иосифа Уткина «Повесть о Рыжем Мотеле» так описан кошмар погрома:

«Трудно сказать про омут,

Но омут стоит у рта,—

Всего только два погрома,

И Мотеле стал сирота».

Немного больше надо литературных «перлов», в роде приведенной убийственной «формулировочки», чтобы любая книга «осиротела», осталась без читателя.

Увы, каплуны расплодились чрезмерно. Своей «абракадаброй» они гипнозируют и издателя и на первых порах читателя, попадающего в положение гоголевского Петрушки, зачарованного тем, что вот-де «из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз, черт знает, что и значит».

¹ Конечно, не только в политической, но и во всякой другой.

² Каплун — кастрированный петух.

³ Из-во «Юный Ленинец», Харьков, 1926 г.

Петрушек у нас еще ой как много, оттого и кашпуну кое-где в почете и сльвут за «мужей большой учености».

Правда, «их ученость» может довести самого что ни на есть твердокаменного комсомольца до упадочничества и... самоубийства, и от «плодов» их учености мрут на лету мухи, но все это лишь к вящей славе кашпунов, которым «море по колено».

Но, дорогой товарищ, разве вы-то не замечаете, что униженный вконец читатель в страхе и смятии бежит — не от кашпунов (ночью все кошки серы), а от всякой политической книжки, чему печальный пример практика многих школ политграмоты, где кашпуну в особенности забрали большую силу...

VI

Семейка кашпунов и аистов вправе обидеться, ежели мы, говоря о «вредителях» комсомольской книжки, не помянем «тихим словом» их не столь дальних родственников, правда, не носящих никакой птичьей клички, но, вероятно, всего лишь потому, что любая «зоологическая» кличка навряд ли более пристанет к ним, чем то имя, которым они сами себя нарекли, а именно — компилятор.

Компилятор это особый тип «журналиста», появившийся за последнее время, с исключительными свойствами: маскироваться, быть совершенно неприметным для чужого глаза, а когда нужно неожиданно блеснуть на книжном горизонте, но столь же неожиданно и быстро улечуться, оставив лишь после себя... безграничную серию «компилятивных трудов».

Меня даже одолевает сомнение: существует ли компилятор, как некая человеческая разновидность, физически в природе. Порой кажется, что нет, что это просто навождение.

Компилятор совершенно неуловим, он не имеет своего «я», у него нет личного имени, имя ему заменяет авторитетнейший псевдоним, состоящий из фамилий, которыми гордится Советская страна. И, прикрываясь этим авторитетнейшим псевдонимом, компилятор берет ценнейшие произведения эпохи, творит над ними безжалостный суд и расправу. Все это в целях «благороднейших» и значительнейших — «приблизить произведение эпохи к пониманию широких многомиллионных масс». И компилятор во всеоружии ножниц и клея разрывает на части словесные ткани произведения, производит «харакири» над идейным его содержанием и с логикой лотерейного колеса, и гениальными способностями проникновения столярного клея в сущность производимого им действия, — соединяет в новое «целое» обезображенные обрубки прежнего и преподносит это массам, как особо полезную, диетическую, легко-перевариваемую литературную кашку.

Правда, от этой «кашицы» у читателя происходит отравление не только желудка, но и мозгов и всего организма; правда, к содеянному компилятором в конце концов не может остаться равнодушным угольно-процессуальный кодекс и наверно любезно откликнется какой-нибудь достойной «статьей».

Компилятор даже горд собой, тщеславие его удовлетворено, как говорится, на все сто процентов. Компилятор рассуждает так:

— Да, авторы произведений эпохи гениальны, спору нет, но не кто иной, как я, властен над ими (ними); только из-под моей руки они выйдут такими, чтобы стать «доступными» широ-

ким массам, чтобы стать «достоянием» масс. Ведь мне только одному понятен «дух масс» и известен их «культурный уровень». Не скажу, что я гений (скромничает компилятор), но от меня многое зависит.

К тому же у компилятора очень тонко развито чутье к «злободневным вопросам и актуальным проблемам», он нюхом угадывает, что «волнует» и каковы «запросы» в настоящий момент.

И при помощи только ножниц и клея компилятор моментально преподносит читателю бесчисленное множество сногсшибательных компиляций, в роде:

— В. Плеханов о половом вопросе в литературе (в связи с «Луной с правой стороны», «Собачьим переулком» и т. д.).

— Карл Маркс об упадочничестве. (Ответ на есенинщину).

— Карл Либкнехт о пролетарском туризме.

— Роза Люксембург о хулиганстве... И компилятора не остановить, он все «приобщает», «приобщает» и «приобщает» бедного читателя к новым и новым компиляциям.

А увлеченный компилятор, твердо веруя, что «читатель не свинья — все съест», нагнетает вконец и, уж совсем распоясавшись, несколько не стесняясь, бесцеремонно запускает свою лапу в любую книжную сокровищницу, берет оттуда все, что заблагорассудится и понравится, и «ничтоже сумняшеся», выдает за свое, и на чужой книге бесстыдно ставит свою фамилию, несколько не задумываясь над тем, что совершает плагиат...

Дорогой товарищ, вам все это может показаться «несколько преувеличенным», вы, может быть, упрекнете меня в некоем «демагогическом паникерстве», и я, право, был бы рад принять на себя даже такую тяжелую вину, если бы в самом деле это было не так. Но, к сожалению, это «так». Мне кажется, о компилятивных искажениях, даже произведений тов. Ленина, не мало мог бы поведать Институт Ленина, — что уж говорить о произведениях других писателей и мыслителей!..

Показательным примером явного плагиата, до которого докатываются «компиляторы», может служить книга А. Кирова «Очерки по истории ВЛКСМ». ¹ Отзыв о ней был своевременно напечатан в «Юном Коммунисте». Путем сопоставления цитат было доказано, что сей «уважаемый летописец» умудрился выдать за свое то, что принадлежит перу чуть ли не 10-ти комсомольских авторов: Балабанова, Пажиткова, Зайцева, Волошина, Булаха, Шацкина и др. Нечего сказать, своеобразный «режим экономии»: вместо 10 имен на обложке одно краткое, но выразительное — «А. Киров». Отныне Хлестаков своего право на бессмертие лишился, уступив место Кирову, который имеет куда больше основания сказать: «Все то, что было под именем «барона Брамбеуса», «Фрегат Надежды», «Московский Телеграф» — все это написал я».

Дорогой товарищ, конечно, от веряшливости или просто неграмотности до плагиата расстояние очень большое; меж плагиатом и пропущенной запятой — громадная качественная разница, но слеп тот, кто не видит, что то и другое лишь «звенья одной цепи».

Ибо то и другое имеют общие корни. Корни эти: в безответственности за свою работу, «в внутренней разнузданности», в неумении работать над собой, в остатках обломовщины, интеллигентского самомнения... ² словом, в том «рабском историческом прошлом

¹ Издательство «Пролетарий» 1926 г.

² Н. Бухарин — «Злые замечки».

еще живущем в нас». И чтобы преодолеть его, нам нужна перво-на-перво беспощадная трезвая критика. Но скажу прямо — такой комсомольской критики я не вижу.

VII

К голосу комсомольской критики я чутко прислушивался, навивно воображая, что вот-де она (критика) наставит меня на путь истинный и поможет найти правильную дорогу в книжных дебрях. Слово критики было для меня законом, как ни стыдно в этом признаться. Помню, я неоднократно, сломя голову бежал доставать расхваленную критикой книгу. Но книжки в роде брошюры Руднева-Разина, о которой я уже вам написал, убедили меня, что не всякой критике надо верить. И тогда во мне разыграл «дух противоречия»: перестав верить в положительные отзывы критики, я понадеялся на ее отрицательные отзывы, воспринимая их, как говорят в Одессе, «немножко наоборот», и тем более у меня было основания к этому: отрицательная рецензия, по сравнению с положительной, обычно бывает куда интересней и увлекательней.

Но и от этого получилось мало толку. Я на критику махнул рукой, решив положиться на свой страх и риск.

Тем более, что я не встретил ни одной критической заметки (как правило), которая хотя бы старалась доказать читателю, что такая книжка вредна и бесполезна (поэтому и поэтому), а такая вот — хороша (потому-то и потому-то). Наша критика бездоказательна, это просто выражение мнения — нравится или не нравится: по субъективным причинам то или иное произведение, тому или иному журналисту.

Дорогой товарищ, читатель из чувства самоохранения проходит мимо такой критики — ибо «раз солгал, кто тебе поверит?». На смену «такой критике» уже идет (и это отрадно отметить) новая здоровая читательская критика. Вот к ее голосу я бы очень хотел, чтобы вы прислушались, и более внимательно, более чутко, чем это было до сих пор.

VIII

Дорогой товарищ, вы меня не посчитали бы читателем-другом (и вполне правильно), ежели бы я, кроме обвинений, брошенных по вашему адресу, прямо или косвенно не указал бы на те причины, которые, по моему мнению, служат «корнем зла» и порождают те отрицательные явления, на которые я обратил ваше внимание в этом письме.

Мне кажется, «корень зла» — в «богеме», охватившей значительные прослойки комсомольской журналистики.

Мне трудно подобрать точное выражение вкладываемого в слово «богема» содержания, но по-моему, это отнюдь не означает — беспробудные кутежи, шатания по кабакам, есенинские настроения. В этом смысле слово «богема» ни в коей мере не подходило бы для определения болезненных явлений, имеющих место в комсомольской журналистике. В том-то и дело, что под «богемой» нужно подразумевать сумму явлений более широкого социального охвата и значимости. И в отношении комсомольской журналистики «богема» означает: отрыв от класса, отрыв от общественности, замыкание в кастовую группочку, с отличными от всего класса,

всей партии, всего комсомола настроениями, корпоративной платформой, с культом журналистского чванства и жречества.

В чем же конкретно «богема» проявляется?

Она — в «наплевиистском» отношении к читателю.

Она — в неряшливом и беспечном отношении к письму («всегда диктую стенографистке»).

Она — в отвратительном хлестаковском всезнайстве («войлок сучат»).

Она — в любви к «бряцальным словентам» — в словесной трепатне.

Она — в культе косноязычия («грамматика — это предрассудки»).

Она — в жречестве, в манере «изрекать истины», в самовлюблении: — дескать, мы — соль земли русской.

Вот такого сорта богомные настроения проникают в комсомольскую журналистику. И нетрудно вовсе догадаться, откуда дует ветер.

Ленин говорил: «Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела», «колесиком и винтиком» единого великого... механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса... Для пролетариата литературное дело... не может быть индивидуальным делом, независимым от общего пролетарского дела».

И если бы вы меня спросили, чего в основном нехватает комсомольской журналистике, я бы ответил, — партийности. Партийности в том широком смысле слова, которое придавал ему тов. Ленин.

Не мнить себя «жрецом», а быть «колесиком и винтиком», работающим ладно и бесперебойно в такт размеренному ходу пролетарского механизма, включить свою энергию в мощный ток сознательного класса, — в этом вся задача комсомольского журналиста. И в таком деле комсомольскому журналисту пример, конечно, не буржуазные журналисты, едко высмеянные писателем Щедриным, как журналисты-«пенкосниматели», «легковесные» и «вешномышье родства», а пролетарский журналист такой складки, как Франц Меринг, редактировавший в свое время две большие социал-демократические газеты: «Лейпциге Фолькспартей», ежедневную, и «Нейе Цейтунг», еженедельную. Нагрузка у Меринга была куда побольше комсомольской, но Меринг неустанно говорил:

— Если ты три часа в день не будешь читать, то через несколько лет станешь пустым зубоскалом журналистом. Если хочешь быть журналистом социал-демократом, помни — надо учиться до последнего момента¹.

Меринг — один из культурнейших людей довоенной Европы, действительно следовал этому правилу: учиться до последнего момента. И тем более надо нам ему следовать, ведь нам надо «учиться, учиться и учиться».

Всего хорошего, дорогой товарищ. Не сердись на меня за допущенные, может быть, в письме «терминологические» излишества.

Ведь пишет тебе читатель-друг, которому больно.

¹ Цитирую по статье К. Радека „Больные вопросы печати“, „Журналист“ № 1.

Важнейший инструмент работы в массах

Мы переживаем такую полосу развития работы союза, когда эта работа целиком подчинена центральной и важнейшей задаче — вовлечению молодежи в социалистическое строительство.

Эта задача ставит союз перед большими испытаниями.

Сумеет ли союз мобилизовать силы молодежи для строительства социализма? Сможем ли мы превратить каждого молодого рабочего в сознательного и активного участника социалистического строительства? Сможем ли мы превратить молодого крестьянина в сознательную частицу той силы, которая поведет деревню по социалистическому пути?

Этим центральным проблемам подчинена вся работа союза.

Сможем ли? Конечно, сможем. Союз в этом уверен. Но нельзя эту уверенность превращать в чрезмерную самоуверенность.

Надо трезво оценивать трудности, их изучать и их преодолевать.

За мобилизацию внимания широчайших масс молодежи к определенным задачам союз берется не в первый раз.

Классический пример такой мобилизации представляет собой участие союза в гражданской войне.

Однако, нельзя сравнить возможности разрешения теперешних наших задач с разрешением задачи участия молодежи в гражданской войне. Мы тогда сравнительно легко сумели мобилизовать и приковать внимание молодежи к вопросам защиты революции. Молодежь героически сражалась. В то время мобилизацию внимания и сил молодежи было производить сравнительно легко. Тогда была проще обстановка, понятнее цель. Эта цель была ближе и легко прощупывалась классовыми инстинктами рабочей молодежи.

Не то сейчас. Сейчас обстановка значительно усложнилась. Понимание этой сложности обстановки поможет нам избежать «простоцкого» подхода к разрешению задач, стоящих перед союзом в настоящее время.

В чем состоит это усложнение?

Кадры рабочей молодежи значительно пополнились «зеленой» молодежью, недавно пришедшей в производство, не участвовавшей в гражданской войне и не знающей капиталистической фабрики. Эта молодежь представляет собой огромнейшую глыбу сырья, которую нужно будет подвергнуть большой обработке влияниями социалистической фабрики и комсомольской школы. На арену выдвинулись, с еще невиданной яркостью, вопросы «личного и общественного». С большим трудом осознаются повседневные и будничные противоречия нэпа.

Из сложности уже не военной, а хозяйственной смычки рабочего класса и крестьянства вытекают трудности нашей работы среди крестьянской молодежи.

Из всей этой усложнившейся обстановки вытекает в такой же степени усложненная работа, путь которой более извилист. Эта работа потребует усложненных методов и сложных инструментов.

Одному из этих инструментов, очень важному и играющему большую роль в развитии указанной работы—комсомольской печати—посвящается настоящая статья.

**

Мы повторим тысячу раз повторенное и повторяемое многими сравнение Ленина печати с лесами строящегося здания:

«...Ее (печать) можно сравнить с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределить работу и обозреть общие результаты, достигнутые организованным трудом».

Мы повторяем это сравнение потому, что нет более простого, ясного и удивительно понятного объяснения значения и задач революционной печати. Но в этом объяснении не только простота, ясность и популярность. Приведенные здесь несколько ленинских строк, — наисерьезнейшая программа для печати, и не столь для печати, сколько для строителей ее.

А наша комсомольская печать? Можно ли к ней приписать это значение? Не только можно, но и нужно.

Разве усложнившаяся и переводимая на новые рельсы комсомольская работа не нуждается в вспомогательном орудии? Нуждается, и даже очень. Возьмем только один вопрос: Как сейчас работать? Какие методы наиболее пригодны? Как сделать работу живой, интересной, содержательной? Это центральный вопрос для нас, работающих в период творчества и искания нужных союзов форм работы.

Тов. Мильчаков на одном из пленумов МК, хорошо ответил на этот вопрос:

«К нам часто подходят с вопросом: Как работать?»

Союзные работники ломают голову и ищут сногсшибательного ответа на этот вопрос. Смешное положение. Люди ждут, а актив сосредоточенно и торжественно думает над вопросом о том, как работать, а потом будто бы даст рецепт, и наступит благоденствие.

Как же работать? Собираем низового опыта, передачей его от ячейки к ячейке. Показывайте достижения, светлое в нашей работе. Прокладывайте от ячейки к ячейке «тропинки» передачи опыта».

Нам кажется, что вот этими «тропинками» могут явиться столбцы наших газет и журналов. Газета, собирающая низовой опыт, показывающая достижения в работе и передающая его туда, куда она проникает — такая газета ценнейшее орудие в руках союза.

«Комсомольская Правда», например, обнародовала крупнейший и ценнейший опыт низовой работы. Может быть, в меньших размерах, но этот же материал принесли союзу и другие наши газеты, широкой сетью раскинутые в провинции. В этом отношении газеты оправдали себя, по-ленински разрешив свою задачу. Фактом своего существования и своим содержательным и ценным материалом газеты облегчили сношения между отдельными ячейками, между отдельными «строителями» — творцами новых жизненных форм работы и помогали им обозреть общие результаты.

Из того, что газеты фиксировали найденные и удачно примененные на практике формы работы, нельзя, конечно, прийти к выводу, что этим ограничивается роль комсомольской печати. Если бы это было действительно так, то наши газеты превратились в какое-то собрание некоторых, хотя и ценных, но скучных и казенных схем. Знаменательность роли комсомольской печати в переломный период союзной работы заключается в том, что, собирая опыт работы, описывая новые приемы работы, газеты делали их достоянием широких масс комсомольцев. Организуя вокруг задачи формирования по-новому нашей работы широкую рядовую комсомольскую массу, газеты являлись глашатаем этой задачи, толкачами и организаторами. Придумать какую-нибудь новую форму работы не так уж трудно. А вот организовать массу для работы по этой новой форме, создать условия для этой работы — дело значительно более трудное. Вот, например, придумали дело использования гармошки. Хорошее дело. Но потребовалось не мало усилий для популяризации этой формы, для пропагандирования ее качеств. Газеты пропагандировали эту новую форму работы, отстояли ее от нападков и проделали первые организационные мероприятия по привлечению внимания всего союза к этому новому начинанию (конкурсы гармонистов).

Еще один маленький пример. Донской Комитет ВЛКСМ вынес решение о создании групп молодежи по рационализации. Не будем вдаваться ни в оценку, ни в подробности истории этого решения. Вероятно, комитет послал в ячейки соответствующего качества и размера циркуляр. Но вот ростовская газета «Большевицкая Смена» 19-го мая пишет: «Пока что постановление, принятое 15 апреля, не дошло еще до ряда крупнейших комсомольских коллективов города». И так — есть решение, но решение, как видите, не дошло еще до крупнейших коллективов того города, в котором это решение выносилось. Новая форма, очень интересная, никому неизвестна. И никто не будет знать о ней, если за дело насаждения и популяризацию таких групп не возьмется газета.

Так и с каждым решением, с каждым начинанием, с каждым мероприятием. До тех пор, пока какое-либо начинание не станет достоянием широких масс молодежи, это начинание будет оставаться неким приложением к канцелярским столам наших комитетов.

Участвуем ли мы в борьбе с бюрократизмом, или думаем бросить силы молодежи на фронт рационализации производства — во всех этих делах ожидать успеха можно только тогда, когда к нему приковано внимание широкой массы молодежи, когда в осуществление этих дел массы максимально втянуты. Сплотить массы вокруг тех или иных задач, организовать их для осуществления этих задач союз сможет только тогда, когда им достаточно и в полной мере будет использован важнейший инструмент влияния и воздействия на массы молодежи — комсомольская печать. Но и это не все. Печать не только популяризирует готовые решения, она сплачивает и организует массы не только вокруг уже подготовленных комитетами решений. Печать выдвигает новые вопросы, используя свои неограниченные связи с массами (юнкоровское движение). Печать является тем «недремлющим оком» союза, который своевременно улавливает малейшие изменения в настроениях молодежи. Печать помогает союзу видеть подлинную жизнь молодежи. С помощью печати союз имеет возможность своевременно получать сигналы о необходимости нажать на том или ином участке своей работы. Печать

рисует карикатуры, в одной из которых газета изобразила Вдовича через печать союз сможет довести до конца успешно начатую идейную мобилизацию, овладение кадров союза ленинским учением.

А интернациональное воспитание? Подготовка из молодежи идейных и практических носителей задач мировой революции? Можно ли вести эту работу без печати, которая постановкой своей международной информации помогает молодежи освоиться в международной обстановке, в условиях международного рабочего движения?

**

Итак, комсомольская печать в руках союза является важнейшим инструментом работы в массах, инструментом воздействия на эти массы, их организации и мобилизации для разрешения конкретных практических задач. Сейчас, когда в центре внимания всего союза стоит задача мобилизации широких масс молодежи для дела социалистического строительства, когда эта задача становится стержнем, вокруг которого вертится вся наша союзная работа — значение комсомольской печати в общей системе этой работы неизмеримо возрастает. Это значение печати должно быть выяснено нашим комсомольским активом.

Но действительно ли велико значение этих сереньких бумажных листиков, перепачканных краской типографских букв? Будем аргументировать фактами. Летом 1925 года закрылось сразу 28 газет. Закрылись они, конечно, не потому, что жаркие лучи июльского солнца будто бы растопили нашу союзную газетную сеть. Кто-то ахал. Кто-то удивлялся. Но вот те, для кого существовали эти газеты, широкие массы рабочей и крестьянской молодежи, почему-то даже не заметили этого происшествия. Можно было, конечно, удивляться такой неучливости и равнодушию тех, кому наши «покойнички» предназначались. Но вот в этом-то равнодушии и была причина их смерти. «Покойнички» при жизни были очень хилы, неинтересны. «Нутро» их было нежизненно. Газеты закрылись тогда потому, что не удовлетворяли запросов своих читателей. Лето 1925 г. было периодом кризиса союзной печати, из которого она выжила очень недавно.

Лето 1926 г. мы прожили уже без урона. Это лучший показатель того, что газетная сеть союза выправилась, стала более устойчивой, жизненной. Как этого достигли? Двумя основными болезнями была одержима в то время наша союзная печать. Она была не массова и, кроме того, она страдала недугом «узкой комсомольщины». Печать свое содержание ориентировала главным образом на актив, помещая всякого вида инструкции и видоизмененные циркуляры. Конечно, такой материал не мог заинтересовать широкую массу молодежи. Эти болезни печати союз стал энергично лечить. Сейчас газеты стали более интересными. Они прощупали своего читателя в широкой массе беспартийной молодежи. В этом несомненное достижение комсомольских газет. Приблизив свое содержание к уровню и интересам широчайшей массы рабочей и крестьянской молодежи, комсомольская печать усилила свою политическую роль. Печать стала обсуждать злободневные вопросы, волнующие молодежь. — этим она стала в ряд боевых политических органов партии и союза, органов партийного и пролетарского воздействия на массы. Всем, конечно, хорошо известно, какую огромную роль сыграла газета «Смена» в борьбе с партийной и комс-

мольской оппозицией в Ленинграде, в оздоровлении этой важнейшей организации союза. Газеты стали активно проводить каждую политическую кампанию. Если, например, раньше в кампанию перевыборов советов газеты давали только инструктирующий материал для нашего актива, то сейчас газеты, ориентируясь на широкие массы молодежи, пропагандируют значение перевыборов, организуют молодежь для участия в перевыборах, организуют сознание молодежи в сторону необходимости борьбы с пролезавшими в советы кулаками или их прихлебателями. Газеты пропагандируют пункты коммунистического наказа депутатам и отстаивают пункты, отвечающие интересам молодежи. Вместе с тем газеты откликаются на все волнующие молодежь вопросы.

Вот, например, жгучий и волнующий крестьянскую молодежь вопрос, проистекающий из ревности крестьянства к пролетариату, — кто дороже, крестьянин или рабочий? Раньше газеты этого вопроса не коснулись бы, а если бы и коснулись, то в виде сухой и академичной статьи. Теперь газеты не боятся обсуждать его и переносят его на обсуждение многотысячной аудитории.

Газета (в данном случае «Молодая Деревня» — Новосибирск) помещает письмо по этому вопросу своего юнселькора Вдовина. Газета не стесняется того, что Вдовин пропагандирует определенно чуждые нам мысли. Она помещает его письмо, ибо оно отражает настроение некоторой части крестьянской молодежи. Крупными буквами, чтобы привлечь внимание самого, что ни на есть, рассеянного читателя, она пишет:

«Вдовин говорит: *крестьянин дороже рабочего, так ли это?* Юнселькоры отвечают: *почему Иванов перестал пахать деревянной согой? Рабочий и крестьянин это две ноги Советского союза.*»

«Молодая Деревня» из номера в номер помещает письма юнселькоров, обобщает их, дает свои ответы, пишет популярные на эту тему статьи. Вместе с тем она пользуется и методами художественного воздействия: помещает частушки, очерки и рассказы, рисует карикатуры, в одной из которых газета изобразила Вдовина голым и пашущим землю деревянным суком. (Газета этим дала понять, что было бы с Вдовиным, если бы не было у нас промышленности и рабочих). Просто, понятно и весело.

Вот и сравните этот пример с многочисленными примерами обсуждения этого вопроса на наших деревенских ячейках с политически-неграмотными докладчиками.

Этот пример не исчерпывает всех вопросов, выдвинутых газетами и обсужденных читателем. Ленинградская газета «Смена» обсуждает не менее интересный для молодежи вопрос «о цене человека». Этот вопрос она выдвинула на основании учета настроений молодежи и подняла большую кампанию за чуткость и товарищеское отношение в комсомольской среде. А вопросы, связанные с упадочническими настроениями — есенинщиной?.. Только пользуясь таким мощным орудием, каким является печать, союз смог дать решительный залп по этому сугубо вредному явлению.

Зарплата, безработица, перенаселение в деревне — все эти жгучие вопросы получали и получают нужное освещение на страницах наших газет. Эти примеры касаются общих вопросов. Но ведь было великое множество вопросов, чисто местных, выловленных газетами из настроений молодежи и широко обсужденных. Иллюстрацией к этому последнему своему утверждению мы приведем кампанию, проведенную свердловской газетой «На смену» на тему — «место девушки в горной промышленности».

Вопрос этот, рожденный заметкой юнкорки, подхваченный газетой, был широко обсужден, и это обсуждение принесло немалую пользу. Во всяком случае, некоторый удар по неправильному отношению рабочих к работе девушек в горной промышленности был нанесен.

Вот из этих примеров, которых много и которые касаются разнообразных политических вопросов, выдвинутых и обсужденных нашими газетами, — из этих примеров видна растущая политическая роль комсомольских газет, которая к настоящему времени, в связи с успешным проведением важнейших политических и хозяйственных кампаний последнего времени, еще более усилилась.

Поднялась и организующая роль газеты, повысилась ее удельный вес в общей системе союзной работы. Вот, например, газеты ведут агрономическую пропаганду. В этом случае они не ограничиваются статьями агронома, рассказывающими о том или ином способе обработки земли или возделывания той или иной с.-х. культуры. Газеты, кроме этого, настойчиво рекомендуют своим читателям провести в жизнь этот агрономический совет. Газеты становятся во главе того или иного практического начинания в сельском хозяйстве. Например, «Молодая Деревня» (Псков) стоит во главе целого движения за поднятие и развитие на новых началах львоводства своей губернии. «Юный Товарищ» (Смоленск) пестует корнеплодников. «Чырвоная Зьмена» (Минск) поднимает и организует молодежь на борьбу с болотами. Многие наши газеты, в целях развития в своей губернии той или иной с.-х. культуры, не ограничиваются только пропагандистскими статьями. Подписчики этих газет получают от редакции небольшие посылки семян этой культуры, с наставлениями, как с этими семенами обращаться. По истечении известного и необходимого вегетационного периода — подписчики освещают в своей газете свои достижения в этом направлении. Юнскоры наших газет повсеместно производят опыты, по заданиям с.-х. лаборатории «Бедноты».

Эта организующая роль газет лучше всего видна из той организационно-массовой работы, которую сейчас ведут большинство наших газет. Газеты созывают различные совещания по разнообразнейшим вопросам — молодых работников прилавка, фотолюбителей, туристов, руководителей политехкол, научно-технических ружков на предприятиях и т. д., и т. п. Брянская газета «Путь молодежи» проводит смотр завода «Профинтерн». В этом факте смотра целого завода лучше всего видна роль газет, как организаторов участия молодежи в деле рационализации производства. Только за две недели смотра газета «Путь молодежи» получила от рабочей молодежи этого завода тысячу пятьсот производственных предложений. В этом примере можно найти определенные доказательства того, что союз через свою печать, пользуясь этим ценнейшим орудием, может приобрести широкие массы молодежи к социалистическому строительству.

Такова наша печать, такова ее многогранная роль. Но это значение печати не помешало «Комсомольской Правде» в одной из передовых статей заявить, что «нельзя сказать, чтобы фронт печати пользовался у нас в комсомоле большим вниманием. Этот фронт один из наиболее забытых». Горькая истина.

В практической деятельности, редакции наших газет частенько сталкиваются с исключительно чудовищным невниманием к вопро-

сам печати, укрепившимся в среде нашего актива. На печать у нас нередко смотрят, как на что-то иногда занимательное и интересное, но в общем второстепенное и неважное. Результаты этого невнимания везде и всюду ощущаются. И прежде всего они чувствуются на распространении наших газет. Тираж наших газет едва достиг 500.000 экз. Это на весь комсомол, в котором два миллиона членов. Это на всю молодежь, которой больше 20 миллионов. Такая слабая распространенность наших комсомольских газет имеет много причин. Но одна из них — невнимание к ним нашего актива, слабость участия актива в распространении газет.

Актив недооценивает нашу печать. Он не рассмотрел в ней могучего орудия его работы в массах. На печати, на ее распространенности сильно отражается медленность темпа изживания союзом старых форм и методов работы. Мы еще повсеместно сталкиваемся с такими активистами, которые еще не научились пользоваться газетой, как методом работы в массах. В среде такого актива — циркуляр важнее и привычнее. То обстоятельство, что мы еще не изжили целиком казенных и чиновничьих методов работы болезненно отражается в нашей печати. Ведь неспроста наши инструктора, обследующие ячейку или какую либо организацию, вовсе не интересуются тем, насколько в районе действия этой организации распространены газеты. А ведь распространенность газеты можно определить степень глубины влияния той или иной ячейки в массах молодежи, эту ячейку окружающих.

Внимательно рассматривая отчеты комитетов на различных конференциях, мы в них не нашли хоть сколько-нибудь заметного отражения вопросов печати. О чем хочешь, но только не о печати. Мы подошли к тому периоду, когда успех выполнения любой важнейшей задачи зависит главным образом от того, насколько в дело выполнения этой задачи будут втянуты массы молодежи. Это актив великолепно понимает. Но то, что втянуть эти массы нам не удастся без печати, без использования этого важнейшего орудия — это еще не понятно.

Художники, рисующие портрет нашего комсомольского бюрократа не дорисовывают его. Они упускают еще одну черту — отношение бюрократа к вопросам использования печати.

Действительно, исключительно чудовищное непонимание частью нашего актива значения нашей печати — это не что иное, как одна из форм бюрократизма в союзе.

Но, скажут нам, вы расписали достижения и достоинства печати, а совсем забыли о недостатках. Ведь, они есть, и они тоже влияют на слабую распространенность нашей печати в массах молодежи. Совершенно верно. Недостатков много, но они не исключают важности значения печати. Эти недостатки надо лечить, и мы их вылечим, но при поддержке всего актива. Нужно принять во внимание, что большинство наших газет — это «однолошадные хозяйства». Работников печати у нас слишком мало. Имеющиеся — недостаточно квалифицированы, еще только обучаются газетному ремеслу. Этому кадру работников нужна поддержка.

Главнейшим недостатком наших газет мы считаем не совсем достаточную постановку дела связи с массами, дела своевременного улавливания малейших изменений в настроениях широких масс молодежи для быстрого реагирования на них. Этот недостаток мы сможем устранить только тогда, когда печати поможет актив, который в такой же степени в этом заинтересован.

Вместе с тем нужно обеспечить наши газеты партийным руководством и действительно реальным руководством комитетов. В сложной политической обстановке, которую мы переживаем, политические ошибки не могут нами допускаться. Аппараты наших редакций слабы, им нужна помощь, им нужно руководство, и только при наличии реального политического руководства нашими газетами, можно быть спокойными за то, что этих политических ошибок газеты не допустят. Следовательно, нужно позаботиться о связи комитетов с редакциями, о максимальном приближении редакции к работе комитетов.

Рядом с этим вопросом стоит вопрос о так называемых пределах критики. В разрешении этого вопроса нужно как можно меньше мудрствовать. Критика всегда допустима и нужна, если она является одним из методов разрешения той или иной задачи, вставшей перед союзом; если она в существе своем и в целевой установке содержит нужное союзу и здоровое начало. Такая критика нужна, и как раз такой критикой занимается наша печать. Критика, в полном соответствии с правильной политической линией, взятой газетой, несколько не опасна, и даже сугубо полезна. Эту простую истину пора уже понять каждому. Но этот вопрос делается сложнее тогда, когда в него примешиваются всяческие личные моменты. Только этими моментами можно объяснить нападку некоторой части актива на наши газеты, широко применяющие метод критики, в виде разоблачения. Был ряд выступлений актива на съездах и конференциях с упреками газетам за резкое разоблачительство конкретных носителей того или иного «зла» в нашей союзной организации. Эти упреки чаще всего основываются на том, что, дескать, подрываете авторитет актива «и прочее и вообще»...

Упрекающие забывают самое главное — необходимость борьбы со «злом». Забывают, что успех этой борьбы может быть обеспечен только тогда, когда в эту борьбу втягиваются широкие массы членов организации, когда сама масса берется за критику носителей этого «зла». Газета должна явиться орудием критики масс и ее организатором. Газета может рассматриваться нами, как одно из выражений нашей внутрисююзной демократии, как ее проводник. Нападки на эту часть газетной деятельности, следовательно, являются нападками на принципы внутрисююзной демократии.

Нападающие на печать тянут ее на путь подхалимства, «молчалимства» и боязни остроты вопросов, встречающихся в нашей действительности.

Это приведет к тому, что печать из орудия борьбы за улучшение и оживление нашей работы превратится в тормаз этой борьбы. Этого надо бояться, с такими тенденциями нужно беспощадно бороться. Не ждать от печати угоднических, намасленных благодушьем, сердцепипательных материалов, а помогать печати, обеспечить ей политическое руководство, расчистить ей дорогу к широким массам молодежи, использовать ее неограниченные возможности влияния на массы, помочь ей мобилизовать массы для выполнения важнейших политических задач — вот обязанность, которая лежит на всем нашем активе, исполнения которой печать ждет с большим нетерпением.

Режим времени активиста

Уже с давних пор вопрос о рациональном использовании человеком своего времени в основном упирается в установление «трех восьмерок» (8 часов труда, 8 часов отдыха, 8 часов сна).

Организм человека является в высшей степени сложной, серьезной машиной, сугубо требующей рационального своего использования, отчего зависит и срок ее существования. В большей степени, чем к кому-либо, это относится к молодежи. Если в годы гражданской войны, когда все силы были устремлены к защите республики, молодежь не могла уделить этому вопросу слишком большого внимания, то теперь этот вопрос может и должен быть выдвинут во всей своей остроте и серьезности.

Ведь ни для кого не является секретом, что до сего времени комсомолец-активист в массе своей еще не приучился относиться строго и бережно к своему времени. Между тем, и здесь также требуется своего рода «режим экономии». Отсутствие этого должного «режима», когда в большинстве случаев полагающийся отдых заменяется каким-либо трудовым процессом, при полной перегруженности рабочего дня и при довольно частом отсутствии отдельного дня отдыха (воскресенья), приводит к тому, что только весьма незначительный процент активистов представляет собой совершенно здоровых физически людей. В большинстве же случаев отсутствие этого режима приводит к неврастению, малокровию, катарру легких и т. д. Проведенное в свое время обследование бюджета времени комсомольцев-активистов¹ показало, что только 21 чел. из 125 оказались совершенно здоровыми. Остальные — либо уже больны, либо готовы к заболеванию. Общий распорядок дня у этих товарищей определяется следующей таблицей:

Статьи времени	В среднем на одного товарища приходилось в октябре месяце 1925 г.	
	В будни	В праздн. дни (воскр.)
Труд	12 час. 17 мин.	8 час. 19 мин.
Отдых	3 час. 59 мин.	7 час. 18 мин.
Сон	7 час. 44 мин.	8 час. 23 мин.
	24 час. —	24 час. —

¹ См. „Труд, отдых, сон“. Изд. ЦК ВЛКСМ.

Из этой таблицы видно, что, к сожалению, ни одна из «восьмерок» активистом-комсомольцем не осуществлена. Если допустить, что в отношении сна положение обстоит более или менее благополучно, то в отношении труда и отдыха цифры показывают как раз обратное явление.

Весьма интересны также данные по воскресному дню. Оказывается, что этот «день отдыха» является лишь обычным более или менее нормальным рабочим днем — здесь почти все в норму — и труд, и отдых, и сон...

Говорить о какой-либо нормальности такого положения не приходится. Подобное использование актива благоприятных результатов дать не может. Активист, совершенно не имеющий дня отдыха, должен такой получить. Но достигнуть этого он может помимо соответствующих разгрузок еще и правильной организацией своего рабочего дня. Главнейшее место здесь занимает расход времени на выполнение возложенных на него обязанностей, так как в большинстве случаев от этого вида затраты времени зависят и весь день комсомольца-активиста. Остановимся на рассмотрении наиболее характерных данных по этой статье у работников губернского масштаба.

Последние, в среднем, на выполнение возложенных обязанностей расходуют 9 час. 19 мин., распределяющихся следующим образом: на работу в учреждении — 4 ч. 8 мин., работу на дому — 1 ч. 4 мин., служебные заседания — 2 ч. 32 мин., собрания — 1 ч. 8 мин., остальные заседания — 23 мин., руководство кружком — 9 мин. Таким образом, только четыре вида затрат отнимают наибольшее количество времени у работников губмасштаба: 1) работа в самом учреждении, 2) выполнение служебной работы на дому, 3) служебные заседания и 4) собрания. Из перечисленных затрат последние три вида безусловно требуют своего пересмотра и прежде всего в отношении заседаний. Обследование показало, что заседания бывают почти ежедневно, у работников губернского масштаба, при чем средняя продолжительность такого заседания равна 2 ч. 55 м. Ненормальность такого положения очевидна, и избежать ее можно только строгой регламентацией времени активиста.

Прежде всего число служебных заседаний без ущерба для работы могло бы быть легко сокращено до 3 в неделю со средней продолжительностью хотя бы в 2 ч. 30 мин.

Произведя соответствующий расчет, найдем, что в таком случае в среднем в каждый будний день на служебные заседания будет уходить взамен 2 ч. 32 мин. только 1 ч. 15 мин. Экономия следовательно, в 1 час. 15 мин. С другой стороны, обследование показало, что работник губмасштаба имеет по 3 различных собрания в неделю со средней продолжительностью в 2 ч. 25 мин. Нужно и можно сократить продолжительность собраний до 2 час., а количество их довести до двух в неделю. В таком случае на собрания в среднем будет уходить только 40 минут взамен 1 ч. 05 мин. Экономия в 23 минуты. Итого путем подобных мероприятий работник губмасштаба сэкономит около 1 ч. 38 минут ежедневно. Тем самым на выполнение возложенных обязанностей будет уходить взамен 9 ч. 19 мин. только 7 часов 41 минута. На этом также не следует останавливаться. Надо поставить вопрос о максимальном сокращении времени работы на дому, тем более, что тяжелые жилищные условия не благоприятствуют такой работе.

Итак, одним выходом из положения является сокращение количества служебных заседаний (совершенно ясно, что таковые

должны происходить только в служебные часы) и собраний вместе с сокращением выполнения служебных обязанностей на дому. Но было бы неверным искать выхода только в этом. Сам комсомолец-активист должен также взяться всерьез за правильную организацию своей работы.

Как мы видели, нагрузка комсомольца-активиста является тем злом, в котором приходится искать причину физического изнурения нашего комсомольского молодняка. Расход времени на трудовые затраты, превышающий какие-либо допустимые нормы, идущий исключительно за счет времени отдыха, требует своего пересмотра в сторону сокращения, в целях создания нормального, здорового режима, могущего обеспечить нам не только соответствующего работника-активиста, но и сохранить во что бы то ни стало его начинающее растраниваться здоровье.

«Именно этот здоровый режим создает здоровое, жизнерадостное настроение, уменьшает число неврастенников, нытиков, которые в 19—20 лет нуждаются в санаториях, продолжительном лечении, сходят с ума, кончают самоубийством, проявляют все признаки преждевременной старости». (Ярославский «Как сберечь силы молодежи» «Ю. К.» за 1925 г., № 7).

Борьба за здоровый режим, борьба за рациональное использование своего времени, борьба за регламентацию своего рабочего дня — эти задачи должны ежедневно напоминать комсомольцу-активисту об опасности, грозящей его здоровью. Об этом еще резче подчеркивают данные, показывающие нам, как нерационально использует активист свое время отдыха, уменьшенное и без того перегрузкой работой. На отдых, по приводимым нами выше сведениям, в среднем активист тратит в будний день 3 час. 59 мин. По отдельным статьям отдыха это время распределяется следующим образом: на туалет—37 мин., еду—1 ч. 21 мин., развлечения—1 ч. 19 м., бездеятельный отдых—35 мин., болезнь—7 минут.

Главное место в «отдыхе» занимает еда и развлечения. Оставимся несколько на еде комсомольца-активиста.

Вопрос о питании, о поддержании пищевой своей работоспособности вовсе не разрешается количеством времени, уходящем на этот вид затрат у того или иного товарища. Наличие в среднем израсходованных 1 ч. 21 м. на еду у активиста не позволяет еще делать выводов о качестве этого питания. Главное и существенное значение приобретает вопрос о том, как регулярно этот восстановительный процесс происходит, как регулярно, например, активист обедает, как регулярно время его обеда и т. п.

Было бы большим оптимизмом предполагать, что здесь все обстоит благополучно, и активист обедает ежедневно. Перегрузка работой, отсутствие здорового режима, о котором говорилось выше, вызывает в результате то положение, что активист не принимает ежедневно горячей пищи. И для этого у него нехватает времени! Обследование показало, что около 40 процентов работников из числа подвергнувшихся обследованию каждые 100 дней, 29—30 дней не принимают горячей пищи (обеда). С обедом, следовательно, обстоит гораздо хуже, чем можно было бы предполагать. Об этом также говорит и время обеда, которое у большинства обследованных товарищей скачет каждый день в совершенно различные стороны. Только 9 проц. работников показали, что они обедают более или менее постоянно в одно и то же время (будь то в 1 час. дня или 3 часа или 5 час. вечера) и т. д. Непостоянное, ненормальное (в смы-

сле времени) принятие пищи не должно иметь места среди работников комсомола. Борьба за это также должна стать задачей нашего активиста, если он действительно хочет быть здоровым и работоспособным.

В приводимых данных показано, что на втором месте в отдыхе активиста стоят развлечения. Анализ этих развлечений должен показать нам картину качества отдыха активиста. Разделяя развлечения на две группы, развлечения активные, «требующие значительных физических усилий или напряжения душевной деятельности» (Струмилин. «Бюджет русского рабочего»), и развлечения пассивные, — обследование показало, что существенное и главное значение для активиста играют развлечения пассивные. И это понятно. Будучи не в меру перегружен, активист испытывает в связи с этим значительное физическое переутомление. Последнее действует на качество его отдыха, который и проявляется в пассивных развлечениях, не требующих значительных физических усилий или напряжения душевной деятельности (беседа с товарищем, посещение кино, театра и т. д.). Преобладающее значение приобретает расход времени на зрелища. «Пойти в кинешку» является любимым занятием почти всех активистов в свободное время.

Среди активных развлечений наиболее распространенным является прогулка. После нее следуют шашки или шахматы. Последние постепенно завоевывают наш комсомольский актив. Однако, этого же нельзя сказать в отношении гимнастики. Весьма незначительный процент работников ею занимается — 7 процентов. Тов. Семашко в статье «Позаботимся и о партийном активе» («Правда» за 1925 г., № 59) писал:

«Всякому, мало-мальски грамотному человеку теперь известно, что лучшее средство регенерировать (восстанавливать) силы — физическая культура, физические упражнения. А ведь считается признаком хорошего партийного тона иронически скривить губы, когда заходит речь о физических упражнениях».

Это замечание более, чем кому-либо, подходит к нашему активисту. В то время, как 83% обследованных показали, что они больны той или иной болезнью, только 10% из них занимаются физкультурой. Между тем, наличие у этих же работников таких статей отдыха, как бездеятельный отдых, говорит о том, что при желании физкультура могла бы получить среди них довольно широкое распространение. Здесь вопрос вполне может быть и должен быть разрешен путем соответствующей регламентации и рационализации расходования своего времени.

Рационализация трудовых затрат, направление их в сторону качества, а не количества, установление более или менее точной и постоянной регламентации рабочего дня, усиление внимания к состоянию своего здоровья путем правильных регулярных занятий физкультурой — все это должно стать для комсомольца-активиста не сухой формулой, а живой действительностью.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ

И. ВИГИЛЯНСКИЙ

О студенческом быте

В № 4 «Молодой Гвардии» помещена статья Е. Трощенко о пролетарском студенчестве. Так вот, прежде всего о самой статье.

Есть у нас в литературной среде, как, впрочем, и в партии, и в комсомоле вообще, особая категория, я бы сказал, «охранителей». Охранители берегут «честь» учреждения или организации, к которым прикомандированы, со всем рвением и очертя голову. Иной хозяйственник, у которого дождем поливает на дворе машинные части, вместо того, чтобы, выслушав указание об этом на производственном совещании, просто распорядиться построить навес, тратит несколько часов на то, чтобы с пеной у рта доказать, что на фабрике «все благополучно».

Так и в общественных делах. Боязнь критики объясняется обычно тем, что сами охранители недостаточно уверены в своей правоте и недостаточно разбираются в своем деле. Чем рыться в фактах да выискивать действительно ценное и положительное, они просто замазывают розовым лаком все пазы и щели во вверенном им учреждении. У «охранителя» обычно нет широкой перспективы, он не твердо стоит на ногах, и потому каждое указание на недостаток его пугает, заставляет затыкать себе уши и закрывать глаза другим.

Это явление—*самое опасное*, что есть в нашей общественности. Мы служим великому, несомненному, исторически-правому делу социализма, и поэтому любую правду о себе и об окружающем, как бы горька и мрачна ни была эта правда, мы можем и *должны* выслушать. Представьте себе, что в бою, не желая «огорчать» командиров, от них скрывали бы известия о прорывах, о частичных поражениях, об усталости некоторых отрядов и доносили бы, что «все идет нормально». Лишенные ориентировки, в тумане благожелательного вранья, командиры заблудились бы, подобно слепым котяткам; они были бы фактически оттерты от всякого участия в сражении и неизбежно проиграли бы его. В мирных боях за социализм решающую роль играют массы, каждый рядовой нашей армии должен быть не только исполнителем, но до какой-то степени нести и командные функции, и потому тот, кто сознательно или бессознательно *обманывает* своих слушателей или читателей, тот, кто не говорит публично правды или говорит ее, не *договаривая до конца*, играет *объективно-предательскую* роль, *оттирает* фактически массы от активного участия в борьбе.

Статья Е. Трощенко представляет из себя набор бездоказательных, противоречащих друг другу суждений, скороспелых обобщений и никаким фактическим материалом не подкрепленных выводов, в стиле «Гром победы раздавайся». *У партийной вузовской молодежи общественные навыки имеются, привычка работать не*

только для себя вкоренилась настолько, что стала даже потребностью» — вот основное положение статьи Е. Троценко. И вместо доказательств — словесные вариации на эту тему на несколько страниц, бесчисленные и общие комплименты по адресу вузовской молодежи. Ходульно-приподнятый тон. Е. Троценко докретирует: «Вуз оказывается (?) школой не только академической, но и школой социалистического воспитания. Такова тенденция». (Кого, чего? — Н. В.).

Предупреждаю — я не собираюсь возражать против этих положений. Как и всякие общие и расплывчатые суждения, они верны и неверны. Показать, основываясь на бытовом материале, насколько они верны и насколько они неверны, обрисовать некоторые стороны вузовской жизни — ставлю я задачей настоящей статьи.

I

Есть ли в наших вузах, выражаясь словами Е. Троценко, «тенденция» социалистического воспитания? Такая «тенденция» безусловно имеется. Партийные и комсомольские ячейки, органы студенческого самоуправления, профсекции, клубы, добровольные общества, студенческие газеты, журналы, работа студенчества вне вузов — в рабочих ячейках — все эти формы социалистического воспитания в наших вузах созданы, существуют уже давно, и каждый новый набор студентов получает их как готовое наследство, избавляясь от черного труда подготовительной, организационно-созидательной работы. В дореволюционные годы нужны были месяцы хлопот, борьбы, лишений, чтобы сколотить какой-нибудь маленький кружок по изучению марксизма — теперь же вузы охвачены широчайшей сетью общественных организаций, такой сетью, о которой старое студенчество не смело и мечтать, а марксизм преподается, как обязательный предмет. Участие в общественных организациях не рассматривается, как преступление, — наоборот, оно дает право на почет и уважение, даже на некоторые привилегии. Охвачено общественными организациями все студенчество, и в некоторых вузах почти все партийное студенчество вовлечено в активную общественную работу (в I МГУ, например, ведут общественную работу 1.222 человека—76% всего партийно-комсомольского состава).

Но указать на эти организации и не показать результатов их работы, привести цифры «вовлеченных» и не сказать, что и как делают эти вовлеченные—это значит, мягко выражаясь, не сказать всей правды.

Можно ли утаить, что на ряду с тенденцией социалистического воспитания в наших вузах имеются и другие «тенденции», так полно выраженные в известной студенческой частушке:

„Нам потеплее бы жилище
Да побольше бы нам пища,
Да теплой оденъте-ка
Бедного студентика!“

Тов. Бурый в очерке из жизни Вхутемаса («Кюмс. Правда») так описывает мечты некоторых студентов: «Б. думал о том, что когда он кончит Вхутемас, то получит командировку в Италию. Д. думал о том, что хорошо бы сейчас получить наследство от какого-нибудь американского дядюшки». В газете «Первый Университет» в рассказе «У подоконника» нечто очень похожее: «Мешков, печаль-

ный в своем одиночестве, застыл и думал о себе, о товарищах по комнате, которые часами до одури мечтают об уюте, о комнатах, о женщинах, которых будут любить и целовать, и что придет время, когда каждый из них будет вспоминать эти толстые матрацы, бесприязность и улыбаться далекому прошлому.

Есть студенческая песенка (которую я здесь не буду приводить целиком), говорится в ней, что вот отойдут скоро в прошлое горькие дни и «бедный студентик» будет иметь место в 45 рублей, жену, уютную квартиру, «обед из трех приличных блюд». А там, смотришь, и детки пойдут, будут расти, радовать родителей, поступят в школу. А там:

«... Дети кончат семилетку
И поступят детки в вуз».

Программа мещанина развернута во всю ширь. Есть даже, если хотите, и «общественные устремления». Студент в этой песенке решает лечить «бедный люд за умеренную плату». Но само собой разумеется, умеренную не настолько, чтобы будущему врачу пришлось выкинуть из обеда хоть одно блюдо.

Живет, как видите, эта цыплячья, галантерейно-гастрономическая идеология в какой-то части нашего студенчества. В условиях нашего государства она не может оформиться, выступить с открытым забралом, в ее защиту не напишешь статьи, ее не разовьешь в докладе. Остается только «мечтать до одури» на своей койке да выливать свою тоску в песне. И так как эти «стабилизационные настроения» обычно тщательно законспирированы, то очень трудно судит, сколь широко они у нас распространены. Но, если предположить, что охвачен ими самый ничтожный процент, то все равно, как бы ничтожен он ни был, он придется *на те 100 процентов*, которые, как известно, «вовлечены» в общественную жизнь. Если студент, мечтавший о наследстве американского дядюшки, не был комсомольцем, то членом профсекции-то он был обязательно!

В сущности мы не знаем, чем живут наши студенты. Кроме вышеприведенных произведений, у нас нет ни художественной, ни публицистической литературы, которая вскрывала бы жизнь вузовской молодежи изнутри. До некоторой степени судить о том, чем живут вузовцы, можно только на основании материала о том, как они живут.

Вот что пишут о студенческом быте в редакционной статье журнала «Красное Студенчество» (№ 4):

«Иногда хорошее здание, полученное под студенческое общежитие, превращается в скотный сарай. Пьянки, вернее сногсшибательные попойки пролезли всюду, куда можно было пролезть (?). Пьют по комнатам, пьют целыми общежитиями, устраивая подчас настоящие оргии. Рядом с пьянкой стоят хулиганство и матерщина. Карты, а чаще пошленькие анекдоты в некоторых местах служат главнейшим средством отдыха и развлечения».

В статье указано, что речь идет о плохих общежитиях; что же касается хороших, то «поистине образцовые нам мало известны, так как о них мало пишут и говорят».

Просмотрите 1-й номер печатной студенческой газеты «Первый Университет». Там помещено три бытовых очерка. О чем говорится в одном, мы уже знаем. В другом рассказывается, как в Мерзляковском общежитии создана «сатирическая газета «Стерва». Третий очерк посвящен студенту Боцьеву, который в «течение двух лет систематически терроризировал студентов всех факультетов, неоднократно

пытаясь изнасиловать ту или иную студентку», только в марте 1926 г. был исключен из комсомола ячейкой, еще в апреле 1925 г. знавшей о его похождениях, исключен, как формулировано в протоколе собрания, «за нетактичное отношение к женщинам».

Безобразное отношение к женщине, когда на студентку, сидящую рядом на собрании, на лекции, в читальне, смотрят только с той точки зрения, «годится или не годится» она для совместного спанья—распространено довольно широко. Иногда попытки девушек-студенток высказать свое мнение по какому-нибудь вопросу медленно обрываются окриками: «Много ты понимаешь! Дура! Заткнись!» Иногда о женщинах студенты разговаривают друг с другом в таких тонах: «Эх, и баба же, на-ять, — буфера, как у бронепоезда!» — «Да, а вот моя корова — как протоплазма!»

Студкор журнала «Красное Студенчество» пишет о Мерзляковском общежитии I МГУ: «Жизнь Мерзляковки знаменуется такими пьяными дебошами. Однажды пьяная компания студентов в 2 часа ночи отправилась «гулять». С «прогулки» привели с собой в общежитие бедно одетую женщину. В 4 часа утра все общежитие было разбужено криком: «Паразиты, эксплуататоры! порядились за руль, а за семь гривен увильнуть хотите».

Тов. Червин («Ком. Правда») пишет:

«...Наши общежития не отличаются от мещанской улицы. В общежитиях процветает воровство, склока, скандалы, развито какое-то внешне-незаметное ненавистничество. Товарищеское отношение, спайка — совершенно отсутствуют. Если парня или девушку постигла какая-нибудь неудача, «легла на сердце тяжесть», то вместо того, чтобы по-товарищески расспросить в чем дело, помочь, подбодрить, втянуть в товарищеский круг — сторонятся, обещают, сочиняют сплетни, подхихикивают, подглядывают».

...Можно было бы привести десятки примеров, как одни «режут» всю ночь в «козла», а другие, ворочаясь с боку на бок, матерщины, просят дать им спать. В одной комнате «пир горой», орут песни, а в соседних комнатах нет возможности ни спать, ни заниматься, и на просьбы быть потише, отвечают: «в жизни живем мы только раз». Двое в шахматном азарте схватились за горло, и их еле разняли. Сплетни и глумления доводят иногда до того, что человеку приходится бежать из общежития, *бежать из вуза*.

«Есть,—пишет тов. Червин,— в общежитиях студенты, которые стараются рационально использовать время и энергию, но им *демонстративно мешают*. От многих студентов слышишь: «в общежитии жить тяжело, заниматься невозможно, надо бежать на частную квартиру». Но о том, что надо организованно выступить на борьбу за здоровый быт, *не думает никто*»...

Мы увидим дальше, что тов. Червин не совсем прав, так как исходит из опыта нескольких общежитий. Но не подлежит никакому сомнению, что в быту комсомольцы и партийцы не отличаются от беспартийных, и что лучшая часть вузовской молодежи обычно реагирует на все бытовые безобразия только тем, что затыкает уши и склоняется над учебником.

А студенческие организации? Они еще неповоротливее и безинициативнее отдельных комсомольцев и партийцев. О том, как два года собирались исключать явного и общеизвестного чубаровца Боцнева, мы уже знаем. *Потод за оздоровление быта не предприняла ни одна студенческая ячейка. Вопрос о конкретных мерах борьбы за новый быт никогда не затрагивался студенческой печатью. Толь-*

ко ячейка Вхутемаса выделила бытовую комиссию и провела конкурс на лучшую комнату. Но это было сделано только после нескольких самоубийств в общежитиях, и после того, как о вхутемасовском быте и нравах заговорили в центральной печати. Вопрос о стабилизационных настроениях совсем не ставился в студенческой печати и в студенческих организациях.

Даже т. Трошенко замечает мимоходом в своей статье, что «профсекции, стенгазеты, клубы, студенческие вечера мертвы иногда». В другом месте она говорит, что беспартийное студенчество охотно идет работать в добровольные общества, так как там «*делать нечего, а нагрузка числится*». (Курсив мой.—Н. В.).

Разумеется, если комвузовец не умеет развить общественную инициативу в пределах той комнаты, в которой проводит 12—16 часов каждый день, не умеет развить ее всесторонне в пределах своей организации, то и качество его работы за пределами вуза не может быть высоким. Во многих рабочих ячейках указывают на то, что прикрепленные студенты мало активны, не могут организовать массы, не умеют вести их за собой, ничем, собственно, не отличаются от рядовых членов ячеек, а иногда и хуже их.

При таких условиях утверждать, подобно т. Трошенко, без всяких оговорок, что: «У партийной вузовской молодежи общественные навыки имеются» — это значит *льстить* студенческой молодежи, воспитывать комчанство, затуманивать головы.

II

Что же мы можем противопоставить всем этим болезненным явлениям в вузовской среде? Где гарантии того, что мы сможем создать в наших вузах кадры коммунистической интеллигенции? Неужели только в тех формах общественного воспитания, которые перечислены в начале этой статьи? Неужели только в курсе политграммоты, который проходит каждый студент? Конечно, не только в этом. У нас среди партийно-комсомольского студенческого молодняка есть немало преданных, крепких ребят, умеющих работать над собой и желающих работать для других.

Было бы несправедливостью не рассказать в этой статье о коммунистке-студентке I МГУ т. З. З. латышка, рижанка,—до 16 лет работала прачкой и на свои гроши содержала целую семью, стоявшую на грани нищеты, семью, погруженную исключительно в заботы о куске хлеба на завтра. В восемнадцатом году, несмотря на мольбы и угрозы родителей, сестер, братьев, вступила в Коммунистический Союз Молодежи, «перебрасывалась» по командировкам комитетов из города в город, спала на канцелярских столах и питалась чем наркомпрод послал в короткие антракты между митингами, строевыми занятиями и заседаниями. В девятнадцатом году вместе со всей юношеской организацией небольшого западного местечка ушла добровольцем на фронт. Лежала в окопах, участвовала в сражениях, работала в лазаретах. В 1921 году демобилизовалась и поступила в I МГУ на литературно-художественное отделение. Жила на грошовую стипендию, не имела отдельной комнаты, по ночам готовила зачеты и ночами же приватно изучала французский язык. Через полтора года читала в подлиннике Альфреда де-Мюссе, Альфреда де-Виньи, Ламартина. Написала работу о социальных основах тематики романтиков, рецензировала в «Книгоноше» художественную литературу. Работала секретарем партийной ячейки своего отделения, старалась вовлечь беспартийных студентов

в работу по ликвидации неграмотности, вела борьбу с реакционной профессурой, принимала активное участие в создании кружка по изучению проблем позитивной эстетики. Стала снова материально помогать матери и старалась влиять на воспитание своей младшей сестры, оставшейся в белой Риге.

Тов. З. типична для передовой части нашего студенчества. Но опыт показывает, что даже лучшая часть нашего студенчества — люди типа т. З.—обычно не умеют стать вожаками масс в новых условиях. З. так и не удалось втянуть в работу беспартийное студенчество, перевоспитать его. Ей не удалось оживить работу в ячейке — ячейка ничем не отличалась от других. Дни уходили на совещания, согласования, заседания. А живого дела, конкретных достижений из этой беготни не рождалось.

У нас в вузах немало людей, выдающих все недостатки студенческой жизни, болеющих за них и искренне желающих как-нибудь их изжить. Немало людей, преданных делу социализма, желающих приносить пользу и за стенами учебного заведения, деятельно помочь в их борьбе за лучшее будущее. Но побороть ту разобщенность студенчества, которую так ярко описал т. Червин, наполнить живым и идейным содержанием жизни своих товарищей, внести плодотворную струю в рабочую ячейку, к которой они прикреплены — им обычно не удается.

Самые лучшие коммунисты-вузовцы не пользуются в студенческой среде таким моральным и идейным авторитетом, каким пользовались несколько десятков лет тому назад выдающиеся студенты-революционеры. Даже те туманные, мелкобуржуазные идеалы социализма и «народоправства», носителями которых они являлись, давали им возможность быть именно *вожаками* в своей среде. Они были цементом, скрепляющим лучшую часть студенчества в тесный дружеский кружок, где все за одного и один за всех. К их голосу прислушивались, по ним равнялись... Они были бродильным ферментом, динамитом, взрывающим пласты косности, мешанства, аполитичности отсталой студенческой массы. Они были известны на заводах, в деревнях, как «правильные люди», как «потрясатели основ», окружены ореолом известности и уважения. Повторяю — таких людей у нас в вузах почти нет.

Почти нет... Что же приходится на долю этого «почти»?

Есть у нас кое-где обычно тихие студенты, которые не блещут на собраниях и иногда даже не числятся в списках «вовлеченных» и «выделенных». Сдают они зачеты, а по вечерам пишут письма односельчанам, бывшим соседям по цеху. Бегают иногда по учреждениям земельным и хозяйственным, закупают литературу, отправляют ее вместе с письмами.

Я знал в Свердловском университете одного такого крестьянского парня. Вся его деревня считала его своим «ходатаем» и «заступником». Он доставал для односельчан справки, ходил однажды по их делам к Калинину. Летом, приезжая в отпуск, вел тяжку за бывший монастырский лес, ездил в губернский город и скандалил там с волокитчиками из Губземотдела. Помогал скинуть пьяницу председателя сельсовета, привозил из Москвы семена клевера...

К сожалению, неизвестны имена ленинградских студентов, по чьей инициативе создан в Педагогическом институте жилищно-бытовой кооператив и неизвестна история создания этого кооператива, несомненно связанная с огромными трудностями, с ожесточенной борьбой с апатией, разгильдяйством и казенщиной. *В этот жилищно-*

бытовой кооператив Пединститута входит 128 студентов-стипендиатов. Каждый участник вносит пай восемнадцать рублей в месяц. На эти средства удалось хорошо оборудовать общежитие и за эту же сумму каждый пайщик получает завтрак, обед и ужин. В общежитии образцовая чистота. Строго соблюдаются условия гигиены.

Своими силами кооператив создал библиотеку в 2.000 книг. Студенты живут дружно; хорошо подготовленные помогают в занятиях академически отсталым. Товарищеским вниманием окружены девушки.

Этот факт, о котором нужно было бы сообщить аршинными буквами на первых страницах газет, прошел совершенно незаметным в нашей общественности. Серо-тусклый тон всеобщего натяжного благополучия, так ярко представленный в статье т. Троценко, губительно вреден не только тем, что за ним не видны наши недостатки, но и тем, что в нем тонут наши действительные достижения.

Конкретная помощь трудящимся за стенами вуза, практическая борьба с бытовым варварством, бюрократизмом и мещанством — вот единственное, что может оздоровить студенческий быт и оживить студенческие организации. И только тогда, когда каждый вуз сможет насчитать в своей среде хоть десяток таких «ходатаев» и «заступников» массы, как описанный выше свердловец, когда каждый вуз сможет похвастаться хоть одним делом, подобным осуществленному в ленинградском Пединституте, только тогда, когда вузовские организации поставят эти дела в центре своего внимания — мы сможем вслед за т. Троценко без всяких оговорок и с спокойной совестью сказать, что «наши вузы оказываются школой не только академической, но школой коммунистического воспитания».

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Актив ВЛКСМ в цифрах

Время от времени, примерно раз в году, Орграспред ЦК ВЛКСМ с похвальной регулярностью выпускает в свет весьма интересные по теме, но малодоступные для широких кругов статистические сборники о состоянии нашей организации. Последний выпуск этих сборников отдан активу ВЛКСМ и ему вполне стоит посвятить несколько столбцов нашего журнала.

В отличие от предшествовавших, сборник включает наряду с чисто статистическим материалом и повествовательный, описательный, заимствованный из информационных сводок ЦК: например, об учебе актива, активе и «демократии», стремлениях к уходу с союзной работы и т. д. и т. п. Точному учету этот материал, конечно, подвергнуться не мог и поэтому выглядит в сборнике как-то случайно, недостаточно убедительно, чтобы на его данные можно было ссылаться, как на проверенные, официально установленные, и ими оперировать в дальнейших выводах. Эту часть лучше было бы не смешивать со статистикой, используя ее для статей в нашей печати или перенести ее целиком в другой, соответственно составленный сборник. Б можно сказать, такой сборник представлял бы самостоятельный интерес; в него можно включить и «моральную статистику» (напр., случаев выхода из союза, самоубийств и преступности в комсомоле и т. д.), по которой до сих пор нет прочных данных и неизвестно, даже обобщаются ли они где-нибудь. Потребность в авторитетных материалах, выражающих лицо комсомольского активиста, достаточно остра и нельзя отговариваться трудностью его добывания и обработки. Разумеется, в ряде случаев составителям придется отказаться от излюбленного анкетного метода во всесоюзном масштабе и заменить его небольшими, скажем, выборочными обследованиями, карточками самоучета, отдельными монографиями и т. д. в этом роде; в конце концов, это уже дело самого статбюро, как собрать и обработать нужные данные; для нас важно поставить перед ним эту задачу.

Возвращаясь к вышедшему сборнику, отметим еще два из его недостатков. Во-первых, он существенно запаздывает. Так, интереснейшие таблицы массового учета (табл. 4, 5, 15, 16) актива опаздывают ровно на год, освещая положение бывшее к I/IV—1926 г. Во-вторых, сборник дает состояние актива в данный момент, не сопоставляя его с прошлыми годами (за исключением 1926). Таким образом, процессы, происходящие в активе, ускользают от читателя. Он узнает, к примеру, что среди секретарей ячеек ВЛКСМ на 1 января 1927 г. рабочих 19,1%, а членов ВКП 5,4%, но динамику этих цифр читатель не усвоит: каков был процент по этим группам год, два, три назад? Растет он или падает? На эти важнейшие вопросы книжка не отвечает.

После этих общих замечаний можно обратиться к самим цифрам. Надо обладать мужеством, чтобы усидчиво проработать 62 приведенные в сборнике таблицы. На этот труд едва ли решится большинство наших читателей, и тем необходимее познакомить их с основными, суммарными итогами этих интересных таблиц. Нам кажется, что важнее всего будут следующие четыре раздела: социальный, партийный, возрастной и половой состав нашего актива от низших до высших ступеней, — ими мы и займемся.

Прежде всего бросается в глаза ничтожность прослойки девушек в активе. Если для союза в целом средний процент девушек 21,3, то среди актива (губернские, краевые областные комитеты и ЦБ надресублик) он равен всего лишь 9,9%. Если подняться дальше, до комитетской головки, то картина станет еще более печальной: среди руководящего комитетского ядра (пятерок) процент девушек окончательно ничтожен—3,1. В переводе с туманных процентов на общепонятные цифры это значит вот что: на все 90 комитетов союза, учитываемых по СССР, приходится 13 девушек; при чем из этой чертовой дюжины 1 заведует агитпропом (жаль, что не указан адрес столь либерального комитета: туда бы составлялись экскурсии, а комитет занесли бы на красную доску), а остальные 12 сплошь заняты пионер-работой. Нет ни одной девицы, которая бы заведывала ЭКО или Орготделом; о секретарской работе девушки, конечно, и мечтать не смеют.

Приведенные цифры тревожны сами по себе и еще больше проигрывают по сравнению с прошлым годом. Составитель сборника приходит к следующему безотрадному выводу:

„Процент девушек как в комитетах союза, так и в бюро ячеек снизился, при чем в отношении бюро ячеек снижение произошло в большей мере по фабрично-заводским и деревенским.

До сего времени нет никакого улучшения в выдвижении девушек на конкретную и руководящую работу в союзе. К тому же выдвижение девушек происходит почти исключительно на пионер-работу* (стр. 9). Над этими выводами следует не только подумать, но и предпринять какие-то шаги, чтобы выдвижение девушек не превращалось в „задвижение“, и чтобы цифры следующего года показали более благополучное соотношение.

Судя по статистике, нельзя похвалиться и партийным состоянием актива.

„Процент партийного состава комсомольского руководящего актива,—повествует составитель,—продолжает систематически понижаться. В составе губкомов, обкомов, крайкомов и ЦБ надресублик процент не состоящих в ВКП (б) повысился с 10,5% до 11,8%“.

„По окружкам положение почти такое же“.

„По горжкам и укомам несостоящие в ВКП (б) составляют 35,8% при 31,9% кандидатов ВКП, вместо 33,3% беспартийных на 1 января 1926 г.“ (стр. 7—8).

В этом явлении можно, при желании, найти свою хорошую сторону: оно означает привлечение к ответственной работе молодежи, низового актива, расширение за его счет наших комитетов. С другой стороны, нельзя закрывать глаз на опасности, которые оно несет с собой. Прямым выводом отсюда должно быть серьезное углубление партвоспитания актива и усиление темпа передачи его в партию.

Есть еще одна область, где цифры говорят далеко не то, что хотелось бы от них слышать—возрастной ценз актива. Как известно, основная масса комсомольцев (около 50%) падает на 17—20-летний возраст. Иную картину дает актив. Внизу, по ячейкам, положение с ним можно назвать удовлетворительным: из членов бюро ячеек 34,8% приходится на возраст 20 лет и моложе; 57,4% — от 20 до 23 лет и только 7,8% старше 23 лет.

На следующей ступени—в горрайкоме, укоме, окружкоме—положение начинает меняться: до 20 лет всего 15,8%, от 21 до 24 лет—70,5%; старше 24 лет—13,7%. Как анекдот, можно привести факты, что на Украине среди секретарей окружкомов есть дяди 1896 и 1894 г.г. рождения, тридцатитрехлетние комсомольцы! (стр. 10).

Наконец, по руководящим пятеркам ГК, ОБ, КБ и ЦБ надресублик в 15/II—1927 цифры были таковы: до 20 лет включительно—2,2%; от 21 до 23 лет—25,5%; свыше 23 лет 72,3%—из них 40,2% старше 1903 г. (стр. 30). Разумеется, актив должен комплектоваться из старших возрастов,

но приведенные цифры свидетельствуют о некоторой чрезмерной задержке, оседании переростков в кадрах актива. Если не принять теперь соответствующих мер, то через некоторое время мы можем очутиться перед своеобразной „пробкой“, задерживающей естественный политический рост молодых возрастов. Эти цифры говорят, между прочим, опять-таки о недостаточной тесной связи с партией, о слабом обмене силами, о малом продвижении прошедших комсомольскую школу товарищей на партийную и советскую работу.

Мы добрались до наиболее важного и интересного раздела, имеющего значение не только для наших споров, но и для практических целей — до социального состава актива. Собранные цифры весьма убедительно и авторитетно, лишая кое-кого последних надежд, доказывают продолжающийся рост пролетарских элементов в активе и их гегемонию в нем.

После VI съезда (сентябрь 1924) в пленумах ОК, ГБ, КК и ЦБ НР было:

рабочих	крестьян	прочих
44,4%	29,5%	26,1%
В 1926 году по тем же организациям насчитывалось:		
рабочих и батраков	крестьян	прочих
50,8%	29,1%	20,1%

Мы видим повышение удельного веса пролетарской части за счет „прочих“, при почти неизменном проценте крестьян. Приблизительно те же итоги дают переборы этого года по уже учтенным 7 организациям:

	Раб.	Батр.	Крест.	Прочих
На 15/II—1926	57,6%	4,4%	20,6%	17,4%
„ 15/II—1927	64,3%	5,5%	17,6%	12,6% (стр. 28)

Мы брали суммарные цифры, но если рассмотреть их в разбивку, по районам и отдельным организациям, положение не изменится. Так, Урал дает 72,9% рабочих в комитетах, Центрально-Промышленный район — 69,2%, Северо-Западная область — 58,7% и т. д. — с соответствующим понижением в непромышленных районах. По сельскохозяйственным губерниям, где процент рабочих в комсомоле равен 26,5, — в губкомах рабочая часть имеет 50,5% плюс 4,7% батраков.

Вплотне нормален и социальный состав окружкомов: рабочих и батраков — 58,5%, крестьян — 27,3%, прочих — 14,2%. По линии деревни составитель отмечает, что

„за истекший с VII съезде ВЛКСМ период по многим организациям замечается повышение в активе веса середняцкой молодежи. Из-за неудовлетворительности старых форм учета актива невозможно сделать более подробный анализ состава актива из середняков. Но ряд организаций показывает чрезвычайно высокий процент их в составе комитетов и бюро деревенских ячеек:

Вятка. Средняков в составе волкомов	35,8%
Ульяновск „ „ „	— 32,8%
Кострома „ „ „	— 40,0%
Тула „ „ „	— 34,0% (стр. 6)

Вышеприведенными цифрами можно ограничиться, не боясь ни утомить читателя, ни опустить чего-либо серьезного. Цифры настолько показательны сами по себе, что сопровождать их обширными комментариями совершенно излишне: это только ослабило бы их выразительность.

Остается поблагодарить учетный подотдел за тщательность проделанной им работы и пожелать, чтобы в следующих выпусках, — которые, надеемся, не заставят себя ждать, — были бы учтены сделанные нами замечания.

Ипполит

Литература об Англии и англо-советских отношениях

(Обзор)

1. **Исторический кризис английского капитализма.** Сборник статей Н. Осинского, М. Спектатора, М. Смит и Политикуса. Институт мирового хозяйства и мировой политики при Коммунистической Академии—Госиздат 1926 г., стр. 126. Ц. 80 коп.
2. **СПЕКТАТОР.** Англия на распутье. Перевод с немецкого. Госиздат, 1926 г., стр. 70. Ц. 45 к.
3. **Капитал против труда в Англии.** Федерация британской промышленности. Перевод с английского. Госиздат, стр. 56.
4. **А. ИОФФЕ.** Англия в наши дни. Госиздат, 1925 г., стр. 58. Ц. 30 к.
5. **А. ЛОЗОВСКИЙ.** Английский пролетариат на распутье. Издание Профинтерна, стр. 312. Ц. 2 руб.
6. **Мих. ПАВЛОВИЧ (М. П. ВЕЛЬТМАН).** Советская Россия и капиталистическая Англия (от эпохи царизма до правительства Чемберлена — Болдуина 1925 г.). Изд. «Прометей», 1925 г., стр. 202. Ц. 25 к.
7. **Антисоветские подлоги.** История фальшивок и комментариев. Издание Латвиздата НКВД, 1926 г., стр. 170. Цена не указ.
8. **И. ТАЙГИН.** Англия и СССР. (Библиотека журнала „Спутник агитатора“). Ленинград, „Прибой“, 1926 г., стр. 94. Ц. 25 к.
9. **В. ИВАНОВИЧ.** Почему Англия борется с Советским Союзом. „Московский Рабочий“, 1927 г. стр. 112. Ц. 75 к.
10. **Англия и СССР.** Сборник статей и материалов. (Библиотека журнала „Спутник агитатора“). „Московский Рабочий“, 1927 г.
11. **Англо-советские отношения со дня подписания торгового договора до разрыва.** (Ноты, документы, с предметным указателем и вводной статьей). Издание Латвиздата Наркоминдела, 1927 г.

После слишком 3-х лет стабилизированных дипломатических отношений между крупнейшей капиталистической державой — Англией и первым советским государством — СССР, налицо полный разрыв этих отношений, состояние, за которым обычно следуют военные действия. В другое время и при других условиях такие действия немедленно начались бы, но сейчас — ни наш Союз не намерен «орала превратить в мечи», ни Англия еще не подготовила себе трамплина для прыжка на СССР.

По сути же дела, как замечает т. Тайгин в своей книжке «Англия и СССР», «отношения, которые сложились между Англией и СССР в течение последних двух лет (т. е. со времени возвращения к власти консерваторов. — С. К.) правильнее всего будет охарактеризовать как состояние хронической дипломатической войны».

(Курсив автора. — С. К.)
Нет ничего удивительного в том факте, что между капиталистическим и социалистическим государствами отношения далеко не ясные. Раньше или позже, но столкновение двух совершенно различных экономических систем неминуемо. На этот счет никто никогда не обобщал себя какими-то ни было иллюзиями. Но обращает на себя

внимание то, что, в то время как с другими капиталистическими государствами отношения у нас более или менее налажены (например, Франция, Германия и т. д.), именно с Англией они держались все время на волоске, пока не порвались.

Для того, чтобы дать себе в этом отчет, надо обратиться к внутреннему положению самой Англии, обнажить те корни, из которых произрастает теперешний конфликт. И здесь-то мы обнаруживаем, что та нервозность, которую проявляет английский капитализм, объясняется тем, что ему приходится балансировать на вершине вулкана.

Мы сейчас наблюдаем в Англии затяжной кризис. Сорванная предателями всеобщая забастовка, кончившаяся неудачей героической полуголodicная стачка миллиона горняков, — все это проявления исторического кризиса, переживаемого английским капитализмом.

Сборник «Исторический кризис английского капитализма» помогает нам уяснить как причины кризиса, так и перспективы, тающиеся в нем.

То, что Англия пребывает в хроническом застоe со времени окончания войны — факт хорошо известный. — пишет автор первой из помещенных в сборнике статей т. Осинский. — Ни каменноугольная промышленность, ни ме-

таллургия, не текстильная индустрия — основные производства — не в состоянии возвратиться к довоенному уровню. Англия не в состоянии также избавиться от мертвого груза более, чем миллионной армии безработных. Это отражается на торговом и расчетном балансах страны. Это обостряет в ней классовые противоречия, стимулирует рост неопределенно «левых» и определенно революционных настроений в рядах рабочего класса, стимулирует также рост воинствующих, реакционных настроений в рядах господствующего класса. Это привело к тому комбинированному экономическому и политическому кризису, который Англия переживает с начала мая 1925 г.

Вышедший во время стачки углекопов и посвященный в значительной мере ей сборник напечатан таблицами и цифрами и дает богатый материал для ознакомления с экономическим положением Англии. Некоторые оценки и выводы сейчас уже сильно устарели, но это относится главным образом к последней статье Т. Политикуса «Итоги и перспективы».

Небольшая книжечка т. Спектатора также посвящена анализу основных экономических факторов, обуславливающих внешнюю и внутреннюю политику Англии. Написанная, очевидно, задолго до всеобщей и угольной забастовок, книжечка может все же служить дополнением к указанному выше сборнику.

Две пропорциональные по размерам книжки показывают нам состояние двух противостоящих друг другу классов в их организационных формах. Это «Капитал против труда в Англии» и сборник статей Лозовского «Английский пролетариат на распутьи». Первая из них знакомит читателя с «Федерацией британской промышленности», наиболее крупным объединением английских капиталистов, с полным правом заявившей через свой «бюллетень»: «Когда Федерация британской промышленности выражает мнение всей британской промышленности по какому-либо важному вопросу национального значения, ее голос пользуется надлежащим весом у правительства и прессы».

Как не пользоваться, когда глава правительства, сам Стэнли Болдуин и с ним многие другие министры, сами являются крупнейшими фабрикантами и членами Ф. В. П.!

Книжка дает яркую, сжатую, записку деятельности этой «почтенной» организации.

Более полную картину состояния на этот раз английского профдвижения, дает т. Лозовский в своем сборнике. Сборник охватывает последние 3 года, столь чреватые событиями для английского пролетариата. Ему предпослано

интересное введение: «Ленин и тактические вопросы английского рабочего движения», в котором автор излагает взгляды Ильича на основные вопросы этого движения в период после Октября.

Особенно полно в сборнике представлен отдел, посвященный всеобщей стачке.

Картина внутреннего экономического и политического положения Англии может быть дополнена несколькими яркими мазками тех трудностей, которые переживает Англия на своих внешних участках. Эту задачу выполняет книжка т. Иоффе, «Англия в наши дни». Сравнивая положение Англии и С.-А. С. Ш. и обосновывая свою концепцию мирного «подчинения» первой последней, автор приводит следующие любопытные цифры морского торгового тоннажа Англии и С.-А. С. Ш.:

«В июне 1914 г. из общего тоннажа морского торгового флота в 42.514.000 гростон на долю Великобританской империи приходилось 20.284.000, т.-е. почти половина мирового тоннажа, а на долю С.-А.С.Ш. всего 1.873.00 гростон. В июне же 1923 года положение резко изменилось. Общий мировой тоннаж к этому времени составлял 57.939.000 гростон, из который на долю Великобритании приходилось 21.298.000, а на долю С.-А. С. Ш. уже 12.416.000 гростон. Торговый тоннаж Великобритании почти не увеличился, а тоннаж С.А. С. Ш. вырос почти в 10 раз».

Для былой «владычицы морей» — это колоссальный удар, пожалуй, ярче всего показывающий, «чем был и чем стал» «коварный Альбион». Столь же безотрадны и отношения Англии с ее колониями — Канадой, Австралией, Юж. Африкой и т. д., некогда бывшими опорой империи.

* * *

В свете того круга проблем, который очерчен в упомянутых книгах, следует рассматривать и англо-советские отношения последних лет.

Мы рекомендуем читателям ознакомиться с двумя интересными книгами: «Советская Россия и капиталистическая Англия» Мих. Павловича (Рейтмана) и изданием Наркоминдела «Антивоветские подлоги».

Тов. Павлович свое исследование начинает с англо-русских отношений при царизме и, посвятив им несколько страниц, переходит к детальному анализу отношений между Англией и Советами, начиная с момента Октябрьской революции. В книге приведен текст всех важнейших нот, которыми мы обменялись с Англией (ультиматум Керзона и наш ответ на него и т. п.), а также полный текст аннулированного ныне торгового соглашения 1921 г.

Издана книга т. Павловича в 1935 г. Было бы очень желательно переиздание ее сейчас с тем, чтобы т. Павлович довел свою работу до наших дней.

Особый интерес представляет собой издание Наркоминдела. Это своего рода «Красная книга» СССР, являющаяся лучшим ответом на всевозможные «белые книги», издаваемые английским правительством.

Как известно, обосновывая необходимость разрыва с СССР, Чемберлен ссылался на ряд документов, якобы доказывающих «зловредную» работу нашего торгпредства в Англии. Документы эти явно подложны, как было подложено и знаменитое «письмо Зиновьева», при помощи которого консерваторы пришли к власти осенью 1924 г.

В Наркоминделовском издании перед нами фигурирует целая коллекция таких документов, изготовленных на белоэмигрантской «кухне» — В этом сборнике описано несколько фабрик антисоветских подлогов, расказана довольно подробно история нескольких наиболее шумевших фальшивок и опубликовано много разных подобного сорта документов.

Мы не можем отказать себе в удовольствии привести отрывок из одного такого произведения. Это письмо долж о было доказать связь между Советским правительством и английской рабочей партией.

Вот выдержки из него:

«...Я могу заверить вас, дорогой товарищ, что дни капиталистов и банда аристократов почти сочтены в нашей стране. Что же касается остатка их гнусной жизни, то мы твердо решили заставить этих кровожадных пагавитов работать на пользу пролетариата или взять их измором, как морили «сни нас»...

А вот пункт договора, якобы заключенного между каким-то «Британским Революционным Исполкомом» с одной стороны, и «представителями Исполкома Совета Русских Рабочих», с другой: «5. Условлено также, что пролетарские женщины будут осведомлены так широко, как только возможно, что аристократы и капиталисты объединены для двух целей, а именно: для порабощения их мужей и для опорочения девушек из рабочего класса. На них будет оказано всяческое давление, чтобы внушить им, что их долг — толкать мужчин к освобождению путем массового требования рабочей республики и уничтожения капиталистов и господствующих классов».

Что может быть глупее всей этой галматии? И тем не менее она находила себе сбыт, и на нее ссылались буржуазные правительства!

Сборник необходимо распространить в десятках тысяч экземпляров по всей

стране, чтобы самые широкие массы населения получили полное представление о том, как пекутся многочисленные фальшивки, служащие английскому консервативному правительству основным для разрыва с нами.

Небольшая книжка Таггина в несколько более сжатой и популярной форме, чем работа т. Павловича, разбирает англо-советские отношения за 1917 — 1926 гг.

* * *

Вся рецензируемая литература, несмотря на то, что вышла она в 1926 году и, частично, в 1925 г., имеется еще в продаже и вполне может быть использована теперь.

Она, однако, заканчивается октябрём 1926 г., в то время как книжка В. Ивановича доведена до более позднего периода — накануне разрыва. В. Иванович мало внимания уделяет Индии — этой «ахиллесовой пяте» Британской империи.

Агитпроповский сборник вмещает в себе обращение ЦК ВКП(б) об опасности войны, правительственное сообщение о последних событиях, доклад т. Рыкова на пленуме Моссовета 1 июня с. г. и ряд статей о самой Англии и о наших отношениях с ней. Помимо того, в сборнике имеются статьи о вопросах, служащих постоянно предметом столкновений между нами и капиталистическим миром: В. Симоенко — «Вопросы о долгах», Левин — «Национализированные предприятия», Шейдлин — «Внешняя торговля», Симонов — «Современное значение нефти и ее распределение».

К сборнику приложены тезисы о войне и военной опасности, принятые пленумом Исполкома Коминтерна и резолюция Исполкома о положении в Великобритании.

Сборник Наркоминдела преимущественно официального характера и охватывает наши отношения с Англией, начиная с 1921 г. и до самого последнего времени. Содержание его таково:

1. Установление отношений де факто.
2. Первый наскок консерваторов на Советскую Россию.
3. Первое обвинение правительства в «пропаганде» на основании подложных документов.
4. Заступничество за шпионов.
5. Ультиматум лорда Керзона.
6. Установление нормальных дипломатических отношений.
7. «Письмо Зиновьева», первые шаги консерваторов к подготовке разрыва отношений.
8. Всеобщая забастовка и стачка шахтеров.
9. О дипломатических привилегиях председателя торговой делегации в Англии т. Хинчука.
10. Окончательная подготовка разрыва.
11. Нападение на Аркос и торгпредство.
12. Разрыв торговых и дипломатических отношений.

С. Климов

„Комсомольская библиотечка“

(Г и З)

И. Н. БОЛГАРОВ и А. ЗАОСТРОЕВ-ЦЕВ. «По южным морям». 1927 г., 82 стр. Ц. 50 коп.

В опротно изданной книжке, снабженной фотографиями и географической картой, читатель напрасно пытался бы найти вдумчивые социально-бытовые наблюдения по Турции и Италии, которые посетили участники заграничного похода краснофлотцев. Книжка составлена из газетных очерков, в которых беглые впечатления — в роде того, что турок бочар перед продажей каждой бочки «бедняга кладет аллаху поклоны», или что итальянцы не умеют раздувать самовары; впечатления незavidного качества перемешаны с общими фразами о ненависти пролетариев к фашистам, малом количестве коммунистов в Турции и историческими сведениями, почерпнутыми из «бедекера».

Большой интерес представляет описание встречи с А. М. Горьким и некоторые бытовые штрихи, но они засорены огромным количеством разгагольствований.

Конечно, в газете эти путевые заметки были уместны, и там они могли пользоваться успехом. Но собранные в книжку, они становятся поверхностным и пустым повествованием о вещах, которых авторы толком не знают и о которых они могут дать читателю самое смутное представление.

Получит ли читатель представление о жизни Турции или Италии, прочтя книжку Болгарова и Заостровцева, или, точнее выражаясь, обогатит ли он себя новыми познаниями в этой области?

Нет,—потому, что сказанное нашими авторами давным давно известно нам из газетных статей и докладов по международному положению.

Получит ли читатель представление о жизни Красного флота?

Тоже нет, потому что авторы ограничиваются лирическими излияниями и протокольными перечислениями корабельных работ. Проникновения в краснофлотский быт, знания этого быта и умения заинтересовать им читателя мы не находим.

Но может быть путевые впечатления настолько ярки и художественно выразительны, что, несмотря на их малую социальную весомость, они заслуживают внимания?

К сожалению, и этого достоинства нельзя признать за вышущенной Госиздатом книжкой. Достоинства книжки не выходят из рамок среднего газетного фельетона, который, прожив один день,

умирает безобидной и незаметной смертью.

Комсомол, несущий шефство над Красным флотом, действительно заинтересован в литературе, связанной с краснофлотской жизнью, но—в литературе, которая не просто увеличивала бы ассортимент названий, а дополняла, расширяла и углубляла освещение гопрсов краснофлотской жизни. Точно так же пора уже отказаться от воспроизведения всех путевых заметок только потому, что в них упоминаются названия заграничных городов. Поверхностные, туристские сообщения вредны тем, что они извращают представление о сложной действительности. А познание заграничной действительности, и на буржуазном, и на пролетарском ее полях, имеет для нас первостепенное значение. Ведь, наша революция является прологом той, которая разыграется на территории зарубежных стран. Совершенно ясно, что знать эти страны нужно; но не с птичьего полета и не с палубы парохода нужно наблюдать их жизнь.

Все это сказано не в укор авторам. В пределах беглых путевых заметок они достигли возможного. Но это всегда будет настолько малым, что издательство следует упрекнуть за выгук в свет подобной легковесной книжки.

II. «Побег из царских тюрем». Сост. В. Струмило. 1927 г., 98 стр. Цена 80 коп.

Замысел сборника очень удачен. Ознакомление нашего молодняка с революционным прошлым легче всего может быть начато с таких романтических страниц борьбы, какими являются побег из царских тюрем. Составителю удалось подобрать не протокольный материал, перечисляющий отдельные перипетии побегов, а живые, образные, подчас красочные воспоминания участников этих побегов. Собранные вместе, они становятся уже не только описаниями отдельных эпизодов, а в известной мере воссоздают весь тогланнюю обстановку революционной борьбы, богатой опасностями, трудностями и давней нам образцы революционного самопожертвования, находчивости и решимости.

Сборник открывает воспоминания о побегах Бакунина, Лаврова, Кропоткина и других революционеров—предшественников того поколения, которое вступило в бой, уже крепко-на-крепко связанное с рабочим классом и революционным учением марксизма. Дальше

следуют побег участников рабочего движения до 1905 г. Из побегов большевиков мы находим в книжке только побег Ленинского, Бабушкина (наиболее бледный отрывок из воспоминаний во всем сборнике) и десятки «искровцев», среди которых Бауман, Крохмаль и др. Это распределение материалов нам представляется не совсем правильным. Сделанное в предисловии указание на то, что после 1905 г. побег настолько участились, что описать их все невозможно, конечно, несостоятельно.

Книжку следовало расширить до таких рамок, чтобы она охватывала и важнейшие побег большевиков. Ведь и за период до 1905 года, как оговаривается автор, описаны лишь «самые удачные побег». Но с этой оговоркой материалы сборника должны встретить самый теплый прием у комсомольского читателя. В числе иллюстраций в сборнике помещен снимок с собрания инструментов, употребившихся при побеге. Тут и напильники, и отмычки, и ключи, выкраденные у надзирателя или изготовленные, благодаря слесню с замка тюремной двери. Но нет никаких сложных механизмов. Не особенными техническими ухищрениями, а исключительным мужеством и смелостью революционеры добивались успеха при своих побеге. Достаточно прочесть описание побег Кропоткина, ускользнувшего на глазах часовых, или Бабушкина, самым обыкновенным образом перепиливавшего решетку, выкарабкавшегося наружу и

перелезшего через ограду, — чтобы убедиться в том, какого беспримельного, но редкостного героизма требовали побег из царских тюрем.

Теперь, когда нам остро нехватает эмоционально-насыщенной литературы для воспитания нового, волевого типа среди нашей молодежи, сборник Б. Струмило приходится как нельзя кстати.

Примечания при биографической точности страдают одним недостатком: они не дают социальной характеристики революционеров, в них перечисляемых. Для малоподготовленного читателя это обстоятельство немаловажно. Пожалуй, было бы целесообразно предослать двум разделам книжки по краткому предисловию, характеризующему в основных чертах данный этап революционного движения. Сейчас же оказались драгоценными имена, но не историческая обстановка, сопутствовавшая освещенным в сборнике побегам.

Следует в заключение пожелать, чтобы дело не ограничилось изданием одного сборника о побеге. В «комсомольскую библиотеку» Госиздата необходимо включать и другие книжки, знакомящие наш молодежь с дооктябрьской революционной борьбой: воспоминания о тюрьмах, о царском суде, о системе провокации, о демонстрациях, стачечном движении и т. д. Материала, если порываться, у нас достаточно, а жажда этого исторического материала именно у молодежи очень велика.

Н. Оружейников

Производственные застрельщики.

сомол в строительстве социалистической промышленности. Сборник под редакцией Л. Сосновского. Составил В. Соркин. Московский Рабочий, 1927 г., 112 стр., Ц. 50 к.

Непрерывный, как конвейер, поток сборников обогатился еще одним. Пожав плечами по поводу чрезмерного обилия на нашем книжном рынке этого сорта литературной продукции, можно было бы хоть примириться с ним, если бы мы имели хорошо сделанную, добросовестную работу. Составитель не пожелал, видно, оставить нам это последнее утешение.

Быстро и уверенно заработали ножины. И вот перед нами — груда корреспонденций из «Комсомольской Правды» и «Стены», разложенных по отдельным полочкам: «на борьбу с трудовой распущенностью», «производственные конкурсы», «комсомольцы в производственных совещаниях», «молодежная смекалка» и т. д., — но почти совершенно не обобщенных и некомментированных. Корреспонденции идут одна за другой в стробном порядке, и чув-

ствуется, что составителю или жалко было нарушить этот порядок, или не хотелось дать себе труда поработать над обобщением. Вернее второе...

После этого верь предисловиям, в которых написано: «Этот сборник — первая попытка собрать и обобщить опыт работы фабрично-заводских ячеек комсомола по производственному воспитанию рабочей молодежи».

Не только «обобщить» не сумел составитель, но это и не «первая попытка».

Почти одновременно с «Производственными застрельщиками» выпущена была «Молодой Гвардией» книжка И. Штейна и Н. Потапова «Веселая переключка» (Год работы комсомола в новых условиях)¹. В ней авторы собрали и действительно обобщили материал не только по производственному воспитанию рабочей молодежи, но и по другим отраслям союзной работы. Однако, первому вопросу все-таки было уделено достаточно внимания. Из 162 страниц текста 74, т. е. около половины

¹ Рецензию на нее см. в № 8 «Ю. К.».

книги, были посвящены производственному воспитанию.

Таким образом, «Производственные застрельщики» уже не являются «первой попыткой собрать и обобщить опыт работы фабрично-заводских ячеек комсомола по производственному воспитанию рабочей молодежи». Вину за такую ошибку мы склонны, однако, возлагать не на составителя, а на Издательство, не позаботившееся согласовать свой план по юношеской литературе с другими издательствами. В итоге — две книжки, почти целиком повторяющие друг друга.

В последнем нас убеждает и сопоставление обеих книг. Оказывается, что значительная часть корреспонденций, помещенных во «Всесоюзной перекличке», использована и в «Производственных застрельщиках».

Раскром «Всесоюзную перекличку» на стр. 46—48. Там помещен интересный очерк о конкурсе прогульщиков, организованном стеногазетой «Вагранка» на заводе «Красная Пресня». Очерк этот взят из № 228 «Комсомольской Правды» за прошлый год. Теперь посмотрим 12—14 страницы «Производственных застрельщиков». Очерк и здесь перепечатан.

Совсем как в «Севильском цирюльнике»:

Фигаро си,
Фигаро ля.¹

Этим «Фигаро поневоле» пришлось стать еще и следующим корреспонденциям и материалам:

Корреспонденция Кессельмана о производственном конкурсе на «Искре Революции» (№ 294 «Комс. Правды»). Ставки стр. 53—55 «Всесоюзн. переклички» со стр. 27—30 «Застрельщиков».

Отрывок из книжки «вместо конкретных разговоров о конкретности — за работу». Стр. 97—99 «В. П.» и 34—36 «П. З.».

Письмо АСНАТ'а Луначарскому и Кувбышеву и ответ Луначарского. Стр. 104—107 «В. П.» и стр. 50, 51, 52 53, 54 «П. З.».

Корреспонденция К. Шувалова об приобретательстве на «Кр. Путиловце». Стр. 102—103 «В. П.» и стр. 55—56 «П. З.».

Можно привести еще несколько примеров, но, думаем, что довольно.

Некоторую попытку обобщить имеющийся материал по производственному воспитанию молодежи и дать этому вопросу определенную установку представляет из себя вторая часть книжки, написанная тов. Я. Ильным, — и в этом, пожалуй, единственное достоинство сборника.

Но и здесь не без греха. В статье часто приводятся те же примеры, которые имеются в первой части сборника (напр., тот же конкурс прогульщиков, корреспонденция Шувалова и т. д.). Кроме того, автор несколько идеализирует фордизм, когда говорит, что *суть фордизма* (курсив наш. — И. Б.) в организации работы непрерывным потоком, чтобы сырье, не задерживаясь, шло через разные операции и цеха, выходя из ворот предприятия в совершенно готовом виде. Такого фордизма у нас (за редкими исключениями, например, завод «Серп и Молот» в Харькове) еще нет.

Каждому политически грамотному человеку известно, что *суть фордизма* в доведенной до пределов интенсификации труда рабочего и блестящей рационализации производства. Что здесь на первом плане — первое или второе — в данном случае вопрос второстепенный. Мы чрезвычайно далеки от мысли заподозрить автора в неведении относительно этого (да и сам он через 10 страниц говорит о «советских поправках к фордизму»), но давая определения *«суть фордизма»* нельзя обойти молчанием и оборотной стороны фордовской медали.

С другой стороны, сводить весь фордизм и рационализацию производства к одному только конвейеру («непрерывный поток») — значит сужать понятие фордизма, охватывающего и ряд других процессов производства и проблему утилизации отбросов и т. д.

Это, однако, детали. В целом же автор правильно подходит к вопросу о производственном воспитании молодежи.

С. Букин.

Написав рецензию, мы спохватились: а что если наш читатель, прочитав ее, спросит, стрит ли все-таки приобрести книжку? Не стоит! За несколько большую цену можно приобрести «Всесоюзную перекличку», где читатель найдет ответ не только на вопрос о производственном воспитании молодежи, но и на ряд других вопросов социальной работы.

С. Б.

¹ «Фигаро здесь, Фигаро там».

Луи ФИШЕР. «Империализм нефти». Международная борьба за нефть. Предисловие Г. Ломова. ГИЗ. М.—Л. 1927 г. Стр. 176. Тираж — 3.000. Цена 1 р. 30 коп.

Не зачем доказывать советскому читателю, что упорная борьба против СССР ведется капиталистическими странами отнюдь не во имя «спасения цивилизации», о котором гругат капиталистические газеты, а по гораздо более прозаическим мотивам. Нажим бывших собственников — русских и иностранных, желание завладеть естественными богатствами советской страны, — вот истинные стимулы борьбы с Советской властью. В числе этих богатств важнейшее место занимает советская нефть. Советская нефть играет огромную роль не только в политике капиталистических держав по отношению к СССР, но и во взаимоотношениях этих держав внутри капиталистического круга.

Казалось бы, что у нас должно быть обширная литература по «нефтяному вопросу». Но этого нет. Как правильно указывает в предисловии к русскому изданию (перевод с американского издания) рецензируемой книги тов. Ломов — «у нас нет книг, посвященных связному систематическому рассмотрению вопроса о роли советской нефти в политических событиях мира за последние годы войны и революции».

Именно такой книгой является рецензируемая работа Луи Фишера.

Фишер останавливается, естественно, прежде всего на вопросе: из-за чего ведется «нефтяная» борьба, каковы настоящие ресурсы Советского Союза. Опираясь на данные и как американских институтов, так и подсчетами руководителей советской нефтяной промышленности, Фишер приходит к совершенно правильному утверждению, что СССР занимает *первое место* по богатству нефтяных месторождений, превышающему даже богатейшие запасы нефти Сев.-Американских Соединенных Штатов.

А потребление нефти велико и обнаруживает тенденции к дальнейшему росту. Не только промышленность, но и железные дороги, торговый и военный флот испытывают все большую нужду в нефтяных продуктах: бензине, керосине, газолитне, машинном масле и т. п.

В нефти заинтересованы не только отдельные капиталистические тресты, но и непосредственно государственные аппараты капиталистических стран (флот морской и воздушный, железные дороги). И хотя «правительство всего мира не падает слов для того, чтобы отрицать всякую свою заинтересованность в нефтяных предприятиях, однако уже теперь все знает, что во всех «циви-

лизованных» странах к кабинету министров ведет черный след жидкого золота. Без нефти и ее кораблей не обходится ни одно крупное политическое дело».

В основном «международная борьба за нефть» идет между двумя крупнейшими мировыми нефтяными концернами: английской Рояль-Детч-Шелл и американской Стандарт-Ойл.

Фишер показывает, что кавказская и персидская нефть играли не последнюю роль в мировой войне 1914—1918 гг. Надо отметить, что и здесь и кое-где в других местах автор, увлекаясь раскрытием «нефтяных тайн», забывает о других мотивах возникновения и ведения войны, видя исключительно «нефтяные причины». В доказательство он приводит небезытересные свидетельства американских экономистов. Что война велась не только ради нефти (и сырья), но и главным образом для захвата рычагов сбыта промышленных изделий — об этом Фишер не пишет. Нашему читателю, более или менее хорошо знакомому с целями империалистической войны, это не помешает, размеемся, оценить должным образом «нефтяные» мотивы войны.

Но, повторяем, если нефть была не единственным стимулом войны, то во всяком случае одним из основных, решающих. Выдержками из воспоминаний Людendorфа, английских генералов Дунстервиля и Сайкса, из лондонских газет 1918—20 г. г. и др. источников Фишер документирует нефтяную свистопляску, происходившую в 1917—1918 гг. на подступах к кавказской нефти, вскрывает истинный смысл оккупации Грузии сначала германскими, а затем английскими войсками, попутно показывая и борьбу за месторождение нефти в Персии и Мессопотамии.

Это введение и первая глава. Следующие четыре главы (2—6) — показ бесчисленных ухищрений, комбинаций, группировок капиталистических компаний, желавших завладеть советской нефтью. Фишер не только показывает, но и доказывает (документами), что срыв Генуэзской и Гаагской конференций (в 1922 г.) — дело рук нефтяных компаний, которым Советское правительство, естественно, не желало вернуть нефтяные источники. Поведение официальных представителей капиталистических правительств каждой отдельной страны на Генуэзской и Гаагской конференциях диктовалось по большей части даже незавуалированно нефтяной «групиной» данной страны.

Правительственные делегаты были лишь жалкими марионетками в руках могущественнейших нефтяных компаний. По количеству и подбору документов эти главы книги Фишера совер-

шенно исключительны и читаются почти как приключенческий роман.

Попытка единого фронта «нефтяников всех стран» не удалась, ибо «интересы, которые должны были бы действовать единым фронтом против своих смертельных врагов, большевиков, всегда разрываются внутренними противоречиями. Преполненные ненависти друг к другу, капиталисты никогда не могли позабыть о своих разногласиях и идти совместно против экспроприрующей Советской власти. Награвливать один трест на другой было так легко, что блокада, грозящая поставить Россию на колени, кончилась полной неудачей». Так пишет Луи Фишер — не коммунист, не марксист, а, повидимому, буржуазный журналист, старающийся объективно разобраться в политических событиях последних лет.

Концессии на нефтяные промыслы, предлагавшиеся иностранным капиталистам Советским правительством в 1921—1923 г.г., не были приняты нефтяными компаниями. Они рассчитывали на то, что советские хозяйственные органы не сумеют сами пустить в ход нефтепромыслы и отдадут позднее концессии на любых условиях. Но они просчитались. Наша нефтепромышленность, не получившая ни одной копейки от западных капиталистов, перевалила уже за довоенный уровень, и разумеется, теперь нам нет никакой нужды сдавать в концессию нефтепромыслы основных районов: Бакинского и Грозненского, восстановленные собственными силами пролетариата СССР. Речь может идти сейчас о сдаче в концессию лишь

не оборудованных или плохо-оборудованных месторождений нефти и на условиях менее выгодных для капиталистов, чем в 1921—1923 г.г.

Это великодушно понимает Фишер, трезво оценивающий хозяйственное положение Советского Союза.

Седьмая глава книги посвящена взаимоотношениям СССР с С.-А. С. Ш. и Японией, в связи с нефтяными концессиями на Сахалине. Автор говорит здесь о широко известной советским читателям истории с концессией американской нефтяной компании Синклера, расторгнутой в виду невыполнения договора концессионером.

Последняя глава посвящена вопросу о персидской нефти. И здесь шла и идет беспрерывная грызня между нефтяными компаниями за обладание богатыми месторождениями нефти. Ход борьбы показан автором достаточно полно.

Мы горячо рекомендуем эту книгу нашему активу. Она приподнимает красные занавесы над дипломатической кухней капиталистических стран, готовящих ультиматум Советскому Союзу, конфликты, чреватые новыми войнами, новыми жертвами.

Материалы книги Фишера могут оказать большую помощь нашим пропагандистам и агитаторам для разъяснения фокус-покусов с «письмами Зиновьева», «анти-британской агитацией большевиков» и т. п. шайки лордов, со- владельцев и прикащиков невооруженных королей нефти.

РОЕВСКИЙ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

От редакции: Помещая письмо т. Григорова и ответ на него т. Ипполита, редакция считает полемику по этому вопросу исчерпанной.

Ответ тов. Ипполиту

«Юный Коммунист» является «теоретико-политическим» журналом ЦК ВЛКСМ. Журнал этот, казалось бы, ко многому обязывает всякого участвующего в нем.

Именно это обстоятельство вынуждает меня отвечать на рецензию тов. Ипполита на книгу «Старый и новый быт» (изд. «Молодая Гвардия», 1927 г.).

Если бы тов. Ипполит ограничился в своей рецензии одной лишь бесшабашной бранью и самохвалством, то она вовсе не заслужила бы ответа. Но рецензия берет монополию не только на звонкую, пустую по своему внутреннему содержанию, фразу, но также делает попытку на «глубокое» понимание и объяснение некоторых основ марксизма-ленинизма. Это последнее обстоятельство еще больше вынуждает меня ответить нашему словоохотливому рецензенту.

Теперь по существу «глубин» ипполитовской «критики». Начнем по порядку.

На стр. 19 нашей книги «Старый и новый быт» мы говорим о том, что пролетарский быт начинает «постепенно вырисовываться» по мере организации пролетариата в «самостоятельную рабочую партию». На Западе это происходит раньше (после революции 1848 г.), в России позже (с момента организации первых рабочих кружков в 70-х и 80-х годах).

По этому поводу наш «умудренный критик» с видом знатока восклицает: «Как видит читатель, быт определяется здесь степенью сознательности». Откуда вытекает такой вывод — одному «критику» известно.

Если бы рецензент был немного беспристрастен, то он на стр. 26 нашей книги нашел бы следующее определение быта: «Быт, как надстройка над экономическим фундаментом, еще менее зависит от воли отдельных людей и целых социальных групп. Быт еще больше зависит от окружающих условий, ибо он не отражает экономику данной эпохи, но отражает эту эпоху через соответствующую классовую призму».

Пусть судят сами читатели, насколько прав наш критик, приписывающий нам мысль, что «быт определяется степенью сознательности».

Но наш критик не только грешит насчет добросовестного цитирования, но допускает также большую ошибку, когда утверждает, что «социалистические идеи явились следствием бытовых условий, но не их причиной»¹. Мы узнаем таким образом новость, что «социалистические идеи» определяются не производственными, классовыми отношениями, а «бытовыми условиями». Вот если наш тов. Ипполит докажет, что понятие «производственные отношения» исчерпывается понятием «бытовые условия», тогда мы вынуждены будем сознаться в своем невежестве. Но, мне думается, что тов. Ипполит не возьмет на себя столь неблагоприятную задачу, ибо это значило бы повторять старые ошибки французских материалистов-метафизиков (да извинит нас читатель за такое лестное для тов. Ипполита сравнение), которым как раз не удалось разрешить проблемы о происхождении общественного сознания, потому что они принимали частное за общее, т.е. бытовые условия за производственные отношения.

«Бытовые условия» не покрывают собой производственных условий и, следовательно, не могут быть «основной причиной социалистических идей».

А вот принадлежность рабочего к борющейся партии, к организации с четкой программой и ясными задачами безусловно способствует изменению быта, потому что партия отрывает рабочего от обыващины (то, что В. И. Ленин назвал «деховщиной»), превращая его в сознательного представителя сво-

¹ «Юный Коммунист» № 7, стр. 68.

его класса. В этом смысле и нужно понимать наше утверждение, что пролетарский быт начинает складываться вместе с его партией. Мы думаем, что ни один из мало-мальски грамотных марксистов не будет отрицать великого объективного значения коммунистической партии, способствующей коренному изменению рабочего (и не только рабочего) быта.

Вместо самовлюбленности, немного больше строгости к себе — и это также будет понятно и для нашего строитивого «критика».

Теперь о религии. Здесь наш рецензент буквально не пожелал подумать: он, по всей вероятности, спешил поскорее нахватать «подозрительных» цитат, чтобы дать простор своему «критическому» пылу.

Ну, что ж, бывают такие случаи, когда невежество прикрывается энтузиазмом. Но все же придется разобраться и в хаосе «критической» жемчужины.

На стр. 120 и дальше нашей работы «Старый и новый быт» мы говорим о том, что буржуазия по-разному относилась к религии, в зависимости от того, была ли она классом восходящим или классом умирающим. Кому не известна такая истина, что великая французская революция проходила под идейным знаменем французского материализма XVIII века (Гольбах, Гельвеций, Лидро, Ламетри) и просветителей, т.е. под знаменем атеизма. Когда же буржуазия одержала победу, она снова отбросила знамя материализма, оно ей больше уже не нужно было, ибо материализм против вечности бытия, т.е. против вечности, абсолютности буржуазии. Когда буржуазии необходимо было свергать феодализм, она придерживалась материалистического учения, потому что оно трактовало о неизбежности гибели дворянского сословия.

Когда же они сами стали у власти, то стали снова на точку зрения религии, трактовавшей уже о неизменности буржуазного быта.

Вместо того, чтобы к вопросу религии подойти по-марксистски, т.е. рассматривать отношение к ней различных классов на различных исторических ступенях, наш «глубокомысленный» рецензент, как поугай, повторяет заученные наизусть фразы, в роде того, что «религия одна из форм идеологии», «религия есть рефлекс реального мира», «коренится в общественных отношениях» и проч. При чем вся эта тривиальность пересыпается такими ничего не говорящими словами, быдницами на ученость, как «реформация церкви», «кальвинизм», «феодальный католицизм», «протестантская ересь».

И, наконец, о значении морали. На стр. 28 «Старого и нового быта» мы говорим: «Достаточно было рабочему классу и крестьянству понять буржуазную живность этой (буржуазной: Г. Г.) морали, чтобы покончить со своими эксплуататорами». Для всякого непредубежденного читателя эта мысль является ясной и понятной.

В. И. Ленин нас всю жизнь учил, что социалистическая революция зависит не только от экономики, но и от готовности рабочего класса взять власть в свои руки. А это что означает? А то, уважаемый критик, что сознание, в том числе и моральное сознание пролетариата играет не последнюю роль в рабочем движении, а также при свержении старой власти. Следует ли из этого, что «идеи правят миром»? Только в разгоряченном мозгу так сильно могут исказиться наши мысли.

И последнее — о различной степени разврата буржуазии, тоже на различных этапах ее существования. Мы вовсе не хотим сказать, что буржуазия сейчас меньше развратничает, чем на заре своего возникновения. Как раз наоборот, загнивание капитализма находит свое отражение и в бытовом загнивании (это нами достаточно подробно развито во II главе нашей книги). Но нельзя же отрицать того факта, что американские и английские капиталисты являются в свои колонии и своему рабочему классу под маской благочестия и морализма. В этом и заключается все лицемерие современного капитализма, который не прочь и попокетничать с пролетариатом и своими колониями. Для современной буржуазной политики более характерна капиталистическая Америка, чем капиталистическая Европа. А американские капиталисты грабят свои колонии, как известно, держа ветку мира в руках, и только иногда (растерев рабочих в Нанкине, Шанхае) обнаруживают свою зверолодность.

В этом смысле, а не в другом, нужно понимать нашу мысль о том, что «буржуазия решила ослепеться» (взято это слово в кавычки, уважаемый критик!) и «размырять перед пролетариатом роль добродетельных людей».

Здесь можно было бы и точку поставить, кабы не последний абзац нашего рецензента, ради которого, по нашему мнению, была совершена экскурсия в «германскую реформацию» и проч.

Но мы, уважая время читателя, не будем разбирать «глубин» этих безответственных фраз, вылетевших из «шитерской» головы Ипполита, а скажем только: не Дунаевский согрешил перед комсомолом, рекомендуя нашу книгу

читателю, а тов. Ипполит согрешил перед редакцией «Юного Коммуниста», разместив на страницы этого хорошего журнала столь недоброкачественную рецензию.

Г. Григоров

Ответ тов. Григорову

Уважаемый товарищ!

В своей рецензии, которой Вы остались так недовольны, я назвал труд соавтором коего Вы являетесь, «нестоящей книжонкой». Скажу прямо: Ваше письмо ничуть не разубедило меня в точности данной оценки.

Я считаю ниже своего и журнала, в котором сотрудничаю, достоинства отвечать на двусмысленные намеки, щедро Вами разбрасываемые. Я не хочу также подражать тону Вашего письма, напомнившего мне тот сорт полемики, который Маркс назвал «грубиянской литературой» и который, по моему глубокому убеждению, совершенно неприличен в спорах между коммунистами. В самом деле: речь идет не о личных достоинствах Григорова и Ипполита, а о разъяснении перед читателем внутренней стойкости книжки, претендующей на марксизм, ленинизм и другие хорошие вещи, т.е. о вопросе общественном. Зачем же раздражаться? К чему ругаться предпоследними словами? В таких делах нельзя терять хладнокровия!

Судя по тому, что Вы в своем письме не нашли ничего возразить против ряда утверждений моей рецензии, можно полагать, что Вы с ними согласны и признаете свои ошибки. У нас остается расхождаться всего по трем пунктам: 1) о морали, 2) о религии и 3) о генезисе социалистических идей.

1. Вы продолжаете настаивать на том, что достаточно пролетариату понять жливість буржуазной морали, чтобы покончить с эксплуататорами. Но это мало сказать, надо еще доказать, чего Вы не пробуете делать. Неужели, — спрошу я, — пролетариат, например, Польши или Германии до сих пор не понимает «жливости буржуазной морали»? Конечно, он ее давно раскусил, но, тем не менее, победоносной революции пролетариата в этих странах еще не было. Почему? С Вашей точки зрения, товарищи, это совершенно необъяснимо, а с точки зрения марксиста-ленинца объясняется легко: тем, что еще не сложились материальные условия социальной революции, соотношение классов в данный момент не в пользу пролетариата. В октябре 1917 года в России сложилась противоположная обстановка, когда все шансы победы (армия, массовое движение, разложение власти) были на стороне пролетариата и руководимого им крестьянства, хотя последнее, вопреки мнению т.т. Григорова и Шкотова, в целом далеко не осознавало «жливости буржуазной морали», т.е. не имело налицо «основной» предпосылки революции. Ссылка т. Гр. на Ленина явно неуместна: Ленин говорит о степени политической зрелости рабочего класса, что, действительно — необходимое условие победы, а вовсе не о каком-то «моральном сознании» (?!). Очень жаль, что у товарищей не хватает такта, чтобы не вмешивать Ленина в защиту каждой своей благоглупости.

2. Идем дальше. «Вместо того, чтобы к вопросу (2—*Ин.*) религия подойти по-марксистски, — пишете Вы, — рецензент... повторяет... фразы в роде того, что «религия одна из форм идеологии», «религия есть рефлекс реального мира» и проч. Очевидно, товарищ, Вы сами не считаете эти «фразы» марксистскими, несмотря на то, что они принадлежат никому иному, как Марксу и Энгельсу. Вы пишете, что «вся эта тривиальность пересыпается такими ничего не говорящими словами... как «реформация церкви», «кальвинизм» и т. д. На это я замечу, что задевшие вас слова — обычная терминология предмета, сколько-нибудь понимающему человеку говорящая все, что надо; ее употребляет не только «бюшья на ученость» Энгельс... Но Вы, я вижу, самого Маркса не считаете за настоящего марксиста! Воля Ваша, а я все-таки остаюсь при старом, марксистском, «тривиальном», как Вы выражаетесь, понимании предмета.

Вы приглашаете взглянуть на 120 стр. Вашего произведения. Извольте! Мы там находим цитату из Л. Аксельрод, вождя современных механистов, которую Вы, в простоте своей, считаете одним из лучших философов в марксистском лагере. Затем идет без всякой связи с ней безграмотное рассуждение о религии буржуазии. Я в своей рецензии подверг его критике, которую Вы не опровергли ни единым словом и которая поэтому остается в силе; отсылаю Вас к ней. Мало сказать, что эти возражения «тривиальные» или что слова «кальвинизм» Вам ничего не говорит. Справьтесь у знакомых или в словаре, если Вы его не понимаете, но ответ надо дать по существу, чего Вы тщательно избегаете.

Наш спор состоит вот в чем. Вы утверждаете, вместе с рядом ученых и философов, что «русский держится преимущественно на обрядах, на тех высоко-торжественных праздниках, литургиях, молебнах, в которых масса так же склонна, как и к любому театральному зрелищу» (стр. 53). Другими словами, Вы видите, в конечном счете, корни религий в психике человека (страсть к зрелищам), т. е. рассматриваете ее, как категорию психическую. А моя малость вслед за Марксом и Лениным видит корни религии в общественных отношениях и считает ее категорией социальной. Вы, например, уверены, что «русский человек по своей природе антирелигиозен» (стр. 155), и думаете, что «углубили» Маркса, а мы считаем эту Вашу мысль вздорной и пелесой. Русского «человека», как такового, мы вовсе не знаем: есть русский буржуа, рабочий, крестьянин и т. д. Русский рабочий в большинстве не религиозен: так же, как рабочие других народностей, но это объясняется не его «природой», а бытовыми условиями. Крестьянин же, напротив, в массе до сих пор религиозен, но опять-таки не потому, что он «русский» или такова его человеческая «природа», а в силу условий своей жизни и труда, в силу своих отношений к природе (в общем смысле слова: земле, атмосферным условиям и т. д.). Понятно это Вам, тов. Григоров? Если да, то у Вас еще не все потеряно!

Наконец, переходим к третьему, наиболее важному пункту — о происхождении социалистических идей и их связи с «бытовыми условиями».

Вы без тени доказательств подвергаете сомнению мою добросовестность в цитатах, но сами обращаетесь с ними гораздо хуже: вырываете концы абзаца и громите его, забывая о предшествовавшем. Таким путем можно доказать вообще все, что угодно. И Вы предпочитаете извращать противника, чем убеждать его. В Вашем письме нет новых доказательств Ваших мыслей. Вы ограничиваетесь их повторением и думаете, что это аргумент. Мне остается тоже повторить свои возражения, изложив их в более популярной форме, чтобы сделать доступными для Вас.

Вы не устаете повторять, что пролетарский быт «начинает выравниваться» лишь по мере консолидации пролетариата в свою партию. Для России Вы определяете его зарождение семидесятыми—восемьдесятими годами. Спрашиваете, каким же был быт рабочего до этой поры? Может быть, Вам известно, что рабочий класс существовал в России и до 70—80 г.г. прошлого века? Поскольку же он существовал, то, очевидно, у него был и свой устойчивый быт, описанный, между прочим, в нашей литературе. Отсюда-то и следует, что Вы жестоко ошибаетесь, думая, что без рабочей партии нет «пролетарского быта».

Вторая Ваша ошибка состоит в том, что Вы думаете, будто пролетарский быт должен непременно сочетаться с «социалистическими идеями». Если б Вы читали хотя бы классическую работу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», Вам было бы ясно, что это совсем не так. Английский рабочий 30—40-х годов был далек от научного социализма, что не мешало ему иметь следифическую жизненную обстановку, называемую бытом. Это и значит, что пролетариат, «мог создавать свой собственный быт» вне зависимости от проникновения соц. учением (т. е. степени сознательности), как полагаете Вы; это я и говорил в своей рецензии и был вполне прав.

Последнее Ваше заблуждение относится к роли «производственных отношений»; оно обнаруживает теоретическую беспомощность и беззаботность, свойственную не только Вам, но и вообще довольно распространенную в наши дни. Позвольте поэтому остановиться на нем подробнее.

Приоравливаясь к своему собеседнику, я беру самый простой пример из его же книги. Тов. Гр—ов вполне логичен в своих ошибках и храбро доводит их до конца; он пишет:

«Политический и этический оппортунизм Хемлунда имеет своей причиной экономику, те условия, которые создались в мировом хозяйстве в эпоху финансового капитализма, в эпоху пресловутой «сверхприбыли», на которую не раз указывал В. И. Ленин» (стр. 116).

Внешне фраза выглядит марксистски: тут и «капитализм», и «сверхприбыль», и экономическая база общества, и даже ссылка на Ленина. А вот, что говорит сам Ленин о таком методе: «Спасибо за такой марксизм, который все явления и изменения в идеологической надстройке общества выводит непосредственно, прямолинейно и без остатка исключительно только из экономического базиса. Дело обстоит совсем не так уже просто». (К. Цеткин. «О Ленине». М. 1926 г., стр. 16).

На самом деле объяснение успеха той или иной идеи или мысли надо искать не в «производственных отношениях» или в «экономике», а в общественной психике. В свою очередь, эта психика вырастает из системы общественных отношений, покоящихся опять-таки на производственных отноше-

ниях, а они зависят от развития производительных сил, т. е. экономической базы общества. Таким образом, в конечном счете ход идей от экономики, но между ним и его базой лежит целый ряд надстроек, взаимно влияющих и определяющих друг друга.

Вот по всему по этому нельзя выводить оппортунизм того или иного субъекта прямо из «сверхприбыли», а «социалистические идеи» из «производственных отношений». Здесь гораздо более тонкий и сложный переплет, который т. Гр—ов должен был вскрыть и обваражить, если бы он был марксистом. В этом смысле гораздо правильнее сказать, что социалистические идеи порождаются совокупностью «бытовых условий» (понимая под ними крупную промышленность, классовую борьбу, общий культурный уровень рабочего класса, современное состояние научных знаний и т. д.), чем выводить их «непосредственно, прямолинейно и без остатка» из производственных отношений.

Нет смысла продолжать наш урок; т. Гр—ов легко может найти лучших и менее занятых педагогов. К тому же столбцы «Юного Коммуниста» имеют другое назначение, чем быть начальной школой для неуспевающих учеников. Тов. Григоров еще молод, и у него есть время понять и исправить свои недостатки; надо поучиться, а потом уже писать умные книжки!

Желаю в этом успеха!

С коммунистическим приветом

Ипполит

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ

на журнал „Юный Коммунист“

1 мес. — 65 коп., 3 мес. — 1 руб. 90 коп., 6 мес. — 3 руб. 70 коп.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: И. Жолдак, Кансберг, Т. Костров, Д. Матвеев,
А. Мильчаков, Д. Хаяни и Н. Чаплин.

Ответственный редактор—Д. Хаяни.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Центр, Новая пл., 6.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

СПУТНИК КОМСОМОЛЬСКОГО ЭКОНОМРАБОТНИКА

В. Булах, С. Каплун, В. Нечаев, В. Рогов, С. Розовский, Г. Шварц. С пред. и под редакц. Экономкомиссии ЦК ВЛКСМ

Содержание: Предисловие. В. Рогов — Экономическая работа фабзав'ячейки. В. Булах — Профсоюзы и молодежь. В. Нечаев — Состояние рабочего образования: фабзавуч, профессионально-технические курсы рабочих, бригадное и индивидуальное ученичество. В. Булах — Тариф рабочей молодежи. Г. Шварц — Броня подростков в производстве. Сводная таблица законодательных норм брони. С. Каплун — Охрана труда малолетних и подростков. С. Розовский — Комсомол и социальное страхование. Приложение.

319 стр.

Ц. 2 р. 75 к. (в папке).

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ЛКСМ

Постановление всесоюзного совещания экономработников при ЦК ВЛКСМ. Со вступительн. статьей Ал. Мильчакова.

Положение труда молодежи и задачи ВЛКСМ (Мильчаков). Очередные задачи экономработы ВЛКСМ на концессионных, арендных и частных предприятиях. О работе ВЛКСМ по проведению режима экономии и постановке производственного воспитания. О массовой экономработе союза. Экономработа ВЛКСМ в деревне. Итоги и задачи в области проведения брони и сверхброни. О борьбе с безработицей.

111 стр.

Ц. 50 к.

Шварц, Гр. и Зайцев, Вл.

ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДА МОЛОДЕЖИ В СССР В 1923—1925 г.г.

С предисловием Экономкомиссии ЦК ВЛКСМ

Статистический труд, освещающий положение труда молодежи и намечающий перспективы политики в этой области.—1. Численность наемной молодежи. 2. Броня подростков. 3. Заработная плата. 4. Охрана труда. 5. Охрана здоровья. 6. Ф. З. У. 7. Безработица. Приложены статистич. таблицы.

167 стр.

Ц. 2 р.

★

Заказы направлять по адресам:

Москва, Новая пл., д. № 6, Издательство „Молодая Гвардия“, Торговый Отдел.

Филиалы: Ленинград, Проспект 25 Октября, 54. Харьков, Троицкий пер., д. 2, тел. № 56-03. Ростов н/Д, Проспект Подбельского, 15. Киев, ул. Воровского, 25, Пассааж, 33. Свердловск, ул. Ленина, 40.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Москва, Новая площадь, 6/8

Л И Т Е Р А Т У Р А

ОБ ИТОГАХ И ПО ПРОРАБОТКЕ РЕШЕНИЙ
V ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ВЛКСМ

БИБЛИОТЕКА V КОНФЕРЕНЦИИ ВЛКСМ

Чаплин, Н. Год работы в новой полосе. Доклад Центрального Комитета ВЛКСМ. 25—26 марта 1927 г. 64 стр. Ц. 25 к.

Шацкин, Л. Доклад делегации ВЛКСМ в Исполкоме КИМ'а. 28 марта 1927 г. 32 стр. Ц. 25 к.

Жолдак, И. Массовая культурно-просветительная работа среди молодежи. Доклад 29 марта 1927 г. 24 стр. Ц. 15 к.

Завьялов, В. Социалистическая рационализация производства и задачи экономической работы ВЛКСМ. Доклад 30 марта 1927 г. 64 стр. Ц. 35 к.

Брогов, М. Об участии комсомола в под'еме сельского хозяйства и кооперировании деревни. Доклад 29 марта 1927 г. 48 стр. Ц. 25 к.

Максина, О. Состояние и ближайшие задачи пионердвижения. Доклад 28 марта 1927 г. 20 стр. Ц. 15 к.

Резолюции и постановления V всесоюзной конференции ВЛКСМ. 48 стр. Ц. 25 к. В палке — карманного формата — 140 стр. Ц. 35 к.

Слепнев, Н. Комсомольцам о V всесоюзной конференции ВЛКСМ. 62 стр. Ц. 30 к.

★

Вышла из печати и поступила в продажу:

V ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВЛКСМ

24 — 31 марта 1927 г.

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

440 стр.

Ц. 2 р. В переплете — 2 р. 35 к.

★

Заказы и деньги направлять в адреса Издательства „Молодая Гвардия“ и его Отделений в Ленинграде, Харькове, Ростове н/Д, Свердловске и в Киеве.